

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ЭТАП ДЛИННОЮ
В ЖИЗНЬ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ПРОЛОГ.....	9
ЧАСТЬ 1.....	11
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	56
ЧАСТЬ 2.....	57
Глава 1	58
Глава 2	61

Глава 3	64
Глава 4	67
Глава 5	73
Глава 6	77
Глава 7	82
Глава 8	87
Глава 9	91
Глава 10	94
Глава 11	95
Глава 12	97
Глава 13	105
ЧАСТЬ 3	107
Глава 1	108
Глава 2	115
Глава 3	118
Глава 4	127
Глава 5	129
ЧАСТЬ 4	137
Глава 1	138
Глава 2	142
Глава 3	144
Глава 4	153

Глава 5	159
ЧАСТЬ 5.....	163
Глава 1	164
Глава 2	170
Глава 3	173
Глава 4	177
Глава 5	181
Глава 6	183
Глава 7	185
ЧАСТЬ 6.....	187
Глава 1	188
Глава 2	192
Глава 3	193
Глава 4	196
Глава 5	203
Глава 6	206

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

Гражданин Пожарский Владимир Алексеевич, осужден на 15 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима по статье...УК РСФСР.

Из приговора.

Написано со слов человека, прошедшего в местах лишения свободы 9 лет за экономические преступления. Освобожден условно-досрочно в связи с распадом СССР и ликвидацией статьи в новом уголовном кодексе Российской Федерации.

С.А.

Зелинский

**Этап длинной
В ЖИЗНЬ**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский. Этап длиною в жизнь.

С. А. Зелинский.

Этап длиною в жизнь. Роман.—
CANADA.: Altaspera Publishing & Literary
Agency Inc, 2014. — 204 с.

ISBN 9781312698192

© ALTASPERA PUBLISHING &
LITERARY AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской
редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было
форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ
«ЭТАП ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ».
РОМАН.

роман

Этап длинною в жизнь

*Гражданин Пожарский Владимир Алексеевич, осужден на
15 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии
усиленного режима по статье...УК РСФСР.*

Из приговора.

*Написано со слов человека, прошедшего в местах лишения
свободы 9 лет за экономические преступления. Освобожден
условно-досрочно в связи с распадом СССР и ликвидацией статьи
в новом уголовном кодексе Российской Федерации.*

Пролог

Этап. На самом деле до этапа было еще далеко. Хотя уже с другой стороны, этапом можно было назвать всю мою жизнь. Ну, вернее, не всю. А те 40 лет, которые мне пришлось прожить к тому времени, когда я попал сначала в тюрьму, а потом в зону.

Мне было сорок. Я занимал весьма ответственный пост в министерстве здравоохранения. И видимо потому, в отличие от многих других заключенных, мне было значительно труднее. Труднее потому, что было откуда падать. Труднее потому, что я, сын крестьянина и крестьянки, родившийся в глухой станице, без всяких связей и чьей-либо поддержки смог добраться до министерской должности. Ну, почти до министерской. Если бы не посадили – стал бы министром. А так...

А так я стал заключенным. И судьба пошла наперекоса. Хотя и не совсем пошла. Могло быть хуже. Меня могли убить менты, разыграв мой воображаемый побег; или забить до смерти зеки, когда я... Впрочем, об этом я еще расскажу. Впереди еще много, о чем я могу рассказать. И наверное еще больше, о чем действительно хочу. Хотя уже когда начинал эти записи, и даже еще раньше, когда только продумывал их, возникал у меня вопрос: а так ли уж можно обо всем написать?

Можно (соглашательски киваю себе головой). И может в какой-то мере даже нужно. Нужно, прежде всего, для самого себя. Чтобы еще раз пережив все произошедшее со мной – забыть. Поскорее забыть все. И больше не вспоминать. И ни перед каким предлогом не перечитывать написанное. Написать и забыть. Писать – вспоминая. Хаотично, отрывочно – без разницы.

Главное, как можно больше вспомнить – и об этом забыть. Пусть осядет это еще глубже в подсознании. А лучше даже - скроется там. И уже ни за что я не пушу это обратно. Нет. Ни за что. Хотя?..

Я написал «ни за что», и тут же подумал, что на самом деле многое от нас и не зависит. Многое, но не все. В чем-то все же повинны мы сами. И конкретно я. Я повинен в том, что вовремя не разобрался к какому клану в министерстве примкнуть. Мне казалось надо держаться министра. Оказалось – набирающего силу его зама. Который в итоге и победил. Министра перевели на другую работу (с более чем заметным понижением и отлучением от кормушки), а его команду здорово подчистили. Кто-то умер от внезапно случившегося инфаркта, кто-то погиб, кого-то просто выгнали и оставили в покое, а кто-то, как и я, получил различные срока. Мне дали 15. Большой срок. А могли и расстрелять. Хотя?..

.....

Так получилось, что я до последнего отстаивал свои интересы. Правда, *моими* они были, если уж совсем смотреть меркантильно. На самом деле я защищал своего шефа. И даже не столько, сколько его, а главным образом то дело, которому он и я посвятили всю жизнь. Хотя, наверное, и не всю, если жизнь продолжается. Но что уж точно – молодые и зрелые годы. Когда вполне можно было заниматься другим, но мы занимались *этим*.

Чем? Чем мы занимались, и так ли уж действительно стоило...

Стоило. Стоило.

И, наверное, нужно рассказать все поподробнее.

Часть 1

ГЛАВА 1

Родители назвали меня Владимиром. Володей. Вовчиком. Нет смысла перечислять все уменьшительные склонения моего имени. Особенно сейчас, когда зовут все меня Владимиром Алексеевичем. Ну или просто Алексеевичем. Также звали меня и зека. Уважительно. Они и на самом деле испытывали ко мне уважение. Пусть и не все. Если бы все - было бы уже слишком.

.....

Я отбывал наказание в колонии усиленного режима ИТУ-68/10 в Приморско-Ахтарске. Ныне уже расформированной. Да и на самом деле прошел я не весь срок. Через 9 лет заключения ушел по УДО, отбыв почти 2/3 полученного срока.

Ушел по УДО, хотя считал и до сих пор считаю, что ни в чем не виноват. Но оправдательные приговоры, когда вы уже осуждены и отбываете наказание, можно пересчитать по пальцам. В лучшем случае вас легче освободить условно-досрочно. Так спокойнее. Да и как бы Система ошибаться не может. Для того машина правосудия и создана, чтобы поддерживать Систему. А значит осуждать невиновных.

.....

Могу сказать, что после падения советской власти сидеть стало легче. Чуть полегче. Хотя смотреть на это можно двояко. Стало легче, потому что появлялись права перед администрацией. Но стало больше беспредела среди зека. И не так-то легко сказать что лучше.

.....

В ларьке я почти не отоваривался. Зеки сами приносили мне все необходимое. Ну еще периодически поступали передачи с воли. Там у меня осталась жена и двое сыновей. Артем и Василий. Старшему, когда меня забрали – 12. Младшему – 9. Жена – моя одногодка. Луиза. Красивое французское имя. Ее папа когда-то был подданным Франции. А потом зачем-то переехал в СССР. Мама Луизы, Мария Львовна, русская. Хотя быть может потому и приехал, что в то время легче было приехать в СССР, чем из него выехать. Времена были такие.

.....

Когда я попал в зону...

Нет. До зоны было еще далеко.

.....

Ментовский беспредел меня почти не коснулся. Можно даже сказать, прошел стороной. Хотя пока сидел, историй наслушался достаточно и не для одной книги. Но так ли уж нужно писать о том, о чем в какой-то мере уже написано много. Да и к чему пересказывать (пусть и даже в другой интерпретации) жизнь за решеткой. Незачем. Да и не нужно. А потому опишу я лишь то время, когда до вынесения приговора два года провел на больничке. Не совсем обычной. Психиатрической. В психиатрической клинике. Отделении тюрьмы. Или еще точнее – тюремном отделении психиатрической клиники. Где ждали комиссию подозреваемые или осужденные, решившие по каким-то причинам соскочить с нар на волю, прикинувшись невменяемыми.

Или же действительно сумасшедшие. Хотя таких, по сути, было немного.

.....

Кому пришла первому мысль разыграть мою невменяемость, не помню. За время следствия у меня сменилось несколько адвокатов. Крутили и так и этак, пока через полгода моего отбывания в ожидании приговора в тюрьме, мы вдруг решили все переиграть и разыграть невменяемость. Хотя я и не играл. Да это по большому счету было и не нужно. Но уже как бы то ни было, через полгода я попал в психиатрическое отделение тюрьмы. Где провел почти два года, после чего наконец состоялась последняя комиссия, после которой меня признали «вменяемым» и дали полный срок. 15. Притом что 2,5 года к тому времени я уже отсидел.

.....

Дело мое было длинное, и мучительно-запутанное. Притом что и дела-то по сути никакого не было. Вернее – не могло быть.

Но сверху спустили команду – посадить. И в итоге не помогли никакие связи и собственные возможности. Посадили.

ГЛАВА 2

Тюремное отделение больницы представляло из себя несколько помещений, в которых находилось полторы сотни подследственных и два-три десятка персонала. На окнах решетки. Железные двери на электронных замках. Сверху прогулочного двора – железная сетка под током. Ну или не под током. Никто не проверял.

.....

При мне за два года случилось три побега. Из них только один из потенциальных зека куда-то убежал. Всех остальных поймали. Наверное, били. И что уж точно, какое-то время после этого держали связанными и на аминазине с галочкой. Галочка – так ласково называли галапередол. Жуткое лекарство. Для здоровых. Психам вроде как и ничего страшного. Заторможенные только ходят как зомби. Да качаются из стороны в сторону. Ну да такова была советская медицина. Как говорится, ничего личного.

.....

Стоило мне попасть на *больничку*, и я уже всеми путями решил из нее выбраться.

Но адвокат убедил, что после нее можно вообще выбраться на свободу. Вроде как и без срока. И я решил попробовать. Как говорится, попытать удачу. Хотя и, по сути, не раз в этом раскаивался. Поначалу. А потом привык. И не к такому привыкают. Тем более передо мной маячила перспектива скорого освобождения. И я решил: отчего же не попробовать.

.....

Нахождение за решеткой это напряжение. Вы могли казаться расслабленными, но внутри должны быть собраны. Максимально собраны. Все время. Иначе все для вас закончится более чем плачевно. Начиная с того, что за какой-то косяк вас могли опустить. И заканчивая тем, что убьют. Хотя и достаточно сложно сказать что лучше. Там – лучше убить. На свободе...

Впрочем, свобода она и есть свобода.

.....

По сути, можно обо всем этом не рассказывать. Тем более что уже как будто все и пережил. Забыл? Нет. Не забыл. Но...

.....

Специфика подконтрольности заведения накладывала отпечаток на поведение осужденных. Ну, то есть, здесь устанавливались почти те же отношения, что и в тюрьме. Хотя кто-то считал что «больничка не тюрьма», и расходились мнения об этом даже у блатных. У авторитетных блатных. Такие тоже были. Времена уже наступили под закат советской власти. И отсидеться на больничке, да и вообще соскочить «по дурке» уже не считалось западло.

ГЛАВА 3

«Все плохо. Все слишком плохо. Пусть и не так, как это может ожидалось. И наверняка даже не так, как иной раз представлялось мне. Но вот ведь небольшой парадокс. Я вроде как и понимал что все как-то не так. Да и ничего лучшего как вроде бы предпринять не мог. Ну или не был способен. Быть может и не хотел. Внутренне не хотел. Не был к этому готов».

Я начал вести эти записи там.

Скажу, что какие-то записи вести запрещалось. Система словно подстраховывала себя, чтобы за пределами ее никто не узнал ничего лишнего.

Нет, вы могли выбраться из тюрьмы или соскочить с больнички на волю и писать. Это допускалось. Но весь расчет был, во-первых, на то, что толком уже ничего вы и не упомните. Ну или, что еще вернее, то что напишите – уже как бы будет не опасно.

Видимо власть все же боялась. Иначе к чему эти запреты? Ведь, по сути, ни к чему они привести не могли. И что уж точно, они совсем не приведут к тому результату, на который вы рассчитываете. Так-то уж.

.....

«Мне очень хотелось послать всех и начать жить прежней жизнью.

На самом деле, конечно, это уже невозможно. Вы проходите какой-то этап, и прежняя жизнь уже недопустима. Главным образом и потому, что вы сами к ней не желаете возвращаться. Это уже не то. Судьба перед вами приоткрывает

новые перспективы. Вы как будто ухватываетесь за них. Смотрите, постоянно смотрите вперед. Ждете и рассчитываете на что-то хорошее, доброе, светлое. Ну и когда оно, это хорошее, доброе, светлое приоткрывается перед вами, вы уже думаете про себя, что как будто бы и грех возвращаться к старому. Ну... Не хорошо это. Да и не нужно. Наверное, не нужно.

И ведь при этом подсознательно ждете, что теперь уж все изменится. Что теперь уж наверняка, того, что случилось с вами – не случится. Не произойдет. Ну, то есть, этого уже совсем как вроде бы и не будет. А что будет? Что будет, спрашивал я себя, и как обычно не находил ответа. Притом что подсознательно подозревал – ответ находится где-то рядом. Допуская, конечно, что на каком-то этапе я его не замечу.

Но при этом, зная, что подобное происходит на определенном этапе. Может даже этапе начальном. Ведь все мы когда-то пребываем на начальных этапах. Притом что такие начальные этапы могут и затянуться. И в какой-то момент вы готовы даже послать все и начать сначала. Ну... вроде как готовы. Хотя на самом деле, пожалуй, подобное уже невозможно.

Трудно сказать, почему это все бывает так. Почему?.. Я сам не раз задавал себе подобные вопросы. И даже если как будто бы и напрашивается какой-то ответ, то это уже будет и не ответ даже. Совсем не ответ. А значит почти сразу же после понимания этого нужно искать что-то другое. Что-то новое, и на самом деле интересное. Ну, как минимум интересное. Что

может, по сути, и невозможно. Да вполне возможно, что никогда и не произойдет. Так-то вот...».

.....

.....

Я вел эти записи, и мне самому они казались бесконечными.

Но нельзя было сказать, что ни к чему они не могли привести. Это не так. Хотя бы потому, что записывая их, я как бы заново переживал свое состояние. А значит успокаивался. Да, да, именно успокаивался.

.....

--Здорово, пацаны,--я вошел в камеру и поздоровался.

На лицах зека появилось напряжение. Каждый новый человек это напряжение. Напряжение в том, что он из себя представляет.

Ну, для тех, для кого тюрьма дом родной, напряжения не было. А вот для простых мужиков каждый новый сиделец может привести с собой новые проблемы. А новых проблем никому не хотелось.

--Здорово, коли не шутишь,--встал с шконки молодой парень с лицом уголовника.

--Кто ты?—услышал я хриловатый голос другого зека, игравшего до того в нарды и обернувшегося ко мне.

Я представился.

После нехитрых вопросов-ответов (из которых я узнал, что первого обратившегося ко мне с вопросом звали Бузло, а того, кто

играл в нарды – Макар) мне определили шконку и про меня забыли.

--Как там на воле?—подсел ко мне мужчина средних лет.

Я пожал плечами, мол, на воле как на воле, но я вроде как и не совсем с воли.

--Сытый, отойди,--повернул голову к любопытствующему Макар.—Дай отдохнуть с дороги.

--Да нет, я чо, я не чо,--закивал головой сытый (слегка полноватый лысый мужичок) и тут же отошел.

Я погрузился в свои размышления. Место, где я оказался, волей-неволей наводит на размышления. Вопрос только не свихнуться от них. А так, в общем, и ничего. Обычное времяпровождение.

Думать действительно было о чем. Притом что на самом деле обдумать хотелось многое. Вопрос только, что ни до чего дельного вы на самом деле додуматься не могли. Да вроде как и не должны были. В таком состоянии в голову обычно лезет всякая хрень. И все о чем вы должны помнить – как от этого избавиться. Ну, в том плане, чтобы вовремя избавиться. Иначе могут возникнуть непонятки. Ну, то есть, вы можете забрести в райские кущи своего подсознания. Из которых вам будет не так-то легко и выбраться.

Я это понимал. Конечно же, понимал. И в то же время не мог отказать себе от садомазохистского желания мучить себя; задавая нелепые вопросы. Понимая нелепость их. И в то же время подсознательно надеясь, что это все временно. Ну и как бы не настоящему.

.....

Я летел в пропасть. Я чувствовал, что сваливаюсь туда. И в то же время для меня как будто бы не было необходимости удержаться за что-нибудь. Чтобы выбраться обратно.

Глупо, но это было именно так. И даже если бы я хотел обратного, то уж точно у меня ничего бы не получилось. Ну, так уж выходило. Притом что наверняка, в большинстве случаев виновником был я. И уже то, что мне как бы и не хотелось обратно, свидетельствовало, что в душе моей происходил разлад. От которого я должен был страдать.

Должен, но не страдал.

Мне просто необходимо было такое состояние. И если на самом деле разобраться, то здесь вполне было над чем подумать. И уже то, что я задумывался над этим, как бы говорило само за себя.

--Послушайте,--услышал я адресованный ко мне вопрос молодого парня, по виду нормального, хотя с нормальностью обитателей того места где был я видимо еще предстояло разобраться.

--Послушайте,--повторил вопрос парень.—Так получается, что я попал сюда случайно. Но скажите, есть ли у меня шанс выбраться?

Я почему-то сразу стал отвечать, хотя вероятнее всего мне следовало задуматься над смыслом заданного вопроса, и списав автора как минимум на человека не совсем адекватного, промолчать. Но я ответил. Чем в последствие обрек себя на некоторое непонимание моей роли со стороны окружающих. Потому как, смешно сказать, но приняли они меня за... врача-психиатра. За врача-психиатра, который тайно поступил в

отделение под видом обычного (ну кем-то допускалось даже и не совсем обычного) подследственного. Цель? Разобраться с тем, что происходило в отделении. У местных обитателей волей-неволей было желание поплакаться царю-батюшке. В надежде, что тот выслушает и освободит их. А виновных в задержании – накажет.

Глупо, но эта возможная глупость просматривается, когда вы находитесь на воле, и вам не угрожает та атмосфера, в которую вы попадаете в любом петициарном заведении. Там и здесь – все видится иначе. Краски другие. А потому как будто бы и нет такой уж необходимости выискивать какие-то *непонятки* в речи местных обитателей. Разве что реально выслушать. А как максимум – постараться помочь. Ну хоть чем. Тем же советом, например. Ибо совет в иных случаях оказывается тем спасительным кругом, который может вытащить человека. Спасти его. Спасти его от ненужных последствий его ошибочного поведения.

Парень терпеливо ожидал ответа. Я ответил. Я ответил, и тем самым словно бы подтвердил предположение, закрывшееся в чью-то бредовую голову. А значит мне уже, собственно, и не нужно было выстраивать дополнительную легенду того что я оказался здесь. А даже наоборот – можно было с этого получать дивиденды. Ну, то есть, обеспечить себе вполне сносное существование. Что я, в общем-то, и стал делать. Потому как иного выхода у меня как будто и не было.

ГЛАВА 4

Значит, меня приняли за врача. Тайного врача. Врача, который должен был обнаружить недостатки, и, выявив их, сообщить куда следует.

Я стал играть в навязанную мне игру. Пусть правила игры устанавливал не я, но игра мне в чем-то даже понравилась. Притом что быть врачом куда лучше, чем прокурором. Прокурора разгневанные зека могли и убить. А так как будто бы они стали заинтересованы во мне. А значит, моя жизнь могла принять даже интересное для меня течение. На усмотрение остальных подследственных, разумеется. Но пока они не поймут что от меня ничего, в общем-то, и не зависит, я мог играть в эту игру. И быть может даже постараться что-то сделать интересное. Чтобы не только выжить (как выжить я бы в любом случае нашел и так), а обеспечить себе более-менее сносное существование. И уже это было, по сути, интересно.

.....

Конечно, были периоды, когда мне начинало казаться, что я ошибся. И хотелось, чтобы меня все оставили в покое. Хотелось обычной, нормальной жизни. Притом что я понимал, что на самом деле это уже и невозможно. Интуитивно угадывая, что если вы хотите как минимум более-менее сносно жить в той обстановке, в которой оказался я, то должны делать что-то, чтобы выделяться среди других зека. Это как бы ваш гарант безопасности. И возможность досидеть срок без приключений.

.....

Конечно, приключений хватало.

Уже само нахождение в подобном учреждении как бы предполагало то, что с вами может случиться все что угодно. Вы должны постоянно контролировать свои слова и движения. Потому как в любой момент вас могли заподозрить в совершении какого-нибудь *косяка*. А уже это могло привести к совсем нежелательным последствиям. И одно дело, когда «сесть» на неделю-две-три-месяц, а потом выйти и обо всем забыть, или же знать, что нахождение в том месте это лишь совсем небольшой этап жизни, после которого все продолжится, но вас уже будут воспринимать исключительно в соответствие с тем, каковым вы были во время нахождения в СИЗО, ну или куда я попал после СИЗО – на дурку.

ГЛАВА 5

На дурке не все были дураками. Это и понятно. Человек бессознательно стремится использовать любой шанс избежания наказания. И если получается что удастся соскочить через систему психиатрии, то почему бы, как говорится, и нет. А оттого и до 80% всех ожидающих комиссии об их вменяемости – не только вменяемы, но и, как говорится, «косят» самым жесточайшим образом. Зачастую вводя в заблуждение не только младший медперсонал, но и врачей. И только я до сих пор уверен, что по-настоящему опытный врач наверняка сможет отличить нормального от больного. Хотя, разумеется, и на старуху бывает проруха.

.....

Мне не очень хотелось там находиться. Я как-то понимал, что может и вполне буду готов пойти по этапу. И быть может даже отбыть свое наказание полностью. Хотя, разумеется, мне этого не хотелось. Но и сидеть среди психов (и главное, быть подозреваемым в том, что сам псих) не хотелось тоже.

Но пока я решил, что это есть хоть какой-то шанс избежать наказания. Ведь как мы решили с адвокатом, сначала на дурку, а потом через дурку – на волю. И если бы так действительно получилось. Если бы. На самом деле меня на миг захлестнула бластная романтика. Пусть и возраст мой уже был не тот, но тем не менее, как-то оказалось, что в какой-то мере все это (и тюрьма, и зона, и дурдом) как бы предусматривались в моей судьбе. Ну, в том плане, что они видимо вполне предполагались. И быть может

потому я на самом деле не испытывал тех трудностей, которые могли бы возникнуть по всем раскладам.

Ну и уже отсюда можно было сказать, что я должен был как-то цепляться за свое местонахождение. И это притом, что через время оно мне здорово надоело. И все что я хотел – попасть в тюрьму. Но оказалось, что не так-то и просто. В советские времена с адвокатом до суда видится было запрещено. По крайней мере, там, где находился я, это вдруг стало совсем невозможно. А значит я совсем был лишен информации о том, что же на самом деле происходит с моей защитой. Удалось ли адвокату найти ту линию поведения, при которой уже во время суда произойдет мое освобождение. Или же ничего подобного не предвидится. А я уже, получается, как бы и зря тяну свой срок в дурдоме. Когда надо переходить в тюрьму, и готовиться к этапу в лагерь.

.....

Меня все чаще стали раздирать серьезные сомнения. Как-то быстро оказалось, что все и действительно не так-то просто. И того, что должно произойти в реальности, я об этом как бы совсем и не знаю. И не только не знаю, но и не способен хоть как-то повлиять на ситуацию. А все происходящее для меня слишком запутанно, чтобы я смог действительно во всем разобраться.

ГЛАВА 6

Быть может впервые, как нельзя лучше появилась возможность вспомнить о детстве. И даже пусть может не столько о детстве, но и события двадцати – тридцатилетней давности были уже тем, откуда я вполне способен был черпать силы для жизни настоящей. Притом что случалось, возникали мысли, что никакая настоящая жизнь мне и не нужна. Ну, в смысле, что я и не так уж держался за нее. И если бы по каким-то причинам ее не стало, то наверное бы не опечалился.

Нет, это не означало, что я забрел в жизненный тупик. У меня оставались, конечно, шансы как-то выбраться из той ситуации, в которой я оказался. Пусть я допускал, что не совсем все адекватно оценивал. Но и словно бы уже это позволяло найти какие-то удивительно необходимые знаменатели. Способные (как бы способные) вывести мое сознание на новое русло в так необходимой для меня оценке действительности. Ну а может и не так-то уж чтобы необходимой.

Я вспоминал прошлое.

Я вспоминал прошлое, и мне казалось, что это дает силы жить в настоящем. Вопрос, конечно, оставался - насколько верно было, что это так. Иной раз мне казалось, что я просто-напросто забредал в удивительный жизненный тупик. И уже ничего для меня становилось не нужно. Как только смириться с тем, что происходило сейчас. Чему свидетелем я становился. Ну и в какой-то мере я уже готов был понести наказание за происходящее. Ибо пусть я считал себя невиновным в предъявляемых мне следствием обвинениях. Это было так. И при этом я понимал, что все равно виновен. Виновен хотя бы в том, что выбрал для себя подобную

жизнь. Жизнь, за которую я как будто и не так-то уж цеплялся. А она шла своим чередом. А я искусственно подгонял все под эти происходящие ситуации. Словно бы это было, и на самом деле этого не было. Притом что на самом деле это была великая ошибка. И следуя подобному пониманию действительности, я уже как будто бы изначально обрекал себя на новые страдания. Притом что нисколько не знал, что со мной будет дальше. Бессознательно стремился, конечно, к покою. К покою, который на самом деле совсем не значит, что мог когда-нибудь произойти в реальности. Потому как все было слишком длинно и запутанно. А я даже не стремился разрубить этот гордиев узел. Потому что в каком-то случае это быть может было и невозможно. Ну, или не совсем даже допустимо. А допустимо то, что должен был я страдать. Не пытаясь как-то избавиться от этих страданий. Ну и, разумеется, даже не надеясь, что это будет как-то уж допустимо, возможно, и реально не предполагая возможности совершения нечто подобного в реальности.

.....

Мне было хуже некуда. Я вполне серьезно запутался. Я поначалу было еще надеялся, что подобное со мной происходит временно. Что только стоит мне захотеть, и на самом деле удастся скинуть это непотребное ярмо, свалившееся на меня. И станет мне тогда более чем легко. Легко и свободно. Притом что я, конечно же, не знал как будет на самом деле.

Я мучился. Я на самом деле серьезно мучился. Передо мной все время возникало нечто, что как бы уводило меня в

сторону. В сторону настоящего; того, что происходило сейчас на самом деле. А я... я надеялся, что все это действительно пройдет. И ничего уже такого серьезного и страшного не будет. А значит, у меня появится возможность просто жить. Жить, надеясь, что эта жизнь будет продолжаться. Что она не оборвется на полпути. Ибо передо мной еще действительно были неоконченные задачи. Выполнение которых я быть может еще только запланировал. И даже знал, что мне удастся их выполнить. Решить. Ну я и решал по мере возможности.

ГЛАВА 7

Я не перечитывал свои записи. Я наоборот, стремился поскорее высказаться. Мне казалось, что уже как будто бы и нет времени медлить. Потому что любое промедление есть кара. Да, да, некая кара. И действие ее направлено на то, чтобы помешать вам достигнуть того результата, к которому вы, быть может, стремитесь.

.....

Я вновь и вновь задумывался о жизни. Так получалось, что я давно уже понял, что мое нынешнее нахождение здесь – есть ничто иное, как запланированное самой жизнью. И пусть я до сих пор не считаю, что это все должно происходить именно так, но уже именно так выходит, что все необходимо как раз для того, чтобы я лишний раз осознал свой путь. Путь, на который ступил, быть может и совсем неожиданно. Но что уж точно – это все не просто так. Как, наверное, и все, что происходит с нами.

.....

--А вы не думаете, что основная масса людей просто еще не готово к подобной форме изложения?—заинтересованно посмотрел на меня отец Виталий.

Отцу Виталию на вид было 40-44. Среднего роста, сухощавый, с умным пронизательным взглядом и припорошенными сединой висками, о.Виталий был смотрящий. Причем создавалось впечатление, что сам он несколько скептически относился к своему статусу. Но чуть больше понаблюдав за ним, я понял, что подобное просматривалось

только если неподалеку находился я. Тогда как с теми, с кем это было необходимо, о.Виталий общался соответствующим образом. С теми металлическими нотками в голосе, по которым было сразу понятно, что шутить отец Виталий был не намерен.

Когда перед его именем появилось дополнительное слово – я у отца Виталия не спрашивал. Но чем больше мы находились вместе, тем больше я узнавал о нем. Потому как совсем неожиданно для меня о.Виталий проникся по отношению ко мне удивительным расположением. Ну и вполне разумеется, я ему отвечал тем же. Потому что мне и на самом деле стал интересен этот человек. Человек, прошедший достаточно интересный жизненный путь.

А что до его удивительного имени, так на самом деле ничего удивительного и не было. А просто получалось так, что на каком-то этапе своей жизни Виталий увлекся православной религией. Притом настолько серьезно, что закончил даже богословский институт. И все шло к тому, что он должен быть рукоположен в сан (став дьяконом), но случился в жизни отца Виталия неожиданный поворот. И вместо соответствующей карьеры, он получил 7 лет усиленного режима. А в течение первого года к сроку было добавлено еще 5 лет. А к тому времени, когда я с ним познакомился, о.Виталий тянул уже второй срок. Ибо стоило ему лишь ненадолго выйти на свободу после первого срока, как он загремел по новой. И теперь у него вообще была расстрельная статья. Хотя я понимал, что до этого конечно не дойдет. Но в том, что о.Виталий получит свои 10-15, а может и 20 лет, не сомневался.

С о.Виталием мы часто беседовали о литературе. Ну, не только о литературе разумеется. Но вот наши беседы о литературе принимали иной раз совсем неожиданные повороты. Как, например, в этот раз, когда о.Виталий, узнав, что я начал первый свой роман и прочитав первые полсотни листов, засомневался что это будет легко понять простым читателям.

--Или Вы считаете, что все ваши читатели скрытые гении, и на самом деле им все будет понятно?—посмотрел на меня о.Виталий.

--Я думаю что в чем-то вы правы,--ответил я.—Притом что если что-то непонятно сразу, то человек интуитивно улавливает мелодичное звучание текста. А значит и через какое-то время ему будет доступно истинное осмысление некогда прочитанного.

--Вы уверены?—с некоторым удивлением о.Виталий посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул. К тому же я не мог отделаться от предположения, что о.Виталий и сам все понимает. А словно бы ненарочно проверяет меня. Ну или в вопросах своих убеждает в чем-то сам себя. Потому как ведь и на самом деле он все понимал. А то, что периодически спрашивал, свидетельствовало не иначе как о его специфических желаниях задавать подобные вопросы. Которые скорее были необходимы ему для собственного понимания чего-либо. Притом что в действительности ли он все понимал правильно – я был не уверен. Но мне хотелось надеяться что это было так. Притом что и на самом деле я верил, что через какое-то время придет истинное понимание. Ну а значит в какой-то мере я мог быть вполне спокоен. Ну, так уж выходило.

.....

Я действительно в тот свой жизненный период много общался. И помимо о.Виталия были еще люди, с которыми вел я свои проникновенные беседы. Притом что люди для моего общения подбирались удивительно интересным образом. И выходило так, что я через какое-то время поймал себя на мысли, что все это было необходимо мне. Ибо получалось, что у меня была возможность совсем неожиданно для себя открыть множество психологических типов различных индивидов. И быть может в какой-то мере даже проверить на практике то, что когда-то с таким усердием я постигал через книги да учебники. А здесь все словно наяву. Открыто и занимательно. Притом что я конечно же понимал, что наличие ошибок в этих беседах могло иметь весьма и весьма трагическую окраску. Ибо вы могли ошибаться в каких-то своих предположениях да теориях, но если от этого в определенной мере зависит ваша судьба, то вы уже вроде как и ошибаться не должны. И даже очень плохо будет, если ошибетесь. Ибо последствием ошибки может быть ваша смерть. Или как минимум вполне явное снижение жизненного статуса. Ибо каждый попавший за решетку имеет свой рейтинг. И чем выше он, тем ваше место нахождения в данном месте может быть безболезненнее для вас. И, безусловно, подобное понимает каждый. Потому и стремится повисить этот самый рейтинг. Ибо понижение его будет нести, может даже необратимые последствия. И на самом деле еще совсем неизвестно, чем же все это закончится. Притом что может закончиться и вашей смертью. В том числе и нежеланием вашей собственной жизни уже для вас.

Ибо получается так, что в отдельные моменты жизни смерть может выступить даже неким благом. Ибо запутались вы окончательно, и совсем не знаете, что с вами произойдет дальше.

Смерть – отчаяние. Смерть зачастую приходит именно от отчаяния. От того, что вы не только не знаете, но и боитесь своей дальнейшей жизни. Боитесь того, что можете еще натворить. Понимая, что лучшим будет прекратить этот хаотичный бег по жизни. Прекратить самому. Хотя быть может и в иных случаях вполне лучше подождать. Хотя бы какое-то время подождать. Ибо в таком случае еще вполне все может произойти иначе. И всем будет по-настоящему хорошо. Ну, в смысле, станет хорошо. И все у вас получится.

ГЛАВА 8

Я конечно же не верил, что все так нелепо закончится. И на самом деле стремился к жизни. Ну, быть может, в том своем местонахождении хотел того, чтобы дни и годы побыстрее отмотали свой счетчик. После чего появится возможность начать все сначала. И я каким-то образом стану уже совсем другим. И передо мной откроются совсем иные перспективы. И ничего по-настоящему трагического хотя бы какое-то время не будет лезть мне в голову. Не будет возникать в моей жизни. Не будет мучительно оттягивать меня назад в неизвестность. И тогда уже, если что и будет, то это что-то будет по-настоящему искренне и так необходимо мне. А в душе моей появится радость за то, что это действительно случилось. Произошло. Началось. Быть может тогда это действительно только начнется. А потом, позже, наверняка станет легче. И что уж точно, уже не будет так мучительно больно, что это все было так, а не иначе. Почему? Да, наверное, в первую очередь потому, что я уже этого хочу сам. Хочу, чтобы все случилось именно так. Хочу, чтобы в жизни моей наступил какой-то хороший поворот. А значит так действительно будет.

.....

Мое нахождение в тюремно-психиатрическом отделении на самом деле не было таким уж мучительным или неприятным. Ведь как-то понял я, что весь вопрос в том, какой вы займете жизненный статус. Как решите позиционировать себя. Как захотите, чтобы вас воспринимали окружающие. Притом что, конечно же, карательных возможностей у психиатрии было

больше, чем у кума в тюрьме. Потому что в арсенале врачей были лекарства, которые, воздействуя на вашу центральную нервную систему, могли по желанию сделать из вас животное. Амебу. Парализовать вашу волю. Превратить вас в дерево. Отучить вас не только мыслить, но и реагировать на окружающих. И даже...

Страшно все это. Очень страшно. Через какое-то время я стал просить перевести меня обратно в тюрьму. Мне казалось, что там я был, по крайней мере, защищен. Каким-никаким, но законом. И мог добиться встречи с прокурором по надзору. Тогда как здесь я полностью был лишен этого. А все мои просьбы могли списать на мое же сумасшествие. Ну, в том плане, что если вы хоть на время становитесь пациентом дурдома, то вы уже как вроде бы и не человек. И вас совсем необязательно слушать. И совсем не нужно выполнять какие-то ваши просьбы. А если будете настойчивы (чем выведете из себя администрацию), то пропишут вам курс «аминазина». После которого если выживите, то вам уж точно будет все равно. Ибо уходят под воздействием дозы все ваши мысли. И если какие мысли появляются у вас, то лишь только о том, чтобы поскорее умереть. Ибо жить, а значит страдать, вы совсем даже не хотите. И слезы текут у вас, совсем не совладав с вашим желанием не показывать вашу слабость. Но какая тут уж слабость, если на самом деле ничего от вас и не зависит. А все что вам хочется, так это быть может и правда умереть. И вы уже инстинктивно примеряете в своем воображении ту ситуацию, когда вы умерли. И представляете слова, которые будут говорить о вас. Притом что большинство будет и совсем не понимать, почему на самом деле произошло так. Из-за чего такое стало возможным.

.....

Я старался отогнать от себя подобные мысли. Мне... мне они были более чем не нужны. Тем более как любому человеку хотелось мне чего-то чистого, доброго и светлого. Что в той моей ситуации означало только одно: желание чтобы поскорее все закончилось. Пусть уже даже и будет приговор, но чтобы он поскорее состоялся. А уже какой он будет, это, как говорится, вторая часть марлезонского балета. Тем более что сам балет мне был не нужен. Я знал что не виновен, знал что на своей должности занимался тем чем занимался, и никто бы не потерпел если бы было как-то иначе. А тут, получается, подставили тебя самым обычным образом. Сверху не поделили власть, и новый министр не только наводит порядок, но и уничтожает всех и все, что было связано с его прежним как будто бы даже руководителем. Но ведь я-то! Я если и занимал какие-то должности, то были они отнюдь и не такие уж руководящие. Пусть и ходил я в приближенных к гонимому, но как будто и сам удалился от принятия каких-то судьбоносных решений. И тогда уже если и есть моя вина, то лишь в том, что сам не ушел с должности. Но уже с другой стороны – так-то ли меня бы легко отпустили?! Нет, конечно же, нет. А еще бы и припомнили что-то (никогда не совершенное). И... не хочу об этом. Не могу. Готов понести вину. Пусть даже расстрел.

Расстрелянным я никому не нужен. Тот, кто инициировал все это, заинтересован, чтобы все те, кто когда-то мешал ему – долго мучились. Пусть даже не совсем думаю я, что ему это было действительно нужно, но он ведь человек Системы. И я был в этой

же Системе. А значит все, что со мной должно произойти – зависит от Системы. Я как бы отдаю себя ей в руки. Полагаясь на ее волю. И на ее репрессивные механизмы. Создававшиеся когда-то нашими отцами да прадедами...

Мой отец, Алексей Павлович, во времена Сталина работал в системе министерства сельского хозяйства отнюдь не на последних ролях. Чудом избежал репрессий. Был переведен сначала в министерство водного транспорта, а после – в министерство промышленности, а еще позже, с приходом Хрущева, вновь пошел на повышение и оказался даже в ЦК. Откуда благополучно ушел на пенсию персональным пенсионером (те, кто жил при Союзе или увлекается историей СССР, знает что это такое).

Дед по линии матери был 2-м секретарем Краснодарского горкома партии.

Дядя моей бабушки – генерал КГБ. Умер в первые дни путча (то ли не выдержало сердце, то ли кто-то инсценировал инфаркт).

В общем, так получалось, что волей-неволей моя семья проходила какой-то свой путь. Ну, разумеется, не она одна. Но и то, что происходило сейчас со мной... Ну, я как бы этому не удивлялся. Все было так, словно бы так быть и должно. Словно бы я этого ожидал. Словно бы... Не знаю. Не думаю, что в моем случае необходимо так-то уж печалиться. Скорее всего – принимать все как должное. Если страдать – то молча. Если даже и всплакнуть – то беззвучно и про себя. Да и, по сути, если честно,

мне уже и самому было интересно, чем же это все закончится. А потому возможное насилие над собой воспринимал я с садомазохистским пиететом. И, получается, наслаждался страданиями... А то и добавлял себе их. Еще больше добавлял. Ну как бы усугубляя все...

ГЛАВА 9

В какой-то момент мне все надоело. Я понял что должен, даже быть может обязан, если не выбраться отсюда (что, к сожалению, было не совсем в моей компетенции), то по крайней мере скрасить свое данное место нахождения мыслями о хорошем. Ну и конечно – скрасить хоть чем.

Что само собой обеспечило бы мне выживание в этой обстановке. Ну и быть может даже вполне сносное житье. Хотя и понимаю, что до конца понять эти строчки способен тот, кто и сам пережил подобное. Потому как в ином случае не передать словами вечное ожидание наказания. Когда администрация проинструктирована соответствующим образом, и от вас ждут элементарной ошибки чтобы загнать вас под пресс. Под молотки. Под молотки той карательной организации, в недрах которой вы находитесь. И ваша такая судьба, что если хотите выбраться живым из нее, то не должны совершить ошибки. Иначе никто не даст за вашу жизнь и ржавого советского рубля. А вы на себе испытаете все прелести ада.

.....

Я вот задумался. А не выходит ли так, что жизнь на самом деле совсем не такая, как вижу ее я. И я просто бьюсь в какие-то двери, пытаюсь решить какие-то вопросы, а на самом деле все неправильно. И иду я совсем какой-то ложной дорогой. Обманывая себя и тех, кто доверился мне, верит в меня, и просто... Я не знаю. Наверное, когда я в полной мере осознаю что это так – то застрелюсь. Иного как будто и не дано. Грустно и

печально. И даже не знаю, есть ли на самом деле выход. И еще
вернее – так ли уж необходимо мне этот выход искать? Вопрос.

.....

Я сам себе задаю вопрос, понимая, что это тоже ошибка.
Не ответа на вопрос надо искать, а решать, как быстрее
заканчивать свою жизнь. Вот так-то вот...

ГЛАВА 10

В тюрьме мне снились удивительные сны. Были они совсем не те, которые случались на воле.

Могу сказать, что иной раз мне казалось, что лучше бы сновидений не было бы вовсе. Так было бы спокойнее. Да и зачем они? Иной раз растроят только душу.

Но, случилось, сны были и хорошие. Добрые такие. С надеждами на ту жизнь, которая должна начаться после того как выйду я на свободу.

Я не думал о свободе. Она проходила в моих мыслях на каком-то втором плане. Я словно бы боялся представить ее *истинный размах*. Так могло быть только в одном случае: когда человек уже и не верит в достижение ее. Не верит в то, что он реально (даже когда-нибудь!) окажется среди свободных людей. Когда на него не будут давить ни тюремные стены, ни прессинг администрации, ни тюремные правила, следовать которым (негласно) обязан каждый зека. Так это было. И мне не очень хотелось, я боялся разбираться, почему это было так. Словно бы я все время искусственно оттягивал момент, в котором мне все же придется принять то, что происходит в жесткой реальности. И как тогда я себя поведу – я не знаю. Не знал. И боялся представить в воображении какой-то сценарий.

.....

В какой-то мере, быть может все это было и не так. Сейчас уже все и не вспомнишь. Хотя записи вести начал я еще там. Но из-за постоянной опасности проверок происходило это таким

образом, что после окончания всего – все и собрать не удалось.

Странно, но это так.

.....

Я не думаю, что я тогда считал что так-то уж что все плохо. Скорей всего как обычно: начал играть. И заигрался. Да и ведь это достаточно сложно: с одной стороны переживать искусственно, и не позволять наигранным эмоциям превращаться в настоящие.

И с другой - совсем не переживать. Но показывать себя переживающим.

И я уже понимаю, что именно в этом видимо и заключается настоящая беда. Ибо, получается, я жил и не совсем своей жизнью. Жизнью наигранной и странной. Жизнью, в которой играл в выдуманную собой роль. Притом одновременно играл роль и первого и второго плана. И получалось так, что действительно заигрался. Потому как порой искреннее начинал переживать за какую-то уж и совсем ерунду. А там, где надо было бы действительно опечалиться – игнорировал. Чем, вероятно, здорово позабавил бы какого стороннего наблюдателя. Если только допустить, что такой бы нашелся.

Не нашелся. Я знал, что серьезно никто (из местных обитателей) под меня не станет копать. А общий план наблюдения за всеми я с легкостью выдерживал благодаря природному чувству такта и обычной наблюдательности. Так что в то, что в этой Системе я выживу – я уже поверил. И поверил настолько, что едва не совершил оплошность, которая разом бы откинула меня в моих позициях назад. Но так получалось, что этого никто не заметил.

Что как бы уже говорило о том, что и не следили за мной так-то уж серьезно. Да и относились видимо с каким-никаким, но уважением. Что выходит тоже – мне помогало.

.....

Я не думал, что все так плохо. Не верил этому. Да, по сути, так это на самом деле и не было. А потому если забыть на миг все те мучительные переживания, свойственные мне в том состоянии, в том времени, то уже, по сути, сейчас могу признаться, что и действительно ничего такого уж страшного не было. Да и не должно было быть. Хотя и верно то, что как это должно (или не должно) быть правильно – видится только со стороны. То есть когда мы не прочувствуем ситуацию настолько, как непосредственный участник событий. А значит что уж точно – нам действительно легче. Хотя в ином случае и насколько легче – быть может не ведаем и сами. Ибо подсознательно мы в любом случае переживаем трагедию. А, откладываясь в подсознании, эта трагедия каким-то грустным образом через время начинает воздействовать на нас. И получается, что уже пострадаем мы точно также. Ну или *почти* точно также. Что по сути ничего и не меняет.

ГЛАВА 11

Так случилось, что именно в тюрьме научился я многому, что мне не могла дать воля. Ну или же на воле для этого потребовалось бы гораздо больше времени. А получалось так, что периодически загоняя себя в угол, и находясь на грани критических раздумий о необходимости собственной жизни – мое сознание вспыхивает озарением. Являя иной раз совсем новую модель поведения, которой необходимо следовать.

Так случается не часто. Ну, разумеется, не часто, иначе можно было бы сойти с ума. И могу заметить, что в какой-то мере так и произошло, что мой мозг приобрел какие-то совсем новые изменения. В результате чего и течение самой мыслительной деятельности стало происходить несколько иначе. Так что иной раз я вполне допускал, что и не от мира сего. И при этом каждый раз после этого возвращал себя обратно. Пусть до конца уж возвратиться и не получалось. Ибо действительно возникало нечто новое и на удивление привлекательное. После чего пускался я в странствия по новым горизонтам жизни. Совсем не ведая, к чему это еще по-настоящему приведет и куда выведет. Но что уж было точно – я никогда не возвращался назад. И в какой-то мере было это очень даже нормально. Ну, или на крайний случай – так получалось.

.....

Я не думаю, что это было излишне надуманно, да и, пожалуй, так уж и необходимо.

Но и в тоже время я могу сказать – что, что все я обдумывал и выполнял – мне было нужно. Потому что приносило

это определенные плоды. И происходило так даже тогда, когда что-то в моих действиях происходило совсем уж призрачно-схематично. И, разумеется, в итоге это все получалось на удивление правильно. Словно существовал еще кто-то, кто вел мою жизнь в нужном направлении. А я если и не догадывался как это будет на самом деле (как бы в итоге), то что уж точно – подсознательно догадывался как это все-таки должно быть. И выходило, что в конце концов все получалось именно так. Что заметно прибавляло мне сил. А если были силы, то появлялись и возможности. Которые помогали мне выдержать многое. А может даже и все.

ГЛАВА 12

Я вполне сознательно не стану сейчас приводить бытописание ни тюремной, ни тюремно-психиатрической жизни. До меня это уже сделали другие авторы, и, по сути, с тех пор практически ничего не изменилось. Хотя бы потому, что не изменилась ни сама система. Ни психология преступника. Ни психология надзирателя.

На воле вы могли быть какими угодно людьми, но попадая в жернова пенитенциарной системы, волей-неволей начинали играть по существующим правилам. И в одиночку изменить ничего не были способны. А значит невольно повторяли судьбу своих предшественников. Оттого и буду касаться я в большей мере психологически-философских аспектов. Ибо, по сути, у меня была боль. И я должен был боль эту излить. Посредством написания в том числе и этих строчек. Как бы заново переживая то, что происходило когда-то со мной. И навсегда избавляясь уже от этого. Ибо нет ничего страшнее, чем носить этот груз в своей душе. Страшный, по сути, груз. Груз, от которого необходимо во чтобы то ни было избавиться. Пусть и на самом деле это не так просто. Но я попытаюсь.

.....

Страшные дни, страшное время, страшная жизнь. Тюрьма никому не прибавляла жизни, а только отнимала ее. Но как блаженны страждущие, так и блажен тот, кто научился случившиеся с ним неприятности обращать во благо. Извлекать из этого благо. И жизненный опыт. Чтобы не только в последующем что-то сделать лучше, весомее, значимее, продуктивнее и

интереснее, но и вступить на новые рубежи с уже обновленным багажом знаний о жизни. О выживании в этой жизни. Все же и действительно нам нужно говорить о выживании, а не о приспособляемости. Ибо, что такое есть приспособляемость? Ошибка. Более чем распространенная ошибка, путь из наличия которой ведет на самом деле в никуда. В пустоту. Причем чтобы раствориться в пустоте, а никак не выжить в ней. Не адаптироваться в ней, ибо это уже быть может и невозможно. И как ни прискорбно, это так, а не иначе. Просто потому, что иного не дано. Так уж вышло.

.....

В общем, так получалось, что я понял, что будет гораздо лучше, если смогу я извлечь какую-то пользу и с моего нахождения в данном учреждении.

Долго, конечно, раздумывать не пришлось. Да и, по сути, все было достаточно просто. Раз я попал сюда, то уже просто обязан был сопоставить ситуацию в которой оказался. И найти те положительные стороны, что я мог извлечь. Притом что положительность их могла оцениваться не только моим непосредственным выживанием, но и – применением возвращенных в данных условиях личных качеств, которые могли бы пригодиться мне в обычной жизни.

Итак, что это могло быть.

1. Опасность могло представлять нахождение в замкнутом пространстве достаточно большого количества. 100-150 человек. Это уже много. Но не так много, как если было бы больше тысячи,

и можно было бы уж так не вариться в собственном соку. А так – уже через какое-то время каждый знает другого. В вас постоянно утыканы десятки пар глаз. И спрятаться от них невозможно просто потому, что каких-либо помещений, где можно находиться, всего пять. Столовая (там же проводится время в перерывах между приемом пищи). Умывальники (длинная труба с дырками, из которых текут струйки холодной воды). Там же где умывальники и курилка. Туалет (чем-то напоминающий городские бесплатные туалеты времен советской власти). Ну и места, где стоят двухъярусные кровати (шконки), и где совершается сон. Мест получается четыре. Пятое только в теплое время и если нет дождя – прогулочный дворик. Но тогда уже никому внутри находиться недозволено.

Что, получается, я мог извлечь из этого? Совместное нахождение половозрелых мужчин в одном месте – канал страстей в результате подавляемого либидо (сексуального желания). Кто-то, правда, занимался онанизмом или пользовался услугами *опущенных*. Но ведь пидарасы это не женщины. А значит психическая составляющая тревоги все равно присутствовала. А отсюда – конфликты. Заканчивающиеся иной раз драками.

Можно было этого избежать? Фактически нет. Разве что не попадать за решетку. А уж если оказывались вы здесь – то необходимо было научиться разруливать возникающие конфликтные ситуации. Притом что нельзя поддаваться, иначе достаточно быстро станете изгоем. И никаких прав среди остальных зека у вас уже не будет. А подняться обратно невозможно.

Вот здесь-то как раз и оттачиваются знания психологии. Причем психология, больше чем какая другая наука, основывается на таланте. Ибо если нет у вас врожденных качеств прочувствования другого человека, то научиться тому вы не сможете. Требуется хоть минимум, но что-то изнутри. То, что передалось вам генетическим путем. Или хотя бы филогенетическим. Что уже немного легче, но все равно требует умения интуитивно угадывать психологический портрет другого человека. Чтобы знать, что он из себя представляет. И уже координировать собственное поведение в зависимости от этого.

.....

Скажу, что мне всегда удавалось разруливать накалы страстей, грозившие мне. Я научился как предугадывать их, так и действовать уже непосредственно в момент возникновения. Ну и еще, стоит отметить, активно использовал добровольных помощников. Часть из которых просто делились со мной тем, что они слышали в разговорах других. Чуть после я собрал дружину верных мне людей. Которые готовы были по одному моему зову растерзать любого. А значит, мне уже стало и легче жить. Когда кто-то стоит за вашей спиной вам всегда легче.

ГЛАВА 13

Я тут задумался. Не начинает ли смахивать мое повествование на какое-нибудь исследование? Хотя уже с другой стороны, в этом как бы и нет ничего плохого. Тем более что я в первую очередь стремился изложить (вспомнить и изложить) свои тогдашние ощущения. То есть анализ действительности, который я тогда без сомнений вел. Вот только получается, что вспомнить все как будто и не могу. Не могу вспомнить то, что чувствовал тогда. Хотя и вспоминаю. Искусственно погружая себя в прошлое. И извлекая из подсознания то нечто, что когда-то легло туда неким незамысловатым образом. Вытесненное сознанием, на миг отказавшемся воспринимать действительность.

Все верно. То, что происходило со мной – происходить было не должно. Ну не так это было и все. Не хотел я этого. Всячески сопротивлялся. Сопротивлялся подсознательно. Ибо в сознании на самом деле я принял все. И даже стремился действительно как-то приспособиться. Выработать определенную модель поведения, которая в итоге позволила бы мне выжить.

.....

У меня как-то быстро появилось много друзей. Среди них были те, кто мог считаться близким другом. Были те, кто был просто другом. И были те, кто хотел считаться моим другом. Хотя таковым в действительности не являлся.

Кого я могу сейчас вспомнить? Был Саша. Длинный, худощавый сорокалетний скорняк, попавший на психиатрическо-

следственную комиссию за то, что пригрозил перерезать горло военкому, который каждый год его вызывал к себе (по ошибке) и проводил беседу о том, что Саша должен выполнить свой гражданский долг и отслужить в армии.

В армии Саша служил. 20 лет назад. И когда его вызвали первый раз, думал что это на военные сборы. Но оказалось, что кто-то в военкомате серьезно напутал с документами и у Саши потеряли сразу 20 лет жизни. А значит, как говорил ему, пыхтя от излишнего веса и излишне выпитого накануне коньяка военком, служить обязан.

Саше каждый раз удавалось переубедить военкома. Но когда его снова вызвали, Саша, отметив про себя, что это продолжается третий год подряд, схватил за ворот военкома и пригрозил отрезать ему голову или перерезать горло.

Сашу повязал приехавший наряд милиции (военком успел нажать кнопку тревожной сигнализации). Ну а заодно вместе с милицией приехал и врач. Он же, видя возбужденное состояние Саши – выписал постановление (подписанное следователем) на прохождение психиатрической экспертизы.

Так с ним познакомился я.

Федя. Толстый и высокий. Добродушный до безобразия. Федя должен был тянуть третий срок. Первые два у него были за мошенничество. Уже позже один из доверенных санитаров сообщил мне, что помимо мошенничества там еще был вооруженный грабеж (позже переквалифицированный на разбой), несколько убийств и нападение на инкассаторов. Все инкассаторы

остались живы. Но следователи считали, что на руках у Саши осталось как минимум полмиллиона долларов. Ну, так уж вышло.

Я понимал, что если докажут что преступления совершались не в одиночку а бандой (сообществом друзей), то Феде грозит от 20 лет до пожизненного (ПЖЗ).

Миша, маленький, атлетически сложенный, попал за изнасилование тещи. Утверждал, правда, что та сама ему дала, но написала *заяву* потому как во время их очередного траха их застукала супруга Миши (до этого он уже жил половой жизнью с тещей полгода).

Много было персонажей. Всех сейчас не упомнишь. Да и не надо наверное чтобы так уж оживали они. Хотя, по сути, если не напишу о них, то так и пройдут они по жизни, да и умрут как миллионы других, оставшихся неизвестными потомкам, и о которых помнят лишь такие же не вечные близкие родственники, да совсем уж подозрительные друзья.

.....

Среди зеков велись многочисленные беседы. Пожалуй, это было одним из излюбленных форм времяпровождения. И уже через время узнаете вы друг о друге все. Но все равно о чем-то спрашиваете. Притом что со временем уже не так интересен рассказ вам. И что уж точно, давно наскучил он тому, кто вам рассказывает. Но все равно все продолжается. Хотя бы и потому, что не может так все быстро закончиться. Потому что нескончаемы сроки у сидельцев. Также как и неизвестны эти

сроки. Сроки, охватывающие собой долгие дни, месяцы и годы заключения. И так проходит жизнь. Жизнь, о которой думаете вы уже, что быть может и не нужна она вам вовсе. Но что-то есть, что словно упрасивает продолжать ее. Так все и тянется. Пока не выходите вы на свободу. Давая обещание себе начать все заново. Но конечно, не у всех это получается, начать заново. И добрая треть недавно вышедших – возвращается обратно.

Но и даже те, кто закрепился на воле – нет-нет и вспоминают свою недавнюю жизнь. Невольно сопоставляя ее с жизнью новой. И часто не в пользу последней.

--Дураки вы,--сказал Михалыч, когда один из нас стал выказывать недовольство своим нахождением здесь, а мы все как-то быстро подхватили.—Что вы ропщете? Ведь выйдете на волю – да сами потом будете если не проситься обратно, то вспоминать о жизни которую ведете сейчас с умилением.

Тогда мы ему не поверили. Никто не поверил. Даже быть может и сам Михалыч до конца не поверил в свои же слова.

Но вот сейчас прошло время, и я нет-нет да и задумываюсь о том, что как хорошо было жить на всем готовом. Еда и сон по распорядку и всегда гарантировано. Крыша над головой. Всегда чистая постель и сменное белье. Даже со временем душ можно было принимать по желанию (договорившись с санитарями-охранниками), а не раз в неделю, как было положено по распорядку. Да и те же самые санитары готовы были выполнить любые мелкие поручения. Сходить в магазин, например. Или привести девочку. Или свидание с близкими не через стекло и под надзором, а с глаза на глаз. Так было. Подобное допускалось.

Допускалось, если отсидели вы уже какое-то время, и смогли заслужить уважение. Ну и что естественно, подобное было доступно не всем. Но мне – всегда. Я вообще находился на каком-то ином положении. Причем часто складывалось все само собой. И мне не нужно было для этого лезть из кожи вон.

ГЛАВА 14

Конечно, вполне логично было бы заметить, что поначалу испытывал я некую подозрительность по отношению к другим. К тем, кто уже находился там, куда я поступил. Но здесь могу заметить, что это все вполне объяснимо. Да и глупо было бы доверяться совсем незнакомому человеку. Предательство за решеткой развито было во стократ больше чем на воле. Поэтому просто так *спалиться* было бы достаточно глупо. Да и говорил уже я, что последствия могли быть действительно самые нежелательные. Ибо каждый из вновь прибывших получает свой статус. И от этого в какой-то мере уже зависит вся его жизнь. Причем жизнь, по сути, может и внезапно закончиться. Поэтому вы должны быть более чем осмотрительными при каких-то ваших жестах или словах. Чтобы не возникли *непонятки*. А значит и возможная дальнейшая трагедия.

Как бы то ни было, но это и действительно важно. Да и вообще при попадании за решетку (где наблюдается большое скопление людей) необходимо все время оставаться предельно внимательным и сконцентрированным. Любая оплошность действительно может стоить дорого. Поэтому ситуацию рекомендуется просчитывать заранее.

Часть 2

ГЛАВА 1

Нельзя сказать, чтобы Владимир Алексеевич Пожарский так-то уж переживал, что попал за решетку. Скорее всего, свое нахождение здесь он рассматривал (ну хотя бы первое время) как возможность отдыха. Ведь проблемы в последнее время действительно навалились на него. Появилась масса каких-то невероятных забот, обязанностей, условностей, которые обязан он был соблюдать. При этом никто, разумеется, его самого не спрашивал. Просто как-то быстро он понял, что оказался в единой цепи, одним из звеньев, важных звеньев этой цепи; и при этом понял, что пути назад уже, по сути, и не будет. Да и путь назад в таких ситуациях возможен только один – смерть или тяжелое увечье и вечная инвалидность. А ни того ни другого сорокалетний мужчина не хотел. Перед ним, быть может, вообще был открыт весь мир. Мир на ладони. И требовалось просто вести грамотную и выдержанную политику. Излишне не форсировать события, но и не замирать на месте. И чтобы это все получилось – необходимо интуитивно прочувствовать ситуацию. Что у Владимира Алексеевича, в общем-то, всегда получалось.

А потому, *подержавшись* какое-то время, Пожарский понял, что и действительно глупо было бы противиться тому, что и так катит в руки. И стал эти руки подставлять. А иногда и зачерпывать ими. На счастье. В поисках счастья. Ну или на крайний случай – просто на удачу. И даже уже не в поисках этой удачи. Потому что она, в общем-то, была. Необходимо было просто грамотно расставить акценты. Выявить главное и второстепенное. Выбрать угол зрения, плоскость восприятия, под которыми предмет или какая ситуация видны будут лучше. Станет лучше очерчен их

контур. Набросана схема. Появится общее видение предмета. То, как это должно быть и как это есть. Без всяких там ненужных условностей.

.....

Владимир Алексеевич понимал, что ему улыбулась настоящая удача.

Но вот только чем больше проходило времени, тем чаще он вынужден был погружаться в другой мир, в который пропуском был алкоголь. Мир, в котором Владимир Алексеевич вел себя естественно. Мог позволить это. Ему не надо было озираться по сторонам; оправдываться; заранее просчитывать ситуацию, как он это делал в обычной жизни.

Да и обычная жизнь теперь выглядела загадочной и нелепой. Словно бы что-то начинало говорить Пещерникову – прекрати, вернись, отдай все что есть и уйди в отставку; ну перейди на крайний случай на другую работу. Незачем так насиловать себя. Незачем загонять себя в угол, обкладывая стены кирпичами и начиная жить в замке, из которого выход только предполагается, но на самом деле воспрещен. Как запрещено и вообще все. Все что касается каких-то свобод. И впереди лишь ограничения. Ограничения этих свобод. Хотя все и продумано так, что вы живете – но ничего не замечаете. Не замечаете до поры до времени. Пока вам не сдавит грудь от безысходности. Или вы и на самом деле поймете, что все закончено. Все. Все что может быть, что было, и что будет. Что только когда-нибудь будет. Но уже и оно предreshено. А значит как будто и бесполезны какие-то стремления, казавшиеся излишними. И вам уже ничего не хочется,

не кажется, не желается. Потому что как будто все и закончилось. Но как только вы поймете, что это действительно так – вы умрете. А потому вы и живете, просто избегая каких-то тем даже в собственных мыслях. Ну, как бы излишне это. Не нужно. Не обязательно.

Владимир Алексеевич все понимал. Уже много раз он прокручивал в своем воображении различные ситуации в которых когда-либо мог оказаться. И можно сказать, что ничего хорошего не выходило ни при каких *раскладах*.

Был, конечно, один выход. Но и при этом он был столь незаметен, что еще требовалось время, чтобы различить его. Ну а тогда когда он будет более заметен, разумеется, все станет легче. Вот только когда это произойдет...

Владимир Алексеевич это понимал.

Можно сказать, что понял он все как-то сразу; в один момент перед ним раскрылось все, что еще недавно находилось в каком-то призрачном понимании.

И ничего после этого уже не хотелось. Словно бы даже не к чему уже было стремиться.

Словно лежала перед ним раскрытая книга. И если что еще и оставалось, так книгу эту только читать. Ну или хотя бы просто перелистывать.

И все станет понятно.

И ничего больше уже не захочется.

И ничего уже будет не нужно.

ГЛАВА 2

Так получалось, что Владимир Алексеевич Пожарский немного боялся себя.

И боялся в этом признаться себе же. Потому что выходило, что как только признается он в этом, и уже начнутся какие-то странные и необъяснимые последствия для него. А допускать этого Пещерников не хотел. Не желал даже думать об этом. И уж тем более, совсем не стремился, чтобы его достаточно загадочная жизнь как-то наладилась.

.....

Отношения Пожарского с самим собой были более чем странными.

Можно даже сказать, что он не стремился что-либо дополнительно понять в семейной жизни. Просто потому, что жизнь эта была ему как будто и не нужна. И что уж точно, так-то уж и не важна для него. Ибо получалось, даже живя в семье, Пещерников продолжал жить своей жизнью. Жизнью, где главным действующим лицом всегда был исключительно он. И если бы это когда-нибудь стало не так, Пожарский должно быть очень бы удивился. И сделал все, чтобы вернуться назад. В то время, когда он действительно был один. Отчего Луиза, жена, понимая это, старалась как можно меньше с ним общаться. А детей своих Пожарский и вовсе почти не видел. Ну а на самом деле, ему главное было знать что есть они. И что наступит тот день, когда они станут необходимы друг другу. А если пока это не произойдет, то как будто и ничего страшного. Тем более что и действительно не вольны мы как-то разруливать ситуацию,

предугадывая наше истинное место в ней. Ибо уже получается, что просто и многого нам не дано. А то что дано – иной раз мы и не способны распознать что это так. А значит ничего страшного или такого уж опасного не происходит. Это жизнь. А жизнь и действительно способна быть различной.

.....

Пожарский захотел на волю.

Он посчитал, что уже больше года находится за решеткой. Его держат как зверя, хотя и в отличие от зверя, у которого вообще нет никаких перспектив, Пещерников знал, что перспективы у него были. Вопрос только когда он сможет воспользоваться ими. Но в то, что когда-нибудь так и действительно произойдет – Пещерников верил. Верил искренне. Даже быть может слишком искреннее, чем это было необходимо. Да и, по сути, не оставалось ему никакого шанса кроме этой веры. А любая вера уже по форме своей замечательна. Ибо позволяет жить человеку. Будоражит его подсознание какими-нибудь хорошими мыслями. Помогает человеку.

И уже вследствие всего этого – способствует пониманию жизни. А значит уже все и не так плохо, как быть может это кажется. Да и от чего на самом деле может быть плохо? Ведь перед любым человеком периодически всплывают какие-либо перспективы. А значит и Владимир Алексеевич был не лишен их. Не лишен надежды. А надежда эта и вообще могла привести к чему-нибудь хорошему. Надо было только подождать. Дождаться того момента, когда это наступит. Верить в то, что это

действительно наступит. И нисколько не отчаиваться. Иначе и
зачем тогда жить?

ГЛАВА 3

--Сложно сказать,--вздыхнул Саша-Скорняк, когда я поинтересовался ожидающими его перспективами.

--Нет, подожди, ты считаешь что все так плохо?—не понял я.

Тогда я действительно еще мало что понимал. Система, с которой я столкнулся, не имела обратного хода. Она забирала ваши силы, эмоции, энергию. И изжевав – выплевывала вас. И основная масса уже оказывалась ни на что не способна, кроме как становиться вечным участником процесса, с вводными: тюрьма – воля. А у того, кому удавалось выбраться... Ну, были, впрочем, и такие. И даже не только выбраться, но и подняться. А кому-то и занять более высокие позиции, чем были раньше.

.....

Владимир Алексеевич не мог сказать, что мир остановился. И хоть поначалу было действительно тяжело, ему в итоге удалось перебороть излишнюю тревожность, начавшуюся сразу, как он столкнулся с пенитенциарной системой.

Вы оказывались охвачены непобедимой гидрой. Гидра – это система. С разветвленной сетью щупалец и репрессивными механизмами, отлаженными и обработанными на ваших предшественниках. У вас не было путей к спасению. Вы должны думать лишь о выживании и приспособляемости. Если вы попали в жернова – то необходимо было знать, что всеми силами вас стремятся поработить. Подчинить. И чем больше отказываетесь вы подчиняться, тем большие силы задействуются против вас. И вам становится действительно страшно.

Однако, стоит вам поддаться страху – и пиши пропало. Страх подчинит вас, и уже почти невозможно будет избавиться от него. Ну или сделать это будет очень и очень трудно. Тогда как, если вы просто помните о страхе, но не даете страху захватить вас – то в этом случае вам останется только справиться с врасплох настигшим вас беспокойством да тревожными состояниями.

.....

Итак, чтобы такого уж страха у Владимира Алексеевича не было. К своим годам он вполне умел с собой совладать. У него даже не было сомнений, что может в его жизни так-то уж произойти что-то страшное. Притом что странность эта была вообще какая-то особенность Пожарского. В зависимости от обстоятельств он мог казаться и странным, и странным уже и не настолько чтобы. То есть все было действительно разным в зависимости от того, под каким углом зрения смотрите вы на ту или иную проблему. Притом что вполне возможно, что со временем перед вами открывается и вообще нечто новое и удивительное. Такое, после чего вы уже не воспринимаете то что было в прошлом никак иначе, кроме как с позиции этого самого прошлого. Ибо так уж получается, что продолжаете вы быть нацеленными всегда вперед. И ничто вас на самом деле не может так-то уж потревожить. Да и возможно ли уже это? Нет. Наверное и невозможно. И тогда что остается? Пустота. Холодность нервов. Четкий расчет. Уверенность в завтрашнем и в сегодняшнем дне.

И как только понимаете вы что это и действительно так – вам становится намного спокойнее. И ничего вас уже не тревожит. А видится уже только хорошее. Что ожидает вас. Что предстоит

совершить вам. Что, в конце концов, возможно. Возможно и осуществимо. А вам уже, по сути, и не хочется ничего другого. Да и зачем? Если все удастся и так. И если вы интуитивно нащупали то, что способно вывести вас. Привести к успеху. Ведь успех, по сути, то, что вам нужно.

И тогда, когда это уже будет и действительно так, вам ничего не останется, как смириться. Забыв (попытавшись забыть) о том, что когда-то происходило с вами. Да и невозможно никак иначе. Ибо вы уже и не вы вовсе. А кто-то другой вместо вас. С которым вы только недавно познакомились. И которого только начинаете изучать. Изучать себя – в себе же. Ну, так уж получается...

.....

Пожарский понимал, что перед ним открываются удивительные перспективы. Он не верил, что они носят временный характер. Скорей уж постоянный. Потому как это то, к чему до этого он шел, к чему он стремился. Что, по сути, и так должно было когда-то произойти. И вот наконец-то произошло. Случилось. И он, Владимир Алексеевич Пожарский, оказался целиком и полностью в этом процессе. Оказался поглощенным внутри него. И у него от этого появлялось удивительное настроение. Которое он и не думал даже как на самом деле интерпретировать. Да и так ли уж это было нужно? Все легче или оставить все как есть, или же поддаться обычному ходу времени. Чтобы что-нибудь складывалось уже и без вашего такого уж ведома. Ну и разумеется – без непосредственного участия.

ГЛАВА 4

Как все начиналось? Мог ли он тогда еще хоть как-то предусмотреть свой путь? Так ли уж все складывалось удачно на его пути?..

Пожарский не мог избавиться от этих вопросов. Трудно ему было. Вполне бы он мог жить и с этими вопросами. Ощущать их в себе. Но зачем? Ведь уже становилось понятно, что если они существуют, то значит рано или поздно он, Владимир Алексеевич Пожарский, начнет мучиться от наличия их. Мучиться и страдать. И как-то нехорошо было, что это было так. Потому что если возможно было избавиться от них, то как говорить, почему бы и не избавиться? К тому же если это действительно так. Ну а что мешает? Способно ли что-то и на самом деле так-то уж помешать ему? Нет.

Пожарский еще раз задумался, и уже более решительно покачал головой.

И на самом деле не существует ничего из того, что могло бы ему помешать. А значит необходимо было как минимум все еще раз обдумать. Да и попытаться как-то вопрос решить. А проблему закрыть. Тем более будет это вполне возможно. Ну или вернее – вероятно это будет возможно. Потому что вроде как и все просто. Достаточно только прибавить уверенности себе. Да еще раз сопоставить все за и против.

И тогда уже понимал Пожарский, что для него и не существует ничего такого уж сложного, трудного, необъяснимого. Потому что возможно в этой жизни добиться многого. Главное только правильно расставить акценты. И не считать, что сделать

что-то совсем не возможно. Это не так. Возможно на самом деле все.

А еще, пребывая под следствием, Володе захотелось женщину. Этакую юную скромную монашку, которую он бы изнасиловал, после того как прочитал блядинку в ее глазах.

Но общение с женщинами было запрещено. Ну, разумеется, если у вас нет денег. Если есть - вам приведут самую настоящую блядь. Которую вы сами пожелаете. Опишите ее только...

Пожарский стал мучиться с этой проблемой. Ему бы может и вообще забыть ее – да стал подозревать Володя, что это было бы неправильно. Девушку следовало не только найти, но и изнасиловать ее. И он уже знал: как только получит согласие девушки – набросится на ее аппетитное тело и изнасилует. Может даже и не ложась в постель. И не снимая трусы – через трусы. Ну, или, отодвинув ткань ее трусиков своим сгорающим от желания членом и ворвавшись к ней таким вот победным образом – не слезать с ней в течение нескольких часов.

Удивительно, но жену сейчас ему не хотелось. Вернее, с женой он и так периодически согрешал по ночам. В своих фантазиях-сновидениях. Вспоминая наиболее достопримечательные сексуальные моменты, происходившие между ними когда-то. А то и жена представляла перед ним в каком-то ином, новом и незнакомом образе. И Володя уже мог отметить, что предавался сексу он с ней в такие разы с каким-то особым воодушевлением. И даже сам секс был каким-то необычным. Даже быть может более извращенным чем когда-то.

Но требовалась сейчас не жена. Жене было почти столько же сколько ему. А вот как-то получалось, что годы за колючей проволокой сподвигнули его к измене. Хотя Владимир Алексеевич должно быть и не стал бы называть то, что могло произойти с его воображаемой юной блондинкой, брюнеткой, шатенкой в скором времени. В то, что это самое время наступит совсем скоро, он верил. И даже уже получается, тайно этого желал. Жаждал. Как путник, уставший в пути, жаждет припасть к ледяному ручью, так и он жаждал целовать девичьи невинные груди, скользить губами по ее бедрам, ласкать ее промежность, разведя ее длинные стройные ноги в стороны... Ну а потом дать девушке пососать своей пенис. Пенис, который в любую секунду готов был сдетонировать взрывом нереализованного сексуального желания. И Владимир Алексеевич внезапно поймал себя на мысли, что к нему ведь и вправду, впервые за долгие месяцы его заточения, пришло сексуальное желание. И Пожарский не стал себя сдерживать. Он накрылся с головой простыней, извлек свой возбужденный пенис, и стал медленно водить рукой, по мере приближения оргазма увеличивая темп движений.

Только после того как он кончил, Владимир Алексеевич подумал что его действия могли стать заметны окружающим. Но на удивление, отнесся он к этому спокойно. Даже более чем спокойно.

Так вышло, что только сейчас в голове Владимира Алексеевича все как-то незаметно и правильно стало на свои места. И разом как-то отпали проблемы, над неразрешимостью которых до этого он корил себя.

А то и даже сами проблемы совсем не виделись ему таковыми. «Да и были ли они проблемами?»--усомнился Владимир Алексеевич. И ему стало даже как-то неудобно, что когда-то он мог считать что у него были какие-то проблемы. Неудобно. Потому что чувствовал себя сейчас Пожарский очень даже замечательно.

Он вдруг вновь стал той сильной личностью, которой действительно был когда-то. Когда всех вокруг могла сотрясать паника, а он оставался на удивление спокоен и уверен в себе. Главное – уверен в себе. Уверен в своей правоте. Уверен в том, что на самом деле никто и не знает его лучше, чем он сам. А значит уже и советы чьи-нибудь могут носить только половинчатый характер. И совсем не означают, что этим советам он должен следовать. Потому что ведь и действительно, чтобы давать советы, необходимо знать всю ситуацию целиком и полностью. А подобное попросту невозможно. Потому что еще никогда и никому Владимир Алексеевич Пожарский не доверился полностью. И даже не потому, что не было такого человека, или там, скажем, не считал он нужным делать подобное. Наверное, за его жизнь и человек подходящий хоть раз попадался, да и необходимость выговориться, что уж точно, возникала, а то и не раз. Но вот выходило так, что всякий раз Владимира Алексеевича что-то удерживало от подобного шага. А он, верно, удивлялся уже этому? Но так и не решился пойти наперекор. И, в общем-то, был прав. А теперь уже и вовсе готов был похвалить себя. Так выходило, что когда Владимиру Алексеевичу что-то очень сильно удавалось – проносилась перед ним вся жизнь. И находил он в этой жизни всегда что-то очень пусть и редкое, но положительное.

И когда случилось так – уже от этого Владимир Алексеевич чувствовал какое-то необычайное воодушевление. Словно действительно все было хорошо. И ничего его не мучило. И ничего не беспокоило.

Славное тогда наступало время.

Подольше Владимир Алексеевич хотел задержаться в этом времени.

Никому не спешил отдавать своего счастья. Верил, искренне верил, что оно только его. И никого больше. Потому что... Ну хотя бы потому, что это было действительно так. Ведь так получается, что хоть что-то в нашей жизни мы должны принимать на веру. Ведь наверняка существует что-то, что не требует таких-то уж доказательств. А просто оно как бы есть. И можно считаться с этим. А можно и радоваться. Пожарский радовался. И уж конечно же никому бы он сейчас не отдал своего счастья. Да и незачем. Он сам его заслужил. Сам.

И даже подумал сейчас Владимир Алексеевич, что если бы и поделился с кем он своим счастьем, то вполне возможно, что и не вышло бы ничего с этого. Ведь счастье предназначалось только ему. А кому другому – так тому должно быть другое счастье. Ведь так как будто выходило.

И уже получалось, что Пожарский, быть может, готов был и умереть сейчас со своим счастьем. Так ему было хорошо, что он на миг подумал, что было бы совсем и не плохо сейчас умереть. Ведь что уж точно – лучше умереть в счастье и радости, чем в печали.

Владимир Алексеевич сначала подумал так, а потом уснул. Уснул внезапно, провалившись в сон, который – очень хочется

надеяться – был продолжением счастья. Счастья, случившегося с ним. Его – счастья. Ну а почему бы и нет?..

ГЛАВА 5

Ситуация с моим задержанием, как оказалось, при иных раскладах могла выглядеть и вовсе парадоксальной. Ну, например, до меня стала постепенно доходить информация (не спрашивайте каким образом), что меня вообще могут вскоре отпустить. И вроде как тот человек, который инициировал процесс задержания – уже чуть ли не раскаялся в том, и распорядился дело спустить на тормозах. Ну как-то так.

Скажу, я не очень в это верил. Тюрьма вообще научила меня верить не всему, что вы слышите. А в любой информации необходимо, помимо самой информации, также найти и тех, кто заинтересован, чтобы вы эту информацию воспринимали так, как она подается. То есть не заметили тот скрытый смысл, который всегда существует. Всегда. Это аксиома. То есть то, что не нуждается в доказательствах. Потому что существует и так. Независимо от вашего отношения к самому вопросу. Притом что сам вопрос может быть весьма запутанный. А значит найти сакральный смысл уже даже и необходимость. Ну как будто так.

Как ни странно, я не намерен был искать этот тайный смысл. Мне он был виден и так. И не было такой уж необходимости биться головой об лед в поисках тех, кто хотел меня обмануть. Как и доискиваться до причин того – почему они это хотели. Все было понятно и так.

Да и как ни странно, все в скором времени удивительно разрешилось. Пусть и не в мою пользу, ибо сидеть я не только остался, но и в еще более скором времени должен был быть осужден. Причем дать мне предполагалось видимо по максимуму.

А значит я уже понял, что они будут делать все, чтобы так в итоге и оказалось. А значит... Это все означало, что вынесение мне приговора состоится не в совсем ближайшее время.

.....

Так получалось, что я быть может и не знал, чего хотел.

Ну – не знал того: так ли уж действительно я хотел на свободу? В какой-то момент мне показалось, что, быть может, будет совсем неплохо, если я какое-то время отсижусь здесь. Тем более и страсти на воле за это время поулягутся.

Но уже почти только подумал я так, и понял, что совсем думаю не о том. Что я думаю даже неправильно. Что так даже не должен думать.

Потому как ведь у меня есть к кому возвращаться на воле. И это, кстати, притом, что у основного контингента тюрем и колоний возвращаться не к кому. Помимо родителей их никто не ждет. Жен или никогда не было или бросили. Родители умерли (у некоторых, когда сидели они еще свои первые срока). Хотя кого-то конечно и ждали. Это были счастливчики. Я, получается, принадлежал к их числу. Хотя никто по-настоящему не может быть уверен в том, что будут вас ждать полный срок. Особенно если срок этот грозит перевалить за 10 лет. А мне, судя по всему, могли дать и все 15, а то и 20. В то, что могут расстрелять, я не верил. Это даже как-то угадывалось поначалу. Хотя, признаюсь, и я знал, что сейчас тратятся достаточно большие суммы, чтобы избежать этого самого расстрела. Притом что я еще являлся и хранителем некой информации. Ведь как ни крути, любой, кто имел в нашей стране какие-то властные полномочия, является

хранителем какой-то информации. Вопрос только как воспользуется он ей. Ведь известно, что за иную информацию могут и убить.

.....

Как мог я подстраховывался, чтобы подобного не случилось.

Я заводил знакомства. Я тщательно просчитывал каждого, кто находился рядом со мной. По моей просьбе меня несколько раз перебрасывали с тюрьмы на больничку. Менялись даже отделения больниц. Притом, важным для меня было не попасть в институт им.Сербского. Тамошних врачей было сложно подкупить. Притом что диагноз они могли поставить и вовсе парадоксальный. Больных – сделать здоровыми, и наоборот. И я даже раскрою секрет. А он довольно прост. Практически у любого человека можно найти тот или иной диагноз. Вопрос только как подойти к самому процессу. Причем любому более-менее толковому специалисту это известно. Да, по-моему, особо и не скрывается. Поэтому и главный вопрос состоит в признании вашей вменяемости или невменяемости в момент совершения преступлений. Что, повторяюсь, на самом деле весьма и весьма спорно. Если вы не откровенный дегенерат или парафреник. Что, по сути, заметно и так.

Наиболее распространенный диагноз – шизофрения. Существует ее порядка двухсот форм (может и больше), поэтому при должном усердии вы могли подпасть под какую-нибудь одну из них.

Шизофрения, за исключением ее крайних форм, протекает скрытно для основной массы окружающих. Поэтому уличить в чем-то вас по идее и не представляется возможным. Ну и уже значит, никто не сможет из ваших знакомых или тем более незнакомых, положить руку на сердце, ни подтвердить, ни опровергнуть поставленного диагноза. А уж подозрение останется.

Да и подозрение вообще удивительная вещь. И для того, чтобы заработал механизм начала его – достаточно только появлению абсолютно любой информации. Независимо – хорошей или плохой. Все равно через время основное забудется. И останется главное – о вас что-то говорили.

Причем, что удивительно, мнение уже о вас у того или иного человека будет в зависимости от его настроения и от посещавших его накануне мыслей. И если все у него было плохо, то он может также плохо подумать и о вас. А то и совсем наоборот. На все сто и просчитать, по сути, невозможно. Ну хотя бы потому, что включается достаточно много различных факторов. Независящих от вас причин. Того, что вам практически и невозможно просчитать. Такие дела.

ГЛАВА 6

Видимо сыграл роль мой возраст, но я прошел мимо каких-то откровенных наездов на меня и со стороны администрации, и со стороны зеков. В этом мне повезло. Хотя более молодым приходилось туго. Пусть и не всем, но некоторых, я замечал, специально провоцировали, дожидаясь срыва, чтобы потом... Что было потом, по сути, страшно и неприятно. Да иной раз и думаешь – как же быстро все может повернуться против тебя. Вроде как сегодня ты на одном положении и тебе улыбаются, а завтра...

Причем самое печальное, что пока улыбаются – против тебя уже придумывают как тебя подавить. И могу сказать, что в большинстве случаев даже получается. Хотя кому-то и удается соскочить с заготовленного для них крючка. Счастливчики.

И ведь главное было не дерзить. И при этом, когда надо – показывать зубы.

Интуиция! Какое-то особое предчувствие! Умение чувствовать фальшь!

Тюрьма хорошая школа в деле тренировки подобных качеств. Вы должны тонко чувствовать вашего сокамерника. Научиться разбираться – фальшь исходит от него, или искренность.

Купитесь на фальшь – загонят вас по нары, избьют или изнасилуют.

Не откликнитесь на искренность... в лучшем случае не заметят. В худшем – сделают вид что не заметили. А потом когда надо – припомнят. И когда попадете в неприятную ситуацию,

когда для вас будет важен любой голос за вас – как раз этого
нужного голоса может и не оказаться. А значит...

Тюрьма это проверка вашего духа, вашего умения
чувствовать других людей. Ведь, по сути, на воле вы можете так-
то уж и не сталкиваться с этим. Но когда вы оказываетесь заперты
в четырех стенах, и когда рядом с вами оказываются такие же –
все обостряется до предела. Люди обозлены. Сроки ожидают всех.
Беспредел со стороны администрации (унижения, пытки)
практически во всех тюрьмах. И когда возвращается зека с этапа
или от *кума* – готов он выместить всю злобу на других. Но среди
других есть блатные или так называемые арестанты, *мужики*. К
ним без повода не придерешься. Да и повод необходим более чем
обоснованный. Иначе *опустят* вас свои же за беспредел. Пустят
малявы по другим *хатам* и не будет вам уже жизни *на тюрьме*. И
по всему – куда легче найти кого-то неопытного и неуверенного
новичка. Расставить ловушку, дабы попал он туда. Поиздеваться
над ним всласть, поймав его на неудачном слове или поступке. И
это уже *косяк* с его стороны. И никто не впишется за него. А
значит он ваш. Он жертва. И на этом *фраере* можете отыграть вы
все свои душевные боли и обиды. Уже, получается, исцелиться
таким образом. А что будет с ним? Да для вас уже и нет разницы.
Тюрьма учит быть сам за себя. И при этом знать свою стаю. В стае
легче. Стая при случае защитит, поможет.

.....

В душе мне не очень хотелось «находить свою стаю». Так
уж выходило, что в душе я все-таки больше был одиночкой. Мне

нравилось рассчитывать только на себя. Это даже скорее было сродни необходимости. Уж так получалось, что я не очень любил от кого-то зависеть. И даже не потому что могли мне в этом случае диктовать какие-то условия; но и само чувство, что ты в этом проекте, который называется жизнь, не главный – не приносит дополнительной уверенности. А значит нет возможности и навязывать какие-то свои условия. Пусть и минимальные условия. Но для меня очень важен был сам факт их существования. Сама возможность, наличие неких определенных условий, при которых вы как бы лидируете, занимаете некие ключевые позиции. Которые дают вам, еще раз повторюсь, уверенность. Пусть и посредством внушения, оказываемое на ваше сознание со стороны подсознания. И в итоге действительно все складывается замечательно. Так что вроде как и переживать не из-за чего.

На самом деле, пусть и внешне я проецировал уверенность, все было не так великолепно, как иной раз казалось со стороны. Никто по-настоящему не может себе позволить расслабиться пока находится за решеткой. Это опасно и преждевременно. Всегда существует кто-то, кто захочет воспользоваться этой вашей расслабленностью. Обратить ее против вас. Подняться за счет вас. Решить какие-то свои гнусные проблемы. Возвыситься, в общем.

И так получается, что оказываются в подобной ситуации все, кто находится за решеткой. Независимо от вашего ранга и статуса. Для всех возможно сделать жизнь еще хуже. А существование - еще невозможнее. Для всех. И это понимает каждый. Даже самый отъявленный негодяй и раздолбай со

временем начинает понимать, что с его попаданием в колонию или в тюрьму вольная жизнь его действительно закончилась. И он уже себе не принадлежит. Он стал в стаю. В коллектив. И уже именно коллектив диктует ему условия и выдвигает свои определенные правила, следовать которым человек просто обязан. Иначе растопчут, унизят, опустят или убьют.

Я видел как опускали даже внешне и как будто казавшихся сильными люде й. Их могла не сломать администрация. И тогда *кум* решал вопрос через зэка. Всегда есть зэка кто работает на администрацию. От своих они, естественно, стараются это держать в тайне. Но исправно передают информацию о своих сокамерниках администрации. На них (и не только на них) как раз и рассчитывает администрация. Причем, способов может быть действительно много, и в этих структурах они весьма и весьма изобретательны. Начиная от простого – засунуть неугодного зэка в пресс-хату, где его будут избивать несколько суток, после чего бросить обессиленного подследственного в петушиную камеру, где обозленные пидарасы (большинство из них не природные *педик*, а когда-то опущенные) набросятся на него и изнасилуют. Причем для того чтобы считаться опущенным достаточно просто провести членом вам по губам. Даже если вы будете находиться в бессознательном состоянии. Не важно. Таков суровый закон тюрьмы или зоны.

В зависимости от изобретательности *кума*, он может придумать и какие хитроумные комбинации. Например, спровоцировать недовольство вами ваших сокамерников. Пусть слух о вашем предательстве или *крысятничестве*.

Крысятничество - это когда воруют у своих. За это уже могут опустить.

Кум может дать «задание» непосредственно своим «доверенным» среди зэка. Может задействовать их «в слепую». Схемы могут быть различны. Результат может быть один. И очень-очень не приятный для вас. Поэтому, чтобы не напороть *косяков*, необходимо все время быть во всеоружии

ГЛАВА 7

Стены отделения, в котором я до сих пор находился, начинали меня раздражать. Наверное, тогда уже я понимал, что они запомнятся мне на всю жизнь. Это зеленая облезлая краска. Проржавевшие решетки на окнах. Вечно загаженный сортир, который, несмотря на усердие *шнырей*, таким и оставался. Вечно холодная вода в кранах. Да и напор воды оставлял желать лучшего. Веселая жизнь!

-Самое главное, Алексеич, не сломаться,-- увещевал меня смой теска, таганрогский авторитет по прозвищу «Мастер».--В тюрьме все рассчитано на подавление. Но если дрогнешь один раз - сразу заметят. И тогда уже...-- Мастер махнул рукой, скривившись и покачал головой.

Мастеру было 44. Когда то он был мастером по каратэ. Потом получил 10 лет колонии за убийство. В колонии прибавил к сроку еще пять лет. Отсидел Мастер уже 14 лет. Снова не удержался. Я не спрашивал что именно случилось, но прислали с зоны мастера к нам на комиссию. Против него вновь завели уголовное дело. Он мог не выйти из колонии никогда. И видимо почувствовав это, решил соскочить с нар по *актировке*. У какую болезнь он себе придумал я не спрашивал, но в колонии вместе с ним сидел врач – психиатр. 6 лет. За эти 6 лет он здорово натаскал Володю Мастера в различных диагнозах. Сейчас Володя уверенно (косил) под один из них, рассчитывая выйти из-под надзора по невменяемости.

-Соскочишь?-- Как то спросил его я, внимательно
вглядываясь в черты уставшего от жизни человека.

-Да как сказать,-- задумчиво покачал головой Володя.--
Вроде как и должно все *выгореть* правильно. Тогда как с другой
стороны - эти волки ведь точно также заинтересованы меня
закрыть.

-Ну, это может и не совсем так,- произнес я, продолжая
вглядываться в лицо Володе. Мне вообще нравилось, изучать
характер и поведение людей. А первоначально это можно было
сделать по их мимике. Потом, сопоставив мимику с
произносимым ими словами, разгадать того или иного человека.
Узнать где он искренен. А где играет. Зачем играет? Есть ли это
игра часть хитроумной комбинации, или же это нечто такое, что
быть может сразу и не разгадывать. Потому что смотрим мы на
это в одной плоскости восприятия. Тогда как надо посмотреть
совсем в других позициях. Что выяснить еще, что-то уточнить,
что-то подкорректировать. Ведь, по сути, можно разрушить
любую оборону любого человека. Разгадать его замысел. Выяснив
что и как – подчинить себе этого человека. Заставить его
выполнять может даже и не свойственные ему поступки. Не
свойственные ему, но необходимые вам.

На самом деле, конечно, все не было так просто. Но могу
сказать, что в целом моя интуиция и мои способности оказывали
мне поддержку. И помогали элементарно выжить. Хотя я, конечно
же, и не знал, что будет со мной завтра. Потому как любое завтра
могло принести и избавление от страданий и самое настоящее зло.

--Но ты не парься,--утешил меня Володя Мастер.—Все равно мы ничего по-настоящему не знаем. А иной раз может получиться так, что вроде как и херово все, а на самом деле и не так.

Я видимо как-то подозрительно на него посмотрел, поэтому он поправился.

--Ну, не совсем так конечно,--улыбнулся Володя.—Но сама суть верна. Просто я наверное не могу сейчас все разжевать.

Я понимающе на него посмотрел.

--Настроение не то. Понимаешь?

Я кивнул. Я все понимал. Отсидеть 14 лет и знать, что через год выйдешь на свободу – и тут угроза нового срока. Причем, как подозревал я, новый срок мог быть таким же, как и предыдущий. Что могло уже означать – Володя не досидит до конца. Или снова сорвется, или уйдет в побег, или убьют его. Или администрация (при попытке к бегству или инсценировав нападение на конвой) или убьют сами зека. Хотя и со стороны зека я мог быть уверен в безопасности. За 14 лет Володя достаточно изучил тюремные премудрости. Хотя и то, что он недавно сорвался и находился сейчас в ожидании приговора – могло говорить, что это и не совсем было так. Ну, или подтверждало одно грустное правило: никто, находясь в жестких рамках системы, не мог быть уверенным в своем будущем. Будущее, вообще могло внезапно измениться, а то и вообще исчезнуть.

--Ты должен рассчитывать только на себя,--начал говорить после наступившего молчания Володя.—И помнись, к сожалению помнись,--поправился он,--что любой даже казавшийся самым

близким тебе человек, может на деле оказаться врагом. Просто когда он будет поставлен перед выбором: он или кто другой, каждый выберет именно себя. Да и что другой? Сегодня он здесь, а завтра его нет. А сам уж ты с собой находишься постоянно,-- усмехнулся Мастер.

Я на самом деле кивнул, соглашаясь.

--В чем-то не согласен?—заинтересованно посмотрел на меня Володя.

--И да и нет,--пожал я плечами.—В общем и целом ты прав,--решил пояснить я, почувствовав что Володя видимо ждет от меня пояснений.—Но мне как-то не хочется верить что все люди такие гнилые. И когда их прижмет...

--Все так и есть, не сомневайся,--перебил меня Володя.— Сегодня он может тебе улыбаться и говорить комплименты, а завтра всадит нож в спину. И заметь – ни в чем, по сути, будет и не виноват. Сам будет считать, что вынужден действовать так исключительно в соответствии с обстоятельствами. А значит, никаких угрызений совести от него не услышишь. Никаких,-- вздохнул Володя, закуривая.

--Ну может ты и прав,--я тоже закурил.—Хотя и мне кажется что должен быть какой-то выход.

--Выход? О каком выходе ты говоришь?—не удержался Володя.—Это система. А мы сейчас ее жертвы. А механизм системы не зависит от одного какого-то человека. И даже если объединиться десяток – это все ничего не значит. Система – это миллионы задействованных единиц. Миллионы. А против даже одного миллиона бороться бесполезно. Притом что в системе их

десятки миллионов, сотни. Так что все твои попытки окажутся бесполезными.

--Да я и не думал противостоять системе,--улыбнулся я, желая как-то выправить наставление беседы.

Но Володя говорить уже не хотел. Он только махнул рукой и грустно улыбнулся.

Я понимающе кивнул и протянул ему руку. После чего мы разошлись по своим отсекам. Впереди был сон. А еще нужно было успеть доделать кое-какие дела.

ГЛАВА 8

По сути, у меня было много общения. Основной массе заключенных и заняться-то особо нечем. Лишь небольшое время занимает сон, телевизор или книги. Причем, есть камеры, где телевизора нет. А книги не читают. Но и в любых камерах важное место занимают многочисленные беседы. Беседы большей частью и ни о чем. Когда переливается порожнее. А через время вы уже замечаете, что темы все затронуты. Обо всем как будто переговорено. И тогда редкой удачей является приход в камеру новичка. Новичок это всегда подарок. Это, прежде всего, обновление. Нечто новое и приятное для вашей души. Потому что вносит разнообразие в вашу жизнь. И сама жизнь уже не кажется такой скучной и не нужной. Потому как на самом деле грустные мысли периодически посещают вас. И освободиться от них можно лишь одним способом – переключиться на что-то другое. На нечто новое. А таким новым и был какой-нибудь *пассажир*, только что поступивший.

Среди десятков, а то и сотен людей, с которыми я близко общался, хорошо запомнились мне лишь несколько человек. Как бы навсегда они впечатались в мою память. Притом что в течении какого-то времени я ведь тесно общался и с другими людьми. Но вот закончилось общение, и стерла их память. А когда-то видимо считались они даже друзьями. Вот ведь, удивительный парадокс...

Я хотел бы еще раз остановиться на том, почему подобное становилось возможным. Ведь по сути и достаточно удивительная деталь, но помимо всплывающих в памяти отдельных штрихов к

портрету этих людей, по-настоящему все мне и не вспомнить. Как будто таких людей и не было. Или словно бы я не общался с ними так тесно. А вот надо же... Разлучает жизнь. И с тем с кем когда-то близко общались – его вы можете на самом деле и не увидеть. Вот ведь как. Выходит парадокс?

.....

Вновь прибывшего звали Заур. Это был высокий, смуглый ингуш. Еще только должен был придти он, а уже пришло известие, что поступил в тюрьму новый *пассажир*, обвинявшийся в убийстве двух сотрудников милиции и нанесший тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения еще пятерым. Заура ждала высшая мера. Если он не был авторитетом (а авторитетом он не был), он не мог рассчитывать на хороших адвокатов, а значит, должен был получить на всю катушку. А это высшая мера. Тогда была высшая мера. После в России ввели мораторий на смертную казнь и высшую меру заменили пожизненным сроком. Я считал, что лучше уж вышка. Считал, что надо уметь проигрывать. И уж если так получилось – признать что «не удалось». А значит принять что «не удалось». А значит принять смерть. Тем более что никогда чтобы так уж жить я по-особенному и не стремился. И готов был умереть. Всегда.

Притом что другие зека, я знал, считали также. Да и, как знал из телевизора, считает так и добрая часть депутатов. И лишь только находились те, кто считал, что смертная казнь это пережиток старины. Самих бы *на пожизненное* этих слащавых педерастов. Ведь часть депутатов педерасты. И это факт.

У Заура было несколько разбойных нападений на инкассаторов. Во время одного из нападений рядом оказались сотрудники милиции. Заур с подельниками открыли по ним огонь из автоматов. Подельники погибли во время перестрелки. Заур каким-то образом оказался схвачен. Хотя я знал, что такие как он не сдаются. Поэтому что-то оставалось неизвестно что и как. Хотя я и догадывался, что раскрутить на разговор Заура будет непросто. У ментов всюду в камерах были подсадные утки. Стучали *куму* по страшному. И Заур знал об этом. В его банде все были с различными сроками. У него самого оказалось две судимости. Так что как-то сразу все поняли, что Заур не принадлежал к среднестатистической массе заключенных. За него написал сам Светлый, вор в законе, на то время *положенец на тюрьме*. А потому как только попал, Заур оказался среди блатных. Да и среди них стал в авторитете. А значит, чтобы такой уж беседы...

На удивление Заур заговорил со мной сам. У нас нашлись даже общие знакомые. У этого 37-летнего парня действительно оказалось много знакомых. А его дядя когда-то работал под началом моего отца. Так что меня он как-то быстро вспомнил. Хотя я его – нет. Но я уже говорил, что иногда не мог вспомнить даже тех, с кем близко общался. А что уж говорить о людях, виденных мной эпизодически.

Я быстро нашел общий язык с этим человеком. На удивление это оказался весьма начитанный молодой человек, с разносторонними интересами. Одно время я уже было стал подозревать, что не он совершил те преступления, в которых его обвиняли. Уж очень разными были эти два человека. Но оказалось

что он. А его два «я» действительно были различны. И мне кажется, что до конца он и сам не разобрался в себе. Просто так вышло, что случаются такие ситуации, когда мы и не подвластны еще одному направлению жизни, исходившей от нас. Что, замечу, жизнь позволяет прожить весьма разностороннюю. И там где обычной человек живет только одну эту жизнь, люди подобные как Заур живут их несколько. Причем во всех своих «жизнях» они по-настоящему естественны. Что привносит свой удивительный аромат в общении с ними. В общении и понимание их. Потому что это только поначалу такие люди как неразрешимые ребусы. Но как только приблизитесь вы к пониманию их, и тотчас же вам уже становится намного проще. И где-то подсознательно вы понимаете, что становитесь обладателем удивительной тайны. Тайны, которую большинству и разгадывать-то не под силу. А вот вам удалось.

ГЛАВА 9

Скажу, что таких как Заур разноплановых личностей мне встречалось много за время моего нахождения за решеткой. Выходило так, что я даже подумал о том, что жизнь весьма несправедлива, загоня лучших своих индивидов в остроги. Нет, конечно же, это не распространяется на всех кого я встретил в тюрьме. Были там и откровенные ублюдки, и те, кого просто нельзя было выпускать на волю. Но скажу, что им не очень-то хорошо жилось и в тюрьме. Это только для основного общества те, кто попал за решетку, кажутся похожи. На самом деле нет. Различие порой наблюдается до странности удивительное. Я даже не могу утверждать, что до конца разобрался во всех хитросплетениях судеб других осужденных, но могу сказать, что так-то уж с *кондачка* решать не просто не желательно, но и даже как ни странно, будет преступно по отношению к самим зекам. И что самое главное – все намного серьезнее, чем я мог предположить. Потому как в вашем мнении о зека наблюдается одна общая ошибка (схожая вообще для мнения о любых людях); и ошибкой является стремление подровнять всех под одну гребенку. Не взирая на судьбы, не обращая внимание на организации психики индивида. Ибо уже эти самые индивиды весьма и весьма различны.

Мне, конечно же, не хватало теоретической части. Все что касалось практики, я получал на месте. Это была хорошая школа, пройти которую. Не позавидуешь никому. Но уж если вы так оказались, то советую я не терять время зря. И с первых своих шагов начинать разгадывать кроссворды и ребусы, придумываемые жизнью.

Я все же думаю, что мне повезло.

Ведь получилось, что не испытывал я таких уж сложностей в адаптации к местным условиям. Точно наверняка и кажется весьма и весьма болезненно. Ан нет. Ну быть может мне и на самом деле повезло. Потому как и действительно ведь все было необычно. Необычно легко. Пусть на самом деле был это не санаторий, но...

Наверное, все могло показаться и странным, но вот сейчас я в какой-то мере нахожу, что и ничего страшного не произошло, что я был там. И даже быть может вполне оправдано, что определенный мой жизненный отрезок я провел за решеткой. Ведь уже совпал он с не очень желательным в жизни любого индивида положением на воле. Ибо и отношения с супругой накалились до предела. Причем я устал, что приходилось из года в год отыскивать какие-то компромиссы, надуманными предложениями объясняя ее вечное не совсем хорошее настроение. А так, находясь на расстоянии, я начинал видеть в ней лишь только хорошее. Потому как свойство нашей психики как раз таково, что через время я помнил о человеке лишь только хорошее. Что, конечно же, не правильно. Ибо иных из так называемых людей – убить мало.

.....

Вот что я внезапно вспомнил. А ведь так получается, что мне было легче находиться там,--потому как уже тогда я пришел к тому, что реальный мир просто обязан был замещаться миром вымышленным. Иначе и не выжить.

Притом что мой вымышленный мир (каждый при желании может примерить его на себя) как бы накладывался на мир настоящий. И на самом деле все было весьма и весьма запутанно. В иные разы я и сам не различал «что – где»? Причем, должно быть, не было у меня и повода усомниться, что подобное делать не следовало. Вот ведь как. Какая оказывается интересная штука жизнь. Вы можете уже как будто и наплевать на нее; решив, что независимо на ее течение – видется она будет вам лишь только в одном определенном ключе. И так будет. Притом что так, конечно же, не будет. Но вот вся штука-то и в том – что вам это будет казаться именно так. Как бы уже наблюдаться нечто отличное от истины. И несмотря на какие-то попытки предпринять что-нибудь, дабы устранить искажение – ничего у вас не будет получаться. Притом что подсознательно (ну или где-то на втором плане) будут слышаться вам слова о том, что и не надо так-то уж следовать этому нечтому непонятному, необъяснимому; и казаться оно вам будет даже нелепым.

Но вы-то знаете, что все это по-настоящему не так. Что уже как будто и не нужно обращать внимание на то, что отвлекает вас. И даже будете уверены, что все это действительно так. И даже сомневаться: может ли быть как-нибудь иначе? И видимо в том, что и действительно не может. Просто *тогда* вы еще не можете объяснить почему это так, а только лишь понимаете это.

Ну а самое главное, разумеется, то, что вы не хотите сдаваться. И даже, наверное, и не можете. Ну а почему нет? Это правда.

ГЛАВА 10

Пожарский понимал, что наконец-то нащупал некую психологическую установку, которая элементарно поможет ему выжить. Причем нащупал весьма интуитивно. Как бы и думая даже об ином, а вот и на тебе – совсем независимо ни от чего мысли вывели на нужную дорожку. С которой, конечно же, он уже никогда (и ни за что) не свернет. Да и не нужно это. Было бы глупо отдавать то, что с таким трудом пришло. А потому и все как будто бы встало на нужные рельсы. И успех и общая позитивная направленность уже даже необычно заметны. Да иного быть может и не дано. Все потому, что в один какой-то момент так просто должно было наступить. Просто потому, что действительно должно. Даже быть может обязательно. Ну а почему нет?

ГЛАВА 11

«И вот что интересно.

Стал замечать я, что как бы и независимо от меня, вокруг меня начинают сосредотачиваться люди; и своей задачей они ставят именно помощь мне. Ну и, разумеется, решением посредством меня своих каких-то проблем, задач, решений, которые, собственно, давно уже и требовали к этому времени разрешения. А вот словно все виделось не как-то разом и с осознанием того что как бы все интуитивно и независимо.

И не подвластны уже к этому какие-либо реальные устремления. Потому как и ведь на самом деле – ничего невозможно до конца ни спланировать, ни рассчитать. И по-настоящему все видится нам как бы со стороны. Словно бы это должно быть, и наверняка будет, но почему-то еще не происходит. По каким-то причинам не происходит. А вот на тебе – произошло. Случилось. Стало реально и возможно. Ну или – реально возможно. И главное уже то, что ничего больше и не помешает. Потому как вмешались совсем другие силы. Которые подправляют вас, если вдруг уходите вы в сторону. И которые поддерживают вас, если начинаете вообще вы заваливаться.

Да и ваш какой-то успех уже как будто и не только ваш. И вы ощущаете вокруг себя всех этих невидимых помощников. Некоторые (а может и многие) из которых и на самом деле остаются для вас невидимыми. И лишь только кто-то из них позволяет себе проявляться в каком-нибудь образе.

Ну а если думаете вы что это так – то так уж выходит что это и на самом деле так. И ничего как будто и не может

быть совсем уж иначе. По-другому. Не по тому, как, быть может, только подсознательно запланировали вы.

Но уже в том-то и дело, что смешиваются тут грани сознания с подсознанием. И если вы хотите что-либо понять, то должны наблюдать за этим как бы со стороны. Не проявляя какого-то должного интереса. И лишь только тогда это по-настоящему получится. Станет возможным. Реальным. Допустимым. Ну а почему нет?».

ГЛАВА 12

Я вновь задумался. Вообще же, мне слишком много приходилось думать в тюрьме. Но это все правильно. Если вы знаете что у окружающих вас зеков только показное безразличие. А на самом деле смотрят они и следят за вами. Ждут вашей ошибки, чтобы налететь, расправиться с вами. И иного не дано. Таковы правила игры. Не вы их установили. Вы только оказались в системе. В некоем отлаженном механизме. Который с легкостью переждет вас. И все об этом знают. Поэтому чтобы выжить здесь, требуется по-настоящему только одно: приспособиться к этим условиям. Придумать какие-то компромиссы. Иначе не выжить вам. Да и незачем будет жить. Ибо будет ждать вас извечное страдание. А нужно ли оно вам? Нет, не нужно,--отвечал сам себе Пожарский и искоса поглядывал на сокамерников. Зная что это и действительно не так, что они заняты своим делом. Что на самом деле разыгрывают они показное безразличие. Ведь кому-то из них наверняка уже поручено спровоцировать его на конфликт; ну или еще каким образом подставить. И в том, что это действительно так, Пожарский не сомневался. А значит он должен быть предельно собран, сконцентрирован, и ожидать, в любой момент ожидать, начала агрессии против него. А иначе и невозможно.

.....

Владимир Алексеевич начал предпринимать достаточно верные шаги. В первую очередь он еще раз внимательно проанализировал контингент. Мысленно рассортировал их. Как-то сразу образовались те, от кого необходимо изначально держаться поодаль. И ни под какими предлогами не контактировать. Пусть и

таких было немного, но общение с ними изначально предполагает опасность. В первую очередь, конечно же, для вас. Потому как они-то останутся при своих интересах. А вот вы попадете. И может даже и не *расхлебаете* конфликт, напоров *косяков*.

Были те, с которыми общаться было просто нежелательно. *Черти* всякие там, *активисты* да *петушары*. Общение с подобными, как говорится, себе дороже. Остальные разделялись более-менее ровно. Ну, в смысле, что ни особо друг от друга не отличались. *Мужики* да обычные арестанты. Вот среди них-то Пожарский и надумал отобрать людей; и, приблизив их к себе – создать некий костяк. Свою команду. Ну, достаточно условно, в колониях это еще называли *семьями*. То есть те, кто держался друг друга, жил сообща. Естественно без каких-то гомосексуальных вариантов. Сексуальные проблемы решали тремя способами: онанизмом, воздержанием, или «общением» с *петухами*. Которых ебали в основном в рот. Хотя иногда практиковали и в другую часть.

.....

Можно сказать что у Пожарского получилось. Как-то быстро возле него образовался костяк вверенных ему зека. Готовых по команде растерзать любого. Подобные команды, кстати, периодически исходили от Владимира Алексеевича. Ему нужно было на деле проверять своих людей. Тренировать их. Да и не хорошо, если бы подобное было только теоретически.

Пожарский готовился к самому страшному. Он просчитывал любые ситуации. И с каждым разом бригада его действовала все выверенней. А сам механизм отлаживался в

периодических стычках с другими арестантами. Причем со временем Владимир Алексеевич обрел такую силу, что мог скинуть и *пахана*, перебив всех *блатных*. *Блатные* видимо это тоже поняли. Потому как разом приняли его к себе. И хоть Пожарский оставался верен своим каким-то принципам, он соблюдал и законы зоны. Те неписанные тюремные правила, которые в большинстве тюрем и колоний страны конечно же соблюдались. Причем по большому счету, знал об этих законах тот или иной *хозяин*. И если был не достаточно силен чтобы прекратить их по своему (подчинив всех арестантов своей власти), принимал эти законы. Ну или вернее – закрывал на них глаза. А как иначе? Времена Сталина, когда шло массовое уничтожение воров в законе, санкционированное сверху, прошло. Да и методы у власти были большей частью беспредельные. Иначе и не вышло бы ничего. А значит это и должно было в итоге прекратиться.

Пожарский соблюдал воровские законы. Но и привносил в них что-то новое, свое. По сути, это было типичное следование справедливости. Иначе любой вор рассудит что и как и накажет виновных. А у Пожарского вскоре появилась и поддержка воров. Совсем неожиданно он пришелся по душе одному из них. Потом другому. И уже пошли по соответствующим заведениям *малявы*. Что в них было написано, Владимир Алексеевич не знал. Но как-то чувствовал к себе некое особое отношение. И даже если угадывал он что кто-то и невзлюбил его (бывает этакая откровенная и необъяснимая неприязнь), то почти тут же Пожарский угадывал, что он может оставаться спокоен. Ибо ничего этот человек не сделает ему. И даже не потому, что у него,

Пожарского, была верная команда, готовая поднять на ножи любого, а просто потому, что видимо был отдан приказ не трогать его. А значит Владимир Алексеевич мог жить относительно спокойно.

.....

.....

На самом деле спокойствие и тюрьма понятия несовместимые. Вы просто не могли себе позволить быть спокойным. Внешне – да. Сколько угодно. Это даже необходимо. Но вот внутреннее спокойствие есть сродни преступлению. А потому вы обязаны быть внимательны и предельно сконцентрированы. Потому как в любую минуту может случиться что-то непредвиденное. И у вас должно хватить хладнокровия принять соответствующие меры.

Ну, какие принять меры, конечно, все как вроде и не предусмотреть. Да и ситуации возникновения необходимости их до конца не просчитаешь. Но в общих чертах можно наметить какую-то канву, которой необходимо следовать. Тем более что было у Пожарского самое главное: у него были люди, готовые при случае за него *вписаться*.

.....

Или *кум* все *выкупил*, проанализировав доносы, поступаемые от стукачей, или сами зеки перестраховались таким образом, но вскоре всех в их камере *перетасовали*. И людей, которые были преданы ему, отправили на этап. Как-то быстро над ними состоялся суд, и ушли они по этапу кто куда. Да и других

как-то быстро отсортировали. Кого перекинули в другие камеры, кого... Предшествовали этому массовые беспорядки, инсценированные блатными с подачи администрации.

И повод-то для массовых беспорядков был серьезный. В любом заведении подобного типа, будь-то тюрьма или колония, должен быть положенец от воров. Обычно смотрящий. Еще лучше, когда вор в законе. В тюрьме в то время смотрящим был о.Виталий. Неожиданно *на тюрьму* перебросили Мишу Вяземского. Миша Вяземский был вор в законе. А потому вся власть автоматически перешла к нему.

Миша пришел со своей *кодлой*. Был он из молодых воров, но, тем не менее, поначалу вроде как ни у кого в отношении его и не было никаких претензий. Тем более как будто и действительно он был справедлив, спорные конфликты (возникающим в любом преступном сообществе) разрешал строго, но справедливо. В общем, большинство как будто он устраивал, а на тех кто ставил под сомнение власть Миши Вяземского... Ну да всегда ведь имеются недовольные. И на них старались не обращать внимание. Тем более случилась парочка совсем уж сложных споров между различными зека (вроде как и те и другие на первый взгляд были правы), которые Миша необычно удачно разрешил. А потому авторитет его упрочился. И к нему как будто уж и вовсе не было никаких сомнений. Так прошло еще несколько месяцев.

Но тут пришла *малява*, что в тюрьму идет по этапу известный вор в законе Полосатый. Полосатый был из старых воров. И двум вора *на тюрьме* по идее не место. Администрация следит за этим и разводит их по своим епархиям. Зачем им

излишние головные боли и напряженность? А тут видимо что-то не углядели. Полосатый пришел *на тюрьму*. Встретился с Мишей Вяземским. И потребовал чтобы тот передал ему власть.

Тот естественно ответил отказом.

Полосатый предложил *отписать* вора. Миша вроде как против не был. По правилам такое не только допускалось, но и, по сути, было необходимо. *Отписать* ответ должен был или какой старый и авторитетный вор, или собраться что-то навроде воровского совета (сходки воров в законе), где будет принято решение, о чем после и отпишут в тюрьму.

Полосатый знал, что Миша Вяземский из так называемых скороспелых воров, их еще называли *апельсинами*. Да и неизвестен он был большинству воровского сообщества. А значит, по всем *раскладам*, ответ должен быть в пользу его, Полосатого. И Миша видимо также об этом знал. Это он среди молодых да малоопытных блатных мог кичиться своим авторитетом, но, по сути, понимал, что со старым воров тягаться было бесполезно. А потому выбрал решение, которое на тот момент ему показалось наиболее оправданным. Он инсценировал бунт против администрации, а в начавшихся беспорядках кто-то из его людей всадил в старого вора заточку. В сердце.

Тут уж беспорядки разгорелись с еще большей силой. Потому как против Миши восстали те, кто был не согласен с его властью. В тюрьме начался бунт, который администрация подавила с помощью в срочном порядке вызванных внутренних войск, тюрьму пересортировали, подчистили, и большую часть ее обитателей отправили в другие тюрьмы (дождаться решения суда) или в колонии (после наскоро состоявшихся судов).

Нет, конечно, в дело Пожарского вмешался случай. Вряд ли допустили какой-то беспредел чтобы только лишить его какой-то поддержки со стороны собранной им команды. Скорее всего и действительно стечение обстоятельств.

Но факт остается фактом. Колоду перетасовали. А смотрящим *на тюрьме* снова оказался о.Виталий. Что на удивление всех устраивало. Не было необходимости такого уж точного следования воровским законам (как наверняка бы началось с приходом Полосатого). И не стало Миши Вяземского, ибо можно было допустить, что он не только не совсем тот, за кого себя выдавал, но и авторитета среди настоящих блатных у него никогда не было. А значит конфликт все равно бы со временем разгорелся. А так все вроде как и остались при своих интересах.

.....

Пожарский старался не думать о создававшемся положении. Да и по сути пока было рано думать о том, что в его случае может подобная ситуация принести какие-то страшные последствия.

Причин для беспокойства не было.

Хотя и конечно его труд в какой-то мере оказался потерян. Да и надо было как-то скорректировать будущую жизнь. Можно было продолжать ее в том же ключе что и сейчас. И тогда представить, что словно оказался он ненадолго отброшен назад; а потом все возвратится на свои места. И будет, разумеется, лучше предыдущего, потому что учтет он все ошибки.

Но если подумать, то и может и не нужно было ничего предпринимать. Как минимум оставить все как есть. И

посмотреть, куда его все это выведет. То есть другими словами, реагировать уже на обстоятельства. И сориентировавшись таким образом – быть может, и просто жить.

ГЛАВА 13

Так просто жить уже не получится. Это было ясно. И об этом говорили все грустные вытекающие последствия.

Пожарского вновь неожиданно стали перебрасывать с тюрьмы на больничку. Потом состоялась очередная комиссия. Его признали вменяемым, он получил свои 15 лет усиленного режима (тогда, на закате советской власти, еще существовал усиленный режим), и отправили в колонию. Откуда видимо кое-кто надеялся, что он уже и не выйдет.

2,5 года из 15 Пожарский уже отсидел. Но оставшийся срок все равно был более чем большой. Ведь не знал он тогда что пробудет в колонии всего 6,5 лет. После чего в связи с открывшимися в деле новыми обстоятельствами признают его чуть ли и не виновным. И что уж точно – ограничатся отсиженным сроком. И отпустят. Через 9 лет после первоначального задержания. По УДО. Ну, то есть, условно досрочно.

Но к тому времени Пожарскому уже было все равно. Это, во-первых. А во-вторых. А во-вторых, жизнь его в какой-то мере уже была сломана. Да и не скоро сейчас еще было до этого освобождения. А самому Пожарскому казалось, что для него и вовсе еще все впереди. Впереди этот ад лагерной жизни. Эти извечные, изо дня в день, построения и поверки. И вся та жизнь, которой жил он сейчас, и которая раньше совсем как будто проходила мимо него. А тут как будто и удивлялся он почему это было так. Ибо была это сейчас как раз его жизнь. Со всеми вытекающими отсюда следствиями. Несбывшимися надеждами. Да и вообще не понятно чем. Что, конечно же, еще доселе как будто и не укладывалось у него в голове. А тут как бы внезапно и

случилось с ним. А для Владимира Алексеевича все до сих пор еще на самом деле было словно в тумане.

И так порой было грустно и нелепо от всего этого, что не находил он себе места почему это так. И тяжелее еще становилось оттого, что изменить ничего он не мог. И даже если бы надеялся, то уж точно ничего бы у него не получилось. Да и по сути, должно быть было невозможно. А значит, в который уж раз Пожарский понял, что будет он жить той случайной жизнью, что жил сейчас. И ничего у него на самом деле не изменится. По крайней мере, в ближайшее время. Так уж выходило.

Часть 3

ГЛАВА 1

Владимиру Алексеевичу Пожарскому вдруг почудилось, что жизнь его неизбежно катится вниз.

И он не мог уже справиться со своим гнетущим настроением. Ибо это только казалось, что все не так печально. И еще может наладиться. Да и при самых оптимистических прогнозах так наверное и было. При самых оптимистических.

Тогда как на самом деле...

Не хотел Пожарский думать, что было бы на самом деле. Да и размышлял он так, и еще неизвестно что на самом деле привидится ему. Ибо стал ему с недавних пор видеться еще один пласт сознания. И даже не мог Пожарский с точностью предположить, что это было на самом деле. Потому как по всему выходило, что было это нечто и вовсе нехорошее. И на самом деле трудно было разобрать, сознание это было, или же подсознание начинало играть с ним какую злую шутку. Подбрасывая дровишки на растопку в его затуманенный происходящим мозг. И тогда уж точно, совсем невозможно было сказать, хорошо это было или плохо. Да и верно ведь что не хорошо. Потому как становилось от всего этого невероятно грустно. А пути спасения как будто и вовсе не виделось. А быть может и не было.

Владимир Алексеевич грустил, и старался не показывать вида, что он грустит. Все основные страсти происходили внутри него. И все было еще печальнее оттого, что выхода и на самом деле из этого не было. А ведь это так печально, когда у вас нет выхода. Когда вы должны осознавать, что, несмотря на какие-то

ваши усилия, все останется как есть. И даже если будете стремиться к чему-то иному, иное это и не произойдет. А в вашей душе так и останется боль. И боль будет рождать какую-то злобу. И что вернее – недовольство. А если злоба через время может смениться на что-либо, то уж недовольство точно так и останется с вами. Несмотря на какие-то ваши бессознательные попытки избавиться от этого. И что уж точно, ничего не получится. Ничего.

А в голове Пожарского заигрывала какая-то херня. И играла музыка. Пожарский давно уже чувствовал, что в голове его играет музыка. Странная и необъяснимая в своем возникновении.

И никому нельзя было пожаловаться что это происходит так. Да и кому пожалуешься. Нет в этих делах каких-то ответственных. Как должно быть нет и виноватых. А виновных так и уж точно не найти.

Пожарский сам был во всем виноват. Он знал это. Знал настолько, что у него не было никаких сомнений, что он сможет отыскать нечто, что разрешит эту проблему. Ведь уж точно была эта проблема. Серьезная в своем роде; и нереально было разрешение ее. Потому что решения (так же как и выхода) и вовсе не существовало. Необходимо было смириться с этим и жить. Продолжать жить. Или же послать все на хуй, разом и бесповоротно, и предпринять поиск какого-то другого пути. Нового. И совсем неизведанного.

И этот путь (было такое предвидение) уже, быть может, смог бы его куда-нибудь привести. Вывести. А может и не смог

бы. И это было самой печальной загадкой, что была сейчас перед ним. Так-то вот...

.....
.....

Пожарский уже был не очень молодой человек, чтобы совсем плохо реагировать на новые обстоятельства в его жизни. Случилось бы нечто подобное раньше, наверняка было бы тяжелее. Это Пожарский понимал и так. Хотя и быть может случись такое раньше, было бы ему в чем-то и легче. Ну что вернее – по-другому смотрел бы на мир. И на произошедшее с ним. Хотя по большому счету и сейчас грех было жаловаться. Все вроде как складывалось более-менее ровно. Не совсем так, как хотелось бы, но и то что было – грех было жаловаться.

В колонии Владимир Сергеевич работать отказался. Он не был блатным. У него просто были деньги на ларек (на воле арестовали не все его счета), и после распада Союза к обязательной прежде работе зека относились не так строго. Да и работ, по сути, не хватало.

Однако Владимир Алексеевич был все время занят. Еще в тюрьме он начал писать психологические книги. Записки ему удавалось переправлять на волю. В колонии записи вести оказалось легче. В том числе и потому что не висела над вами та некая особая психологическая неустойчивость, которая рождается вследствие ожидания приговора. Да и как-то все более стабильно. Тюрьма это все-таки нечто временное. После нее вас все равно отправят на этап (если не освободят) и далее в колонию. А когда

вы уже попали в колонию, то на долгие годы это ваш дом. И зачастую просто так уже *дернуть* с лагеря не могут. Разве что если не случится неожиданного расформирования этой самой колонии или еще какой такой же неожиданной причины. Что, конечно же, случается не часто. А значит, вы можете рассчитывать на какую-то, хоть более-менее, устойчивость.

Колония – это одна большая зона. Жизнь в зоне проходит между несколькими меньшими по размеру зонами. Жилой, рабочей, *лакалки*...

Оказавшись в колонии, Пожарский на удивление почувствовал успокоение. Со временем он, конечно, придумал себе официальную работу. Но на самом деле за него ее делали другие, а он делился с ними за этой пайкой. Ну или еще точнее – просто за это платил. Так что для администрации он работал. В конфликтах с другими зека замечен не был. А значит стал на путь исправления (подобное потом зачтется ему когда он уйдет *на химию*).

Помимо психологических книг, Пожарский проводил многочисленные беседы с заключенными. Он уже не стал намеренно создавать вокруг себя какую-то команду. Но как-то незаметно она сформировалась и так. И случись какой неожиданный конфликт, Пожарский понимал что за него *впишется* немало зека. Хотя и, повторимся, в наличии самих бесед не было такой уж какой-то целенаправленности с его стороны. Просто он помогал людям. И интуитивно приближал к себе тех людей, которые и действительно могли бы ему пригодиться. К которым испытывал он внутреннее, бессознательное, влечение. Ну, короче они ему чем-то нравились. Да и по сути единой

командой (в колонии это называется семьей) держаться значительно легче. Семьи могут образоваться по различным характеристикам. Начиная от так называемых землячеств, и заканчивая просто какой-то общностью интересов. Причем, что важно, о какой-то сексуальной подоплеке речь не велась. В этом плане семьи в колонии от семей на воле отличались. Как, кстати, отличались от семей на женских зонах. Где у партнерш были прописаны роли и в половом спектакле, устраиваемом во время сексуальных забав.

В мужских колониях это исключалось. Для удовлетворения сексуальных позывов использовались *петухи*. Или практиковался онанизм. Реже, думаю, случались поллюции. До них просто не успевало доходить.

Основная категория *зека* работали, а потому наблюдался выход накапливающейся за день психической энергии. Да и *сидеть* было уже значительно легче. Вы просто считали дни до освобождения, и если администрация не задумала устроить над вами прессинг, оставалось соблюдать воровские законы. Ну, или, другими словами, просто следовать правилам данного общежития. Не воровать у *своих*, не ругаться матом, и отвечать за каждое свое слово. Просто так говорить и не исполнять сказанного не рекомендовалось. Сидеть вам обычно не один год, а авторитет (ну или обычное положительное мнение о себе) необходимо было не только заслужить, но и постоянно поддерживать. И никаких ошибок совершать просто было нельзя.

Впрочем, если вы *нормальный пацан* или *правильный мужик*, то опасаться вам совсем нечего. Вы или интуитивно

угадаете как нужно себя вести, ну или, что разумеется, вам подскажут что и как. Ведь главное не *запороть косяка*. А если у вас *по жизни* все правильно, то и здесь не произойдет какой-то *лажи*. Ведь, по сути, ни тюрьма, ни зона ничем особо не отличаются от жизни вашей на свободе. Быть может только внешне другие условия. Но ведь внутреннее содержание ваше должно оставаться таким же. Да и установка одна: не сломаться перед трудностями, не лебезить и не заискивать, и быть уверенным в своей правоте. А уж если обладаете вы какими положительными качествами, то они пойдут только на пользу вам. Ведь и в обычной жизни необходимо варьировать, распознавая различные характеры других людей, и знать, на что следует надавливать в общении с тем или иным индивидом. Ведь у любого есть какие-то свои слабости. Как и то, что он прячет за маской или показного безразличия, или намеренного недовольства, строгости и прочей *лабуды*, которую должны уметь вы разгадывать. Но и при этом, конечно, не показывая, что это так. И тогда просто легче будет вам жить. Да и адаптироваться в любой среде. Будь то среда криминальная, или самая что ни на есть обычная жизнь. Жизнь на воле. Хотя, по сути, жизнь на воле иной раз и выглядит хуже. Ну, так уж случается.

.....

Пожарский на удивление быстро действительно адаптировался к новой жизни. по сути, сидел он уже не первый год. А еще сразу, как только оказался за решеткой, он уже дал себе установку жить так, как будто предстоит жить ему в этих условиях всю оставшуюся жизнь. И быть может потому все пошло в его

жизни более-менее правильно. Без ошибок. Что было как минимум неплохо. Да и правильно. Ну а почему нет?

ГЛАВА 2

Колония выглядела не совсем так, как до этого себе представлял Пожарский. Да и где ему по сути представлять? На воле? По обрывочным сведениям, подчеркнутым из книг и фильмов? Так и не совсем так это было на самом деле. То, что было в реальности, конечно же, не совпадало с вымышленными образами зоны. Хотя и, конечно же, *не парился* он уже так от этого. Он сразу как-то понял, что перед ним новая жизнь. Новый виток в этой жизни. Ведь и не до конца жизни сидеть ему на *нарах*. Просто так получилось, что какой-то жизненный этап должен он находиться здесь. А потом начнется другая жизнь. А значит, глупо было так уж отчаиваться сейчас. Тем более что Владимир Алексеевич и не отчаивался. Жизнь продолжалась. Он должен был строить новую жизнь. В соответствие с новыми, случившимися в его жизни обстоятельствами. А значит и действительно глупо было ему так уж расстраиваться или огорчаться. Да и наверняка что-то должно теперь быть по-другому. Иначе. Несколько иначе.

.....

Пожарский каждый раз ждал этих новых изменений. Так происходило, что он знал о том что какие-либо изменения не могли начаться сами собой. И человек подсознательно отодвигает их восприятие своим сознанием на какие-то знаменательные даты. После чего уж точно должен быть внутренне готов к этим *обновлениям*. И они происходят. Причем независимо где, в сознании или подсознании. Факт свершения как бы на лицо. Он есть. Просто можно что-то заметить сразу (а значит это начинает

заполнять ваше сознание), а может будет откладываться это только как некие пазлы (что наверняка мы уже имеем случай с задействованностью в подсознании). Но в итоге важно и то, что независимо от базирования – важен уже будет сам факт. Факт некоего свершения. Происходящих с вами изменений. Ну а почему нет?

.....

...

Пожарский чувствовал эти самые изменения. Поначалу начал он их интуитивно улавливать, и еще вроде как что-то и сходилась и не сходилась в сознании его, но происходило это только лишь поначалу. А потом все как-то быстро неожиданно сошлось. И пусть внешне не хотел он особо распространяться об этом, но ведь внутренне уж точно все происходило так. И понимал, с каждым днем Пожарский все больше и больше начинал понимать, что судьба быть может и заранее все это спланировала таким образом. И все что происходило сейчас – было следствием определенного плана. В котором ни его, ни кого то другого, конечно же, никто никогда бы и не посвятил. Потому как все если и угадывалось – интуитивно; если и происходило – ненавязчиво; а на самом деле ведь все и на самом деле так должно происходить. А вы (вы, я, он, она...) лишь небольшие звенья в единой цели. Цели, именуемой жизнью. Вашей жизнью. Потому как живете ее действительно вы. И что уж точно – проживете ее. Как бы уже не было хорошо это было или плохо – но на самом деле верно то что вы действительно проживете ее. И если уже и будут происходить

какие изменения, то и совсем даже независимы станут не они от вас, ни вы от них. Все будет именно так. Как бы уже не было.

Пожарский понимал, что участие в судьбе его принимает какая-то внешняя сила. И независимо от какого-то его желания – она будет продолжать направлять его. И даже формировать уже само желание в правильном русле. Так, что и самому будет казаться, что это должно быть так. И будете вы настолько в этом уверены... что уже и сомневаться в этом не должны. Так-то вот.

ГЛАВА 3

«Так получалось, что никогда не знаете вы когда произойдет с вами тот нечто, после чего мир уже не предстанет в ракурсе, виденном до этого.

Это вполне нормально. И что уж точно – очень и очень объяснимо. Не надо придумывать излишние ребусы, тогда как жизнь стремится к какому-то единому началу и структурированности. А уже все, что требуется от вас – это все правильно подметить. И не допуская каких-то ошибок, следовать нужному курсу. Притом что сам курс может самым загадочным образом изменяться и координироваться. Ну или еще вернее – и изменяться, и координироваться. То есть процессы будут удивительны своей неизменностью. И важны. Конечно же важны. А сама жизнь будет выглядеть таким образом, что вы вдруг начнете замечать, что состоит она из мельчайших (и удивительных в своем роде) составных частей. И постольку поскольку угадать на самом деле все и не удастся, вы останетесь с ощущением чего-то до конца неизведанного. Быть может просто зная что есть, существует, но не совсем отдавая себе отчет что все это действительно так».

Пожарскому приходило много мыслей. По истине было доброй находкой структуризация мыслей посредством ведения записей в дневнике (скорее выгладившими как ведение записи в тетради, потому как никаких дат Владимир Алексеевич не проставлял) и написании психологических книг. Вся наше восприятие жизни – правильная психология. Если научились вы в этой жизни что-то грамотно структурировать, разделять на какие-то составляющие – то уже вроде как и задумываться ни о чем

другом и незачем. Правильно и все. Правилен будет дальнейший ваш путь. И не совершите ошибок вы на воле. *И не заперите косяков на зоне.*

Покажется удивительным, но Пожарский как-то незаметно для себя стал задумываться о связи между жизнью *на зоне*, жизнью за решеткой, и обычной жизнью обычного индивида на воле. Притом что не просто стал задумываться, но и каким-то незаметным для себя образом принялся все сопоставлять, оценивать, делать даже какие-то выводы. Причем сами выводы ему на удивление нравились. Как любой ученый (а в душе Пожарский оставался ученым), Владимир Алексеевич начал вести работу в нужном ему ключе. И получалось уже так, что на основе получаемых выводов мог и заключить что человек, попадая за решетку, через время начинает жить своей настоящей жизнью. Жизнь без какой-либо шелухи.

И ведь при случае Владимир Алексеевич мог пояснить. Получалось так, что наша внешняя жизнь (жизнь в социуме) приукрашена неким обязательным следованием общепринятых правил и норм. И если разом отбросить это, то становитесь вы как бы неприкрыты ничем. И являете не просто себя, а себя истинного. Без каких-либо форм показного безразличия, навешенных на себя дополнительных комплексов, ну и всякой мути, объясняемой необходимостью следовать каким-то необъяснимым истинам и вписываться в стандарты придумываемые не вами. Это все так. А потому, когда случается перед вами неприятность в виде внезапного заключения вас под

стражу, то и оказывается, что вы как-то быстро понимаете что незачем вам больше ничего никому доказывать. А необходимо срочно начинать жить нормальной жизнью. Иначе... иначе и сама ваша жизнь внезапно может остановиться. А то и пойти по совсем не нужной плоскости. Что в итоге тоже может означать смерть. И что уж точно – совсем не ту жизнь, на которую вы быть может и рассчитывали.

Это все как-то внезапно предстало перед Владимиром Алексеевичем. А как понял он это, то также и понял, что просто обязан все задокументировать. Потому что не всякий раз посещают его подобные идеи. И начав единожды работать над какой из них – можно в итоге ми прийти к совсем неожиданным выводам. Ну и, разумеется, правильным выводам. Да и вообще, по сути, это может положить начало целой серии работ в нужном направлении. Тем более что направление как будто и действительно выбрано правильное. А значит и результат как будто уже более-менее заметен. И что уж точно – разрешим.

.....

--Послушай,--услышал Пожарский голос видимо обратившегося к нему человека. Пожарский почему-то подумал, что обращаются действительно к нему. Он оглянулся. Перед ним стоял мужчина, лет 40, из только недавно поступивших к ним в отряд. Мужчина был коротко стрижен как и остальные зека. И по сути ничем не отличался от остальных.

---Послушайте,--мужчина представился Толиком. Бывший рабочий, зачем-то убивший свою жену,--вспомнил Пожарский как кто-то говорил о Толике, когда тот только пришел в зону,-- мне

совершенно необходимо с вами поговорить по одному очень важному делу.

--Речь у него как у не совсем рабочего,--пронеслось в голове у Владимира Алексеевича. И ему внезапно стало интересно.

--У вас найдется время?—обеспокоено спросил Толик, сжимая на груди двумя руками лагерную кепочку.

Владимир Алексеевич кивнул. Было около девяти вечера. Ужин и вечерняя поверка закончены. До отбоя еще было время. Они нашли место где им никто не должен был мешать и Владимир Алексеевич вопросительно уставился на Толика.

--Понимаете, взяли меня *по беспределу*. Элементарно подставили, вынудив взять на себя убийство жены. Примерно также, за год до этого, я ушел с инженеров, не сработавшись с начальством, решив вести жизнь простого человека. Но тогда оказалось, что неприятности только начинались. Вот моя нехитрая история,--глаза Толика излучали желание чтобы ему поверили. Владимир Алексеевич уверил, что он абсолютно верит всему, что ему только что рассказали, но как бы и что с того? Чем он-то может помочь? Он же не прокурор?

--Я понимаю,--поспешил заметить Толик.—Да я и не об этом вовсе. Я хотел поговорить о Меченом.

Пожарский вскинул брови и его взгляд встретился с взглядом Толика. Толик, впрочем, тут же убрал глаза и сделал какой-то излишне понурый вид. Но уже и поэтому виду и вообще как-то неожиданно Пожарский понял, что инициатива заговорить с ним происходит совсем не от Толика. Что здесь видимо разыгрывается какая-то хитроумная комбинация. Причем все

может быть даже инсценировано и самим Меченым (авторитетом, которого Пожарский помнил еще по пересыльной тюрьме и готовящегося стать смотрящим зоной вместо готовящегося *откинуться* о.Виталия), так и теми кто не хотел чтобы он стал *положенцем* и *копающим* против него. Но что мог знать Пожарский? Не тот, как говорить, уровень. Пожарский и сказал об этом Толику. И при этом посоветовал не впутывать его в какие-то разборки. Он живет своей жизнью, жизнью *честного арестанта*, и намерен, отсидев свой срок, честно *откинуться* и заняться своим делом на воле. И уж тем более у него нет резона вступать в какие-то намечаемые разборки.

--Да нет, ты не понял,--жестко перебил его Толик.— Меченый скоро должен стать смотрящим. Ты наверняка это знаешь. Нам также известно что ты близко общаешься с о.Виталием.

--Ну а если так, что ты прыгаешь через его голову?— неожиданно жестко ответил Пожарский.—Если хочешь предложить мне какую-то *лажу* – *не впишусь*, запомни. Если есть нормальный базар – готов выслушать. Тебе есть о чем мне сказать?

Толик как-то подозрительно посмотрел на Пожарского.

--Быстро же ты, интеллигент, перенял *феню*,--улыбнулся он.—Ну если так, позволь спросить тебя открыто,--он еще раз внимательно посмотрел на Пожарского, но уже было заметно в его взгляде уважение, что Пожарскому понравилось.

--Значит *расклад* таков. Пришла информация что *кум* хочет подставить о.Виталия, тем самым спровоцировав его на новый

срок. Небольшой, но и полгода-год для отрубившего *чирик* Виталика уже тягость.

Пожарский кивнул, заинтересованно вслушиваясь в слова.

--Зачем это хочет сделать кум, вопрос как говориться их *ментовского* беспредела. Не думаю, что оперчасть заинтересована как-то спровоцировать новый конфликт и т.п. Но у Меченого скоро коронация. Несколько авторитетных воров впишутся за него на любых разборах, да и сейчас нет никого из молодых кто так бы следовал нашим традициям.

Только тут Пожарский вспомнил Толика. Как же он мог его спутать. Конечно же никакой он был не бывший рабочий. Толик Пузан. 47 лет. Неоднократно судим. Общий срок в колониях достаточно большой. Из блатных. Да и лицо у него не было похоже на рабоче-крестьянское. А вот перепутал.

И тут же Пожарский понял что то что его вводят в курс дела быть может и не очень хорошо для него. И что уж и без того ясно – все не просто так. Но вот что от него хотят? Ведь ясно, что ему уже уготована какая-то роль в запланированном спектакле. Как знал Пожарский, нельзя уже и отказываться. Хотя, по сути, и надо бы узнать что задумали господа блатные. Что?

--Ты переговоры с о.Виталием,--тихо произнес, закуривая, Толик.—В последнее время Виталик стал какой-то раздражительный. Никому не верит. Думаю что и сам понимает, что менты хотят его подставить. Но от кого придет *подлянка* не знает. Всех подозревает. Тем более нас («нас» - блатных, понял Пожарский). А тебе он как будто верит. *Побазарь* с ним . Расскажи что и как. Скажи ему что если надо, *пацаны* всегда за него впишутся. Но ему нужно спокойно досидеть свое и *откинуться*.

Пожарский кивнул, сказав, что переговорит. В том случае если о.Виталий согласится его выслушать.

--Вас он выслушает,--неожиданно перешел снова на «вы» Толик.

И уже когда ушел он, в голове Пожарского все вдруг как-то разом стало на свои места. И Толик и вся эта блатная *кодла* чувствовала себя не совсем уютно при о.Виталии. Уж слишком правилен он был, а таких мало кто любит. Меченый, как помнил Пожарский, был совсем другим. Вроде как и действительно следовал воровским традициям, но вносил в них некие новые отношения, основываясь на общей демократизации страны. В то время как о.Виталий был больше ретроград, и считал что времена меняются, а традиции должны оставаться незыблемыми. В общем, типичное противостояние старого и нового. Притом что возраста, судя по всему, они были схожего. А вот.

Толик и еже с ним делали ставку на Меченого, зная, что с приходом его в зону не только упрочится, но и изменится влияние блатных на основной контингент. Сейчас как будто *блатных* признавали, но все чаще начинали теснить их. В то время как о.Виталий использовал тактику невмешательства, считая что пока откровенных *наездов* не произошло – незачем было поднимать кипишь. В то время как Меченый был совсем другой. И что уж точно, с приходом его зона встанет *на ножи*. Потому и хотела администрация попридержать о.Виталия в колонии дабы выиграть время.

А кто-то на воле считал, что за это время власть *блатных* в лагере и вовсе сойдет на нет. И потому, зная что заканчивается срок у о.Виталия, нашли уже ему замену в лице Меченого, решив

еще и *короновать* того. Таким образом преступный мир решал упрочить свое положение, себя...

В общем, Пожарскому все было понятно. Как любой ученый он достаточно быстро разобрался в этом вопросе, решив что и как. Потому как нельзя находиться среди подобного контингента и не знать чем живет и чем дышит этот мир. Тем более необходимо это и для того же выживания в этом мире. А потому Пожарский и достаточно быстро изучил все воровские обычаи, порядки, и проч. И, по сути, мог бы он при желании и стать блатным. Но у него совсем не было такого желания. А был свой путь. Хотя он и очень тесно иногда общался с достаточно авторитетными людьми. Уважающими его как правильного человека. Ну и как ученого наверное. Ведь что ни говори, но даже в зоне Пожарский все равно оставался ученым. Пусть и не захотел он когда-то «защищаться», но теперь уж решил для себя, что как *откинется*, то «защитится» обязательно. Обязательно. А пока надо было жить. И быть может с помощью своих знаний – выжить.

В общем, Владимиру Алексеевичу Пожарскому все стало разом понятно. Да к тому же он понял что правильно и выбрал позицию. И совсем ничего ему не следует менять. А совсем наоборот, все как будто было верно и правильно. Тем более что и должно это все в итоге было привести быть может и к неожиданным результатам. Ведь пока получалось в его жизни в колонии самое главное: что не был предрасположен он к совершению каких-либо *косяков*. А значит и в преступном мире произошла его правильная подача. Ну, в том плане, что жизнь в

колонии это и действительно жизнь. Совсем независимо от того какая это жизнь уже была. Пусть для каких-то *блатных* сограждан это была вся жизнь, а для Пожарского нынешнее нахождение в лагере рассматривалось только как часть жизни. Но ведь сам факт оставался фактом. Сейчас находился он среди заключенных. А значит обязан был жить законами, правилами и нормами поведения принятыми среди подобной категории сограждан. И, как говорится, ничего лишнего.

И Пожарский, еще раз для себя решив что все в его поведении по сути правильно, решил что так и должно быть. И ничего менять не следует. По крайней мере пока. На чем и порешил.

А через какое-то время состоялась и его беседа с о.Виталием. И на удивление тот все понял как-то правильно. И пусть предостережения, переданные Пожарским особо не повлияло, конечно, на о.Виталия, но как-то так получилось, что Владимир Алексеевич заметно упрочил свои позиции среди воровского мира. И пусть Меченому, который вскоре стал положенцем на зоне, Пожарский был до фени, то тем не менее Владимир Алексеевич по каким-то намекам со стороны Толика и остальных *блатных*, ставших *приближенными* Меченого, понял что при особых *раскладах* его, Пожарского, никто не тронет, за что собственно и был им благодарен. Для него-то важно было досидеть. А дела *блатных* это его и не касается. Что, в принципе, верно.

ГЛАВА 4

На удивление, как было почудилось Пожарскому поначалу, его больше не трогали. И словно даже о нем забыли.

Но вот потом как-то ненавязчиво оказалось, что его жизнь уже как будто ему и не принадлежит. И что-то происходит с ним странное и запутанное. Потому как пусть и не выполняет он какие-то мелкие поручения блатных, но словно уже и ненавязчиво оказывается в цепочке между теми и всеми остальными. И еще было первое возникшее удивление, мол, неужели помимо него никого нет; как-то ненавязчиво сменяется желанием уже и действительно упрочить свое положение. Притом что самому Пожарскому тяжело было решить о собственном восприятии происходящего. Ибо сам он словно раздваивался. Что-то в нем говорило, что непременно нужно принять для себя какие-то новые правила игры. Тогда как нечто другое, жившее в нем, восставало. И по всему было крайне негативно настроено к чему-то новому.

А сам Пожарский совсем оказался не способен сделать какой-то выбор. Он лишь совсем неожиданно для себя вспомнил, что когда-то в ранней юности произошло с ним нечто, после чего жизнь его могла пойти по воровскому пути. И сейчас уже понимал Пожарский, что тогда бы он точно решил бы стать *блатным*. Даже не потому что ему как-то так уж нравилась эта романтика, а просто потому что никогда не принадлежал толпе. А желал как минимум выделиться из общей массы. Ну а может и вовсе эту толпу возглавить. И сейчас это все показалось удивительно занимательно Владимиру Алексеевичу. Потому что судьба, словно руководствуясь каким неизведанным испытанием, предоставляет ему совсем невероятный и по сути необъяснимый

необходимостью его шанс. И он не знает, если честно, должен ли он так уж воспользоваться этим шансом. Потому как на самом деле все более чем непонятно и уже может быть нелепо даже. И что уж точно, сам Пожарский не знает что он должен сделать, ибо... Ибо все и на самом деле уж слишком запутанно. Да и действительно необъяснимо. А в вопросе делать или нет какой-то выбор – уже и нет прямого ответа. Потому как и сам вопрос на само деле неизвестно кому адресован. Да уже и невыполнимо на самом деле было бы желание действительно совершить какой-то выбор. Ибо если разобраться, то и нет никакого вопроса. Да и не может быть. А все что есть – это непонимание; необъяснимое непонимание и совсем уж никакая и необходимость каких-то решений. Ибо никто конечно и не переманивает его на свою сторону. Да это и понятно, ему ведь и не двадцать лет. И жизнь и следование каким-то нормативам в этой жизни действительно состоялось. А значит необходимо просто действительно не затуманивать свой мозг излишними сомнениями. А просто продолжать жить обычной жизнью. Ну и если даже не совсем обычной, то что уж точно – той жизнью, которой, по сути, и необходимо. Без каких-либо условностей, ограничений, и совсем ненужных отступлений в виде ремарок и прочей мути; навязываемой сейчас Владимиру Алексеевичу условностью, так что.

В общем, ему все было понятно. И он согласился сам с собой. Ну а почему бы и нет?

ГЛАВА 5

Так получилось, что Пожарский многое пересмотрел за время нахождения за решеткой. Он попал в совсем другой мир. Оказался там не гостем, а жителем. А потому постепенно и как-то независимо от него все внутри него стало перестраиваться таким образом, что уже совсем не обращал он внимание на то, что когда-то было для него важно; и в то же время какие-то мельчайшие особенности как будто чего-то и не нужного ему – стали вызывать в его душе гамму противоречивых чувств. И долгое время он даже не мог найти им определения, пока наконец-то не принял решения, и не послал весь этот балаган на хуй. И после этого ему сразу стало как-то легче. Словно бы свалилась с души его какая-то тяжесть. И совсем не нужно стало стремиться к чему-то действительно ненужному. Тогда как разглядеть бы что ему действительно было нужно.

Как-то так получалось, что Пожарский вдруг стал замечать, что словно бы намеренно делает себе зло. Ну, пусть это было небольшое зло, да и наверное таким уж злом называться не должно, но как-то так выходило, что насиловал он свою душу самым нехорошим образом. Так словно это уже и не он был, а кто-то другой. Страшный и бессердечный. Ну а по сути, был ведь таким Владимир Алексеевич. И всегда сам по отношению к себе. Потому как где-то в глубинах собственной души ненавидел он даже себя. И не мог в этом окончательно признаться просто потому, что рухнул бы под этим обвинением создаваемый в течение жизни им мир. Его внутренний мир.

Причем по сути это было настоящим безобразием. Потому как никто не хочет осознанно наносить вред себе. Пусть вред этот и не замечен сразу и так уж явно. Но что уж верно, состоит из общего плохого настроения, сонливости, и прочей мерзости, лезущей иной раз в его душу. И уже как только пытался Пожарский от этой мерзости избавиться, понимал он что и не совсем так как будто легко сделать это. Ибо заполонила эта гадость его изнутри. И быть может нет уже ему и никакого спасения как только не убить себя. Разом прекратив страдания.

Пожарский на удивление четко отдавал отчет себе что это так. И был готов к тому, что это действительно так. Ну а раз готов, то когда-нибудь нечто подобное и действительно должно свершиться. И просто потому что на самом деле устал Пожарский от всего что происходит в его жизни. потому что шел он поначалу к какой-то своей цели, стараясь не замечать нечто глупого, не нужного, и в какие-то моменты даже циничного. А потом, осознав разом присутствие этого, готов был махнуть рукой на все происходящее. И ничего ему было не нужно. Просто потому, что было это действительно так. Да и никак иначе и быть вроде как не должно.

.....

--Сучья жизнь,--воскликнул Пожарский. Быть может ничего в этой жизни он и действительно не понимало. Все получалось как-то глупо и нелепо. И словно бы не отдавал он уже себе отчет в совершаемых им действиях. А еще вернее – они как будто и совершались, но совсем без его какого-то участия. Словно бы и были и не были они. И даже может быть так и должно было на

самом деле быть. Притом что в душе своей он и не знал как. Как?
Как-то так...

.....
.....

Пожарский вдруг как-то разом решил пересмотреть свою жизнь. И главное, наверное, отношение к нему со стороны окружающих. Ибо как-то незаметно Владимир Алексеевич стал ненавидеть этих самых окружающих. Словно бы они уже стали и не нужны ему все до одного. И даже не было ему грустно что это так. Потому что с превеликой радостью готов был Пожарский послать всех на хуй. И даже пойти туда сам. Если ему станет от этого легче.

А легче не становилось. А может быть на самом деле с каждым разом становилось лишь еще тяжелее. И не хотелось искать у кого-то спасения. И не хотелось плакаться никому. Хотя состояние было на самом деле по-настоящему херовое. Притом что выхода особого Пожарский и действительно не знал. Да и не понимал, наверное, ничего. Запутался. Должно быть, он и на самом деле запутался. А значит... ничего было непонятно что должно быть вначале. Суки были вокруг. Суки и твари. И как-то быстро выявил Пожарский их лживую сущность. И не хотелось уже ему общаться с этими людьми. Потому что он их ненавидел. Не любил он, давно уже никого не любил. А тут сразу стал ненавидеть всех этих продажных людишек. Готовых, да, на самом деле готовых на все ради удовлетворения гнилых своих потребностей

Как же их Пожарский ненавидел!

Он готов был собственными руками вырвать их
продажные сердца; огнем и мечом истребить окружающее зло.

И не надо было больше Пожарскому нечего. Не хотел он
никого. Лишь только смерти. Чтобы по колени в крови все было
вокруг. Чтобы захлебывались все от крови и в крови. От этого
сразу стало бы спокойно Пожарскому. Действительно спокойно.
Потому как понял он что на самом деле только этого ему и не
хватало все это время. Ну, так уж выходило, что это было так.

.....

--Нет, так уж дело не пойдет,--строго сказал Владимир
Алексеевич.—Этак ты еще больше навредишь себе же. Не
находишь?

--Не нахожу,--ответил Пожарский своему «Я», которое, так
уж выходило, периодически задавало ему вопросы, начиная не
только беседовать с ним, но и явно чувствуя свою правоту.

--А зря,--усомнилось Альтер-Эго Пожарскому. Видимо
серьезно усомнилось тому что слышала. Да и не хотела, наверное,
слышать всего этого. А так уж выходило, что и само было
заинтересовано в том чтобы найти какие-то компромиссы.
Разрешить все эти необъяснимые разгадки души.

--Ладно, я готов разобраться,--предложил Пожарский.—
Вот только будет ли кому от этого легче?

--Не думаю,--призналось Альтер-Эго.

--Ну в том-то и дело,--подхватил Владимир Алексеевич.—
И тогда надо ли было начинать всю эту бучу?

--А если нет?—вступилось само за себя второе «Я» Пожарского.—Не похерил бы и дальше все что происходит с тобой?.. И так ли уж задумался бы что необходимо предпринимать какие-то меры чтобы впредь ничего подобного не происходило.

--Согласен,--кивнул Владимир Алексеевич, тяжело вздохнув.

--Да вот в том-то и оно!—подхватил кто-то третий.

Кто это был? Оглянулся Пожарский, огляделся по сторонам, никого не было. Заглянул бы вглубь себя, да подумал, что так может он и вовсе сойти с ума. А потому оставил все попытки, опрокинул внутрь стакан водки (до этого пил он из стакана, но эпизодическими и маленькими глотками), закурил, запахнул тело в телогрейку, да зашагал прочь. Пожарский *отсидел* уже шесть лет. Его уважали и зека и администрация. На свободе у него вышли пять книг. С ним заключили долгосрочный контракт два московских издательства. И у него были послабления по режиму. Сейчас Пожарский шел с рабочей зоны в жилую. А скоро ему могли и вовсе сделать *расконвойку*. В виде исключения и особого ходатайства со стороны администрации. Бежать Пожарский был не намерен. Да и куда? Он не то что смирился, но скорее убедил себя, что колония его дом. И только когда закончится его срок – он окажется в другом доме. Хотя на самом деле Владимир Алексеевич и не знал: ждут ли его там. Еще в прошлом году жена оформила развод. Дети ему не писали. А его письма видимо не доходили до них. А может он и сам решил их не отправлять. Пожарский не помнил. Он жил не одной жизнью, а словно отделилось от него несколько этих жизней. И в какой из

них был он настоящий – Пожарский не знал. Не понимал. Да и после некоторых попыток перестал задумываться.

А значит, ни в чем он по-настоящему не был уверен. Быть может глупо, но это было именно так.

И наверное еще глупее становилось оттого что Владимир Алексеевич был со всем этим согласен. И что уж точно – ничего не хотел менять. Совсем ничего.

.....

К своим новым нахлынувшим на него состояниям Пожарский относился весьма заинтересованно.

Во всем этом, как ни странно, угадывался именно его интерес. Потому как среди других чувств – мог бы быть еще и страх, и уже вследствие этого какое-то замешательство. Да ведь и не было этого. Да и почему должно быть? Ведь по сути Владимира Алексеевича это может и устраивало все. Ну да, был он не один, а вместо него одного было несколько Пожарских. Ну а по большому счету уже и что с того? Ведь быть может вообще самое важное не это, а как с этим человек начинает жить. Реагирует ли как-то иначе на это, или старается не замечать. Причем, опять же, в какой-то мере хорошо и то и другое. Но вот в зависимости от того чего хотите на самом деле добиться вы, вы можете активировать какую-то игру с собственным подсознанием.

А это на самом деле и интересно, начинать игру сознания с подсознанием. Вы словно замечаете что ваша жизнь (еще одна из ваших жизней) проходит на втором плане в зависимости от вашего. И у вас появляется право реагировать на что-то случающееся в вашей жизни (той, которую вы замечаете), и при

этом точно также можете вы выдергивать жизненное восприятие из то же вашей жизни, но жизни проходящей рядом с вами. Это и действительно ваша жизнь. И параллельность этой жизни вполне возможна. Просто может вопрос в том так ли уж необходимо верить в это. А можно и не верить. Притом что все равно это будет происходить. А уж ваше восприятие при этом будет загадочно и интересно.

.....

Быть может было несколько ошибочно такое уж излишнее погружение вглубь себя. Ну или в погружении этом может быть и не было такого уж ничего страшного, но только как бы и не больше. Не нужно привносить лики какой-то потусторонности в сознательную жизнь. Хотя и на самом деле неразличима грань между сознанием и подсознанием. Вебрнее, она как будто и различима. Но может так-то уж и не необходима вам. И все одно и тоже желание прорывается у вас – послать все на хуй. Просто и откровенно. Да и еще добавить пару слов. Для закрепления, как говориться, эффекта.

.....

Не верилось на самом деле Пожарскому что так все просто. Быть может и не так все было. Быть может просто он и на самом деле сошел с ума. И все что видит уже в таком состоянии – как бы изначально искажено и неправильно.

Хотя уже с другой стороны и кто сказал что неправильно? И что искажено? И что он сумасшедший. Он не был сумасшедшим. А об этом знал. Да и понимал что эта игра быть

может и на самом деле необходима. По крайней мере становится легче ему существовать. И притом что как-то предательски нет-нет да и думается о том что жить-то и на самом деле не хочется. А вот глупо, должно быть, думать что умрет он и на этом все закончится. А что как страдания начнутся еще больше. Хотя уже конечно лучше решать вопрос по отдельности. И если было вам плохо сейчас, то и заканчивать с собой сегодняшним. А уж что там получится дальше, так и...

А еще Пожарскому почудилось, что уж и вовсе происходит с ним что-то необъяснимое. И словно действительно не он это вовсе. А кто-то уж очень на него похожий. А на самом деле Пожарского может быть и вовсе не существует. Ну он уже как бы есть, а на само деле и нет его. И все на самом деле загадано-поназагадано да на самом деле ничего и не разгадано. Потому как только действительно подумаете что все это так, а на самом деле уже становится понятно, что и не так вовсе. А вовсе и как-то непонятно. Непонятно, необъяснимо, и на само деле загадочно. И что уж точно, никто и не узнает, что это будет в точности. Так. Чудеса какие-то.

Часть 4

ГЛАВА 1

История, приключившаяся с Пожарским, была непонятна никому. Ну и в первую очередь, разумеется, ему самому. Потому как уж очень необъяснимо было то, что произошло с ним.

Да в этом и не было сомнений. Словно туман захлестнула его другая жизнь. И Владимир Алексеевич оказался вырван из контекста действительности. Да и еще и при этом ему стало казаться, что к подобной действительности не имеет он никакого отношения.

Все видимо было слишком серьезно.

Да что уж точно, сам Пожарский и не рассчитывал что это так. И при этом верно было то, что все было слишком запутано. Настолько запутано, что уже и никакого желания не было у Пожарского разбираться что к чему.

В его душе разрасталась боль. Это была боль непонимания. Как будто в одночасье вас предали близкие и самые верные друзья. Причем узнали о предательстве вы даже не от них, а от совсем как будто и посторонних людей догадались что вокруг – предательство. А вас дурачат и используют. А вот что при этом испытываете вы?

Самое печальное, что Владимир Алексеевич понял, что он и не может начать жить другой жизнью. Не может. При этом следование прежней жизнью означало бы... Ну, получалось, что так тоже невозможно. Он уже стал другим. В нем совсем неожиданно произошло то перерождение, после которого он вдруг

ясно понял *кто и какие* – другие. И что он из себя представляет на самом деле. Понял, что пока у него будут деньги, уважение, и хоть какая-нибудь власть – с ним будут считаться. А как только не станет этого – в лучшем случае переступят через него. А в худшем – вытрут через него ноги.

--Такова жизнь!--хотелось воскликнуть Пожарскому. Да вдруг он понял, что кричать о том некому. Что все на самом деле известно и так. И получалось, что до сих пор не знал об этом только он один. А остальные играли с ним в игру, и в соответствие с правилами ее, где необходимо было – поддакивали ему. А где по сценарию этого не требовалось – не обращали на него и вовсе никакого внимания.

Вообще-то, на самом деле, все было очень и очень печально. Но даже считать так было бы наверное преступлением. Преступлением, в том числе, и по отношению к себе. Хотя, судя по всему, на себя он давно уже махнул рукой. Но ведь были и другие? Мать, наконец? Его старенькая мать, жившая в маленькой деревеньке, вдвоем с такой же старенькой теткой? Когда в последний раз он вспоминал о них?

Пожарский стал хлопотать, распоряжаясь, чтобы навести необходимые справки о матери с теткой, да неожиданно узнал, что они уже давно умерли. Уже лет как пять назад.

--А кто хоронил?— хотел было полуспросить-полувоскликнуть Пожарский, да в беспамятстве махнул рукой. Мол, чего уж там. Искать виноватых.

--Нет, ты, мразь, послушай, послушай,--с заросшим рыжей бородой лицом старик бил мордой мальчика об стекло окна, схватив его за копну волос, а мальчик ругался и изворачивался, пытаясь высвободиться, и почему-то все поскальзывался на утоптанном снегу, а ноги вычерчивали полукруг и никак не желали зацепить своими подошвами почву. Да стекло тоже не билось. Не стекло это было, а целлофановая пленка. А вот кто старик?

«Мальчиком» оказался сам Пожарский лет 30 назад. Проснувшись, он сидел на кровати, очумело водя головой по комнате и пытаясь нащупать темноту.

Не удавалось.

А когда внезапно почудилось, что уже, должно быть, и вовсе никогда ничего не увидится – его словно бы прорвало. И вся его жизнь, все, что когда-то произошло и случилось с ним, стало вдруг проноситься перед ним. А когда закончилось (закончившись также внезапно, как и началось), то Пожарский совсем не уверен был: действительно ли это был сон его? Или так происходило и на самом деле?

И уже ухватился он было за эту мысль, и стал развивать ее, размышляя, что было бы, если бы и действительно все было именно так? К чему бы на самом деле это могло привести? К каким последствиям. Ибо выходило так, что настоящее снова стало уводить его куда-то в сторону. Притом что как будто были даже сомнения по поводу того, необходимо ли это на самом деле ему? Или уже как раз для него лучше нечто подобное не замечать.

Пожарский не знал. Он и на самом деле не знал. И точно так же он ничего не понимал. Понимая, что во все это давно уже вмешался какой-то нелепый случай, Владимир Алексеевич тем не менее совсем не готов был решить для себя как бы он хотел чтобы это было?

Как будто именно от такого вот решения его настоящее и зависело. Ну, или ему казалось, что зависит.

И что-то чудилось ему, а что, он уже не замечал или не обращал внимания.

Ему становилось непонятно, почему же это на самом деле возможно. При этом все как бы говорило о том, что ничего подобного произойти не могло бы просто бы никогда. Ну, или никогда. Или почти никогда.

И говоря себе уже это, Пожарский понимал, что он не только не понимает, но и на самом деле запутывает сам себя. Что все слишком мрачно чтобы шутить, а если не шутить, то уже и давно было бы целесообразней умереть. И при этом замкнутый круг просто существует, необходим. Но и единственно возможное что возможно, это именно наличие его.

ГЛАВА 2

Владимир Алексеевич дышал воздухом свободы и не верил.

Он уже несколько суток находился в состоянии, в котором ни за что бы не решился делать каких-то выводов. Это был туман, пелена. Из этой пелены он только сейчас стал выползать. Ну или ее словно резко и неожиданно сбросили с него, а он должен был заново учиться всему. И словно был даже шанс разобраться: действительно ли это ему нужно?

Самое печальное, что Владимир Алексеевич на самом деле не знал, так ли уж необходимо ему было во всем этом начать разбираться? И только с одной стороны казалось, что это действительно так. Тогда как с другой стороны виделось все по-другому. А он, Владимир Алексеевич Пожарский, не понимал и не верил, что все это действительно так. А если вроде как и жил другой жизнью, то сама эта жизнь для него проходила словно бы в тумане. И что уж точно – все было как-то до нелепости грустно и не по-настоящему.

И не думал Владимир Алексеевич, что когда-нибудь так уж необходимо будет задуматься ему о чем-нибудь, на что-то решившись.

Действительно, нелепо и грустно.

Пожарский хотел было застрелиться, да вспомнил, что у него никогда не было пистолета.

И сейчас, все еще по-прежнему находясь один, в комнате, он поймал себя на мысли что боится распахнуть створки ее и узнать, наконец, правду обо всем.

И самое главное, узнать, что все его прошлое – это был совсем неожиданный спектакль, сон. Что как бы так получилось, что словно все и на самом деле произошло с ним. И даже может казалось, что этого не было, но уже почти тут же появилось подозрение, что ему совсем и не кажется, что это все действительно так. И что все на самом деле столь невероятно (и при этом занимательно, очень, весьма занимательно), что вы совсем не можете быть уверены что это действительно так.

ГЛАВА 3

Пожарский на самом деле понимал, что никто никаких шансов ему не оставил. И что на самом деле, все решать он должен сам. Причем уже вроде как и времени много у него не оставалось для принятия каких-то решений.

Признаться, Пожарскому не хотелось принимать каких-то судьбоносных решений. Да и так ли уж важно, чтобы жизнь его изменилась? Ведь допусти он такое, и стало бы, вполне вероятно, что необходимо изменяться и ему. А изменения сейчас – это как бы признание того, что все, что было до этого – было ложно да ошибочно. А то и наверняка, что очень даже неправильно. И скажи кто об этом Пожарскому – не поверил бы он. А скажи он кому сам – тоже не поверят что все это так. Да ведь, так наверное и не было.

И уже оттого, Владимир Алексеевич понял, что он просто вспомнил лишь об одном периоде своей жизни. Тогда как на самом деле, по численности лет, этот период и не был таким уж длительным. Правда, он был насыщен событиями. Ну может быть - даже излишне насыщен. Но уже получалось так, что после этого, до нынешних событий, тем же странным сновидением, например, произошло не меньше, а по всем *раскладам* и еще больше лет. И даже если еще более приоткрыть карты, то получается, что нет уже Владимира Алексеевича давно в живых. Хотя по возрасту он еще конечно должен был жить. А вот вмешалось провидение. Но не о том на самом деле мы сейчас. Хотя уже вспоминая об этом, и грустно становится мне. Грустно, что это так. И грустно от того,

что я должен продолжать рассказ о нем. Совсем нет. Это ведь делал я и раньше. Просто так получается, что я еще раз представил себе, что и в моей жизни надломилась какая-то частица. И все совсем неожиданно. И понимаю я не только, что уже не восстановится она никогда, но и все могло бы пойти совсем по-другому.

А тот приговор? Да, в жизни Владимира Алексеевича Пожарского он, конечно же, был. Но уже я могу заметить, что не повлиял на судьбу Пожарского так-то уж знаменательно. И просто потому, что Владимир Алексеевич спешил жить. И не только спешил, но и к моменту своего сорокалетия жизнь он уже прожил.

.....

Да, так получалось. Как ни печально. Притом что в том, что все произошло именно так, вижу я отчасти и свою вину. Хотя и если говорить о каком-то собственном возрасте, в отношении Владимира Алексеевича это сказалось лишь только как наличием в его жизни кого-то еще, из-за кого он чувствовал свою ответственность, и из-за наличия кого жизнь быть может повернулась не совсем так как ему, Владимиру Алексеевичу, этого хотелось.

Нет, отнюдь, я не был его родственником. Но так получилось, что определенный жизненный период Владимир Алексеевич Пожарский жил с моей матерью, ныне уже также покойной как и он. Причем мама моя пережила Владимира Алексеевича почти на семь лет. И умерла своей смертью, скончавшись от старости.

При этом последний год жизни Владимира Алексеевича они уже вместе не жили. Разойдясь на самом деле много лет раньше, они только за год до гибели Пожарского оформили развод. Нотариально. При этом не потому, что это так-то уж было кому-то нужно. Просто видимо кто-то (или мать, или Владимир Алексеевич) решили, что нехорошо кому-то из них или уже им обоим оставаться в воздухе. И наконец-то поставили подпись на документе, получить который давно уже были обязаны.

Если все же вернуться к тому, почему именно я решил восстанавливать хронологию событий, то это можно было отнести и как к памяти о матери. Ибо жила же она с этим человеком какое-то время. А значит и считала, что в ее жизни на тот момент он необходим. Хотя, что уж говорить сейчас. Тогда, у матери, я как-то не спрашивал об этом. Ни тогда, ни после, когда она уже не стала жить с ним. Да скажу, что на самом деле видимо меня в те времена так-то уж и не мучила проблема, почему это выходило так, что кто-то с кем-то жил. А потом жить переставал.

Наверное, какое-либо мнение об этом и складывается и изменяется со временем. Пока вы пышете здоровьем, многое, конечно же, видится для вас совсем даже не так как сейчас, когда жизнь уже кажется прожита даже и для меня, хотя по всему я еще и не такой уж старый человек.

Моя мать познакомилась...

Я поймал себя на мысли, что на самом деле не знаю где и когда они познакомились. Могу сказать, что Пожарский к тому

времени, очевидно, уже оказался *на химии*. Хотя уже сейчас подумал, что его и могли отпустить *на химию*, *скостив* таким образом срок в связи с семейными обстоятельствами. А обстоятельства были таковы... В общем это была свадьба моей матери с Владимиром Алексеевичем Пожарским. Да и никакой свадьбы, конечно же, не было. Людям под 50, какая свадьба. Что я знал о Пожарском? Знал, что когда-то занимал «генеральскую» должность в министерстве здравоохранения. Потом срок. Что в какой-то его жизни было у него двое детей. Была жена. Что через 2,5 года после ареста жена по новой вышла замуж. И что даже у нее потом кто-то родился. Бывшая жена Пожарского вроде как была моложе его самого, так что вполне подобное возможно. А если даже и не моложе, то возможно тоже. Да не о том я.

Значит, к моменту, когда моя мама решила оформить свои отношения с Владимиром Алексеевичем Пожарским, я был уже достаточно взрослый человек и жил отдельно. Нет, семьи у меня не было. А вот что с моим отцом?.. Когда я еще был маленький и мама, мне хочется верить, любила моего папу, папа в составе возглавляемой им экспедиции ушел в море. Экспедиция в срок не вернулась. Среди исчезнувших был и мой отец.

Уже став много старше того практически младенчества когда это случилось, я стал восстанавливать информацию о произошедшем. И оказалось, что история была весьма и весьма запутанная. И у меня даже возникал вопрос: а действительно ли экспедиция была? Притом что как ни странно, но со временем я нашел свидетельств что ее не было - почти столько же, сколько говоривших что она была.

Дальше образовалась настоящая загадка с моим отцом, входившим в состав той экспедиции. Зная способность моего родителя периодически присваивать себе чужие имена (у него была страсть к псевдонимам, притом я помнил от силы один-два из них, а на самом деле их у него было не меньше десятка), я так до конца и не мог быть уверен, что в ту злополучную экспедицию отправился действительно он. Хотя и многое свидетельствовало уже как раз об этом. Да и в любом случае, я мог оставить это как одну из версий происходившего. А в другой раз рассмотреть другие.

Итак, предположим, что на том судне он все-таки был. Что потом? Какова цель экспедиции? А вот тут уже как ни странно и настоящая путаница. По всему, что экспедиции той быть не должно. Притом что у меня были подлинные свидетельства людей, уверявших, что присутствовали при отплытии. Далее. Я нашел также и тех, кто на том судне был. Но найти-то я их нашел, но, то ли поиски я начал слишком поздно, то ли еще по какой причине, но оказалось, что узнать какие-то подлинные подробности от этих людей я уже не могу. И не потому, что люди эти мне бы и не сказали. Может и сказали бы, но... Один из них, как выяснилось, совершенно не говорил по-русски. Другой после той злополучной экспедиции совсем ничего не говорил. Третий оказался и вовсе невменяем. Больше трех я не нашел. И официальная версия – судно сначала захватили туземцы, а потом оно разбилось о скалы. Ну, или сначала разбилось о скалы, а потом уже то, что осталось, разграбили туземцы. Случилось это около берегов Африки. Поэтому, если мой отец выжил, то у меня

есть все основания предполагать что он или осел в Африке, или же из Африки позже перебрался куда-нибудь. Куда? Право, не знаю. Но пока у меня на руках не появятся свидетельства о его смерти, и даже, наверное, пока лично не удостоверюсь в этом – в его смерть не поверю.

Однако, в ситуации с экспедицией было и на самом деле много непонятого. Даже быть может слишком много.

Причем начиналось все не только с необъяснимости вопроса, действительно ли она была (как я говорил, документальные свидетельства об этом были противоречивы), так и... Хотя видимо уже это как раз все и объясняло. Если изначально уже был вопрос, то выходило так, что и далее, помимо вопроса, ничего возникнуть и не могло. Загадка. Загадкой и все объяснялось. Да и на самом деле я видимо излишне остановился на этом. Пусть когда-нибудь мне и надо будет рассказать об этом (рассказа и на самом деле получится увлекательный. Ну, в том плане, как это произойти может, и что надо делать, чтобы подобного не случилось), но сейчас все же вернусь я к Пожарскому.

Итак, решение написать о Пожарском... Ну в общем, подобное решение пришло ко мне неожиданно. Просто я как-то вдруг заметил, что не могу избавиться от мысли о том, что должен написать о Пожарском. И главным образом даже не то, чтобы написать. Ведь он сам когда-то передал мне свои многочисленные записи. После случившегося в его доме пожара (то ли пожара, то ли переезда, сейчас уже не помню), он убедительно попросил взять к себе (то есть уже получается, ко мне) на хранение его архив. Ну, то, что от него осталось. Потом Пожарский (во время

наших, признаюсь, не частых встреч) признался, что на самом деле когда-то писал книгу. Что-то навряд ли воспоминаний. Причем очень просил обязательно хотя бы пробежать глазами те записи, которые у него сохранились (он намекал на переданный мне архив). Притом что как я понял, другие записи оказались потеряны. Вроде как потеряны. Притом что сейчас нет-нет, да подумаю я о том что их, быть может, и вовсе не существовало. Мало ли, как говорится? Хотя... Не волен я судить. Да и мне самому легче человеку поверить. Тем более уж действительно руководствовался же он чем-то, когда говорил так. И уже если хотел, чтобы мы так считали, то значит, на тот момент у него были совершенно определенные причины, чтобы мы верили этому. А оттого, почему ж не верить? Да и не хорошо, право.

Я и верил. Но когда прочитал все, что сохранилось у Владимира Алексеевича Пожарского (ну или если быть точнее – все что он мне передал), то почувствовал некую недосказанность, незавершенность. Словно бы рассказ человека, ведущего повествование, оказался неполным. Или даже – начали читать вы его не с первой страницы, а то и вообще с конца. Ведь наверняка начало жизни у Пожарского было совсем другим. Да и сама жизнь была иной.

И уже может быть даже то, что он хотел поведать о себе, должно получиться не таким. Ну или – не совсем таким.

Не знаю. В общем, прочитал я все, закрыл, да первое время еще и думал что делать с этим, да потом... Как-то, знаете, другие дела. Проблемы какие-то. Потом новые. А потом уже вроде как вспомнил да опять недосуг. А потом уже и жизнь прошла. Что осталось?

Да и не у меня одного так. Ну, сам про себя еще что, быть может, и напишу, а вот о Владимире Алексеевиче уже получается и некому. Неудобно мне стало. Ну, как-то не так все должно было заканчиваться. Да и не должно. Наверняка ведь не должно. А все быть может даже и только начиналось. Ведь получалось уже так, что те сохраненные рукописи Владимира Алексеевича, дополненные его же комментариями, по всему, значительно позднего периода, на самом деле действительно мало, да и почти ничего не говорят о его жизни. Ну или точнее – о всей его жизни. Да, они охватывают какой-то период. Но не больше.

А посему стало уже интересно мне посвятить какую-то часть своей жизни сбору информации о Пожарском. (Кстати, я извиняюсь, но я изменил его настоящую фамилию и выправил фамилию в копиях рукописей. Оригинал я спрятал в надежном месте. Что равносильно уничтожению.)

Так получилось, что решив для начала действительно выполнить что-то типа долга памяти перед матерью (женщиной, когда-то любившей Пожарского – я уж буду впредь называть его так), я хотел собрать лишь совсем типичные и необходимые сведения, после чего... В общем, я увлекся. Меня настолько захлестнула загадка его жизни, что я, подсознательно все время отодвигая окончание исследования, в какой-то момент уже боролся с искушением идти до конца. Вроде как пересилил его. Подождал какое-то время. Почувствовал облегчение. Прежде всего, за свой выбор. Ну и за силу воли разумеется, характер, ну и все прочее. Всю прочую ерунду. Потому же уже в следующий момент я бесповоротно послал все на хуй, и возобновил

исследования. Причем не просто возобновил, а начал вести с таким маниакальным усердием, что впору было... В общем, мне стало бы страшно и за себя, если бы я обращал на такие мелочи внимание. И перед тем, что стало открываться мне, это было действительно мелочи.

ГЛАВА 4

Ну, начнем с того, что после освобождения Пожарский начал вести достаточно удивительную жизнь. Нет, он не танцевал голым при луне, не пил шампанского, и не грузил ананасы бочкотарами. Мне так же казалось, что он не искал замок из слоновой кости.

Как не искал и своего детства.

Наоборот, Пожарский стал жить той жизнью, словно бы не было и всех этих долгих лет тюрьмы и колонии; словно бы его просто уволили (или сам он уволился с прежней работы). И стал искать себя в других областях. Причем почему-то явно противоположных тем, к чему хоть косвенно относился род его прежних профессиональных обязанностей.

Например, первое время Пожарский перепробовал несколько новых профессий. По какому-то стечению обстоятельств он оказался знаком с ними, начиная от низших, и заканчивая высшими звеньями управления. Причем, если и управление в чем-то схоже (если не вдаваться в совсем уж специфические особенности), то уж знать подноготную нескольких специальностей дано не многим. Хотя и допустимо, по сути.

Но любопытно и здесь. Уже позже я убедился, что при желании Владимир Алексеевич достаточно уверенно знал более чем сорока специальностей, начиная с таких сложных как врач и юрист, и заканчивая не менее ответственными в своем роде, как плотник, столяр, сантехник, штукатур, что еще допустимо, но

стеклодув, слесарь-фрезеровщик, и, например, ювелир?.. А ведь всего профессий было более 40. И порой мне даже казалось значительно больше. Причем, не просто имел представление, а мог сравниться и с мастером (все же допускаю,--от себя,-- что не высочайшего класса. Ведь в чем-то я же должен был сомневаться).

Да, как выяснилось, Пожарский отлично управлял судном (отнюдь не катером или яхтой), нырял с аквалангом, и достаточно хорошо дрался. В общем, этаким сверхчеловек. И я бы подумал герой из комиксов, если бы не знал Владимира Алексеевича лично.

Как Пожарский мог все это совмещать? Главный вопрос – к чему это было ему? Действительно ли он изучил все это исключительно по причине необходимости подобного в жизни? Хотя он был достаточно серьезным человеком, и не очень любил что-то делать про запас (в разумных исключениях, разумеется). Да, я знал, что уж слишком ценил Владимир Алексеевич свое время. Мне внезапно подумалось, что выучил все эти специальности Владимир Алексеевич заочно, находясь в колонии, но тут же отменил свои подозрения и даже постыдился таких мыслей. Нет, Владимир Алексеевич не был теоретиком. Он знал и умел все на практике. Причем изучал, совершенствуясь, вплоть до своей внезапной кончины. Гибели, по сути. Хотя и смерть его до конца загадочна. И что уж точно, не зависела от такого уж желания самого Пожарского. Он погиб. Утонул. В подводной лодке, по нелепой случайности столкнувшейся со своей же миной. Ну, или не совсем своей. И не миной. Но там погибли все. И поначалу, если и был у меня главный вопрос – то лишь один:

зачем он полез в эту чертову подводную лодку? И действительно ли он был там?

Был. Спасатели частично извлекли тела погибших. Среди остальных опознали его. И хотя я как-то утверждал, что пока сам не смогу убедиться в чьей-то смерти то не поверю (видимо бессознательно оставляя для себя какую-то надежду), здесь я не настолько знал тело Пожарского, чтобы мог его опознать. И полагался больше на результаты медэкспертизы. Зная, что даже близкие родственники вполне могут ошибаться.

Была и еще одна причина, по которой я полагался на результаты исследований. Пожарский... просто должен был погибнуть. Причем, такие люди как он должны умирать еще раньше. Обычный их срок – 40-45 лет. А он пережил этот срок чуть ли не на половину четверти. Необъяснимая загадка. Хотя и все на самом деле более чем объяснимо.

В итоге, не имея на то видимых причин, я все же поверил в его смерть. Но словно бы не намеренно выдержал после нее паузу в несколько лет, прежде чем взялся за бытописание Пожарского. И скорее даже не всей его жизни, а лишь каких-то судьбоносных глав из нее; как бы все равно преследуя желание хотя бы схематично отобразить жизнь этого человека. Почему? Не знаю. Быть может для меня это показалось необходимым. Ну видимо и действительно необходимым. И опять же – для меня. (Просто я не думаю, что это было еще кому-нибудь нужно.)

.....
.....

Владимир Алексеевич Пожарский мне казался личностью преинтереснейшей. Ну начнем с того, что он жил не одной жизнью, как большинство из нас, а в жизнь его вмещалось жизней много. Именно много, а не несколько.

Чтобы это значило?

А так ли уж должно это было что-то означать? Нет. Не обязательно. Ну или как минимум – мне так не кажется.

Ну, видимо, пора уже и начинать.

Как прошло детство и юность Владимира Алексеевича, я не знаю. Но уже понял, что даже если бы я и знал это, то все равно вряд ли мне бы стали известны какие-то мельчайшие особенности (как-то: мысли Владимира Алексеевича, взаимоотношения его со сверстниками и проч.), по которым уже можно сделать соответствующий анализ, проследив некие задатки его характера, проявившиеся у него после, но наверняка берущие начало именно в детстве.

Так уж выходило, что ни детство, ни юность Владимира Алексеевича мне были неизвестны. Этот человек вообще предстал передо мной в достаточно зрелом возрасте. Да еще и вернулся он с того места, которое больше лет прибавляет к биологическому возрасту, нежели чем могло быть даже в реальности.

И тем не менее для меня было интересно выяснить как проходила его жизнь до того момента, как он, собственно, попал в заключение.

Какое-то время, помнится, я еще носился с идеей: действительно ли мне это необходимо, пока решил, и поставил для себя задачу собрать все необходимые сведения.

Как ни странно, сведения я собрал достаточно быстро.

К тому времени я, правда, еще их не проанализировал. Но помнится, стоило мне только приступить к какому-то анализу, и я уже чуть ли не сразу убедился, что Пожарский личностью был более чем уникальной. Но важно было даже не это. Это я и так знал. Помнится, меня тогда как-то расположило то, что Владимир Алексеевич в какой-то один отрезок времени умудрился вмещать как минимум несколько жизней. Причем мне казалось что не всегда знал (или желал) об этом сам.

Нет, не сказать так уж что все у него выходило совсем бессознательно. Но ведь верно и то, что Пожарский, если так можно сказать, находился в процессе. Что почти означало, что какие-то и мысли и бессознательные желания крутились вокруг того что и на самом деле в итоге происходило с ним. А значит у меня уже и практически нет оснований говорить о его какой-то непричастности к происходящему. Хотя?

.....

Выходило так, что в период с 20 до 30 лет Пожарский представлял из себя совсем одного человека, с 30 до 40 лет – другого, с 40 до 50 временно выпадает, а после 40 Владимир Алексеевич стал и вовсе – совсем уж другим. Таким, каким видимо и понравился моей матери, отчего она вышла за него замуж.

Мне были любопытны два периода, которые я конечно условно разделил десятилетиями, хотя на само деле по всей видимости границы были у них несколько иные. Ну да ладно. Я просто не сторонник так уж привязываться к каким-то числам.

Иначе видимо и на самом деле может получиться какое-то расхождение.

ГЛАВА 5

Известный в узких кругах некто Чифирик, был среднего роста, спортивного телосложения парень, с чубом русых волос и стриженным затылком. Чифирик все время носил кепи, был беспринципен, уверен в себе, и отчасти храбр. Ходили слухи, что он никого не боится. Ходили также слухи, что Чифирик был богат, занимался игрой в карты (в то время незаконной в Советском Союзе), любил гулящих девок, рестораны, и вообще время проводил не в трудах праведных, а в развлечениях.

Уже наверное тут бы я мог вступить за Володю Пожарского (Чифирик был именно он), уточнив что игра в карты и проведение времени в ресторанах это тоже своего рода работа. Просто работа не может состоять только из стояния за станком или иметь какой-то обязательный временной период, начинавшийся утром, заканчивавшийся вечером, с перерывом на обед и двумя выходными. Такую работу не любил я и сам. Притом что в зависимости от многих других работ в Советском Союзе (да и сейчас в России) работа Чифирка была опасна не меньше, чем работа пограничника или милиционера. Ибо на такой работе могли убить. Причем чаще всего – случайно.

И все же Чифирик от своей работы не отказывался. Он только периодически вносил в нее какие-то коррективы. Не меняя, впрочем, сути: его работу не считал работой уголовно-процессуальный кодекс.

Ну а кроме того, чтобы случайно не загреметь на нары за тунеядство (чего, помнится, не избежал в советское время один тогда еще малоизвестный ленинградский поэт и будущий

нобелевский лауреат), Чифирок завел себе трудовую книжку, в которую проставлял необходимые отметки знакомый Чифирка попупенсионер, не забывая откладывать себе на чекушку и на закусь начисленные за подставного работника крохи.

Впрочем, подобная практика была распространена. А потому и не так интересна, чтобы нам расширять тему.

Удивительно, но мне почему-то казалось, что в те годы самому Чифирку не так чтобы и нравилась жизнь, которую он вел. Да, выходило так, что он не очень охотно стремился ее менять. Но вот мне отчего-то казалось, что так уж над тем, что с ним происходило, Чифирок не задумывался. Ну, выходило и выходило. Жизнь протекала в каком-то своем русле. Жизнь, или река жизни. Разницы уже не имела. Потому как тогда уже Володя знал, что это не удержится на всю жизнь. Что в какой-то один момент он поменяет свою жизнь. Заменит ее какой-нибудь другой. И произойдет это словно бы и действительно само собой. И что уж точно – как-то незаметно для самого Чифирка. И быть может даже так-то уж и не считаясь с его желанием.

Да, по сути, и к необходимости изменений. Потому как наверняка ведь что самих каких-то явных изменений не было. А лишь только стало непонятно как можно ему и дальше продолжать такую жизнь. И как только произошло это, так почти сразу же и побежал куда-то Чифирок. Побежал мысленно, конечно, и совсем не по-настоящему. А то и еще скорее – побежали куда-то его мысли. А через время он и сам не заметил, как изменился. И уже не радовали его прежние мысли. А друзья-приятели и вовсе разонравились.

Как бы то ни было, но следующий возрастной период Володя встретил уже с другим человеком. Мне все же кажется, что каких-либо кардинальных изменений он поначалу не почувствовал. Но наверняка заметил. И уже как бы то ни было, но начавшийся новый жизненный период Володе Пожарскому понравился. Хотя и видимо все равно не настолько, чтобы он решил подчинить ему оставшуюся жизнь. Хотя уже здесь я мог бы заметить, что, во-первых, почти никто из нас толком не знает, когда его жизненный период закончится. А во-вторых, мне почему-то казалось, что Владимир Алексеевич в то время так уж об этом не задумывался. Ну, хотя бы потом, что у него стала строиться необычайная карьера. И он стал вздыматься по карьерной лестнице. Причем столь стремительно, что мне действительно казалось что вряд ли у него появлялось (ну или – так уж часто появлялось) желание задумываться еще о чем-либо, кроме того что ему действительно фартило, и фартило даже по сумасшедшему.

В том, что это был действительно фарт, Владимир Пожарский убедился уже через десяток лет, когда разом рухнуло все, что он с такой тщательностью выстраивал; а сам Владимир Алексеевич оказался сначала в тюрьме, а после в колонии. А как мы помним из его записей – мог и вовсе не выжить, или изначально получить высшую меру.

Не получил. Но все равно умер (пусть и не по своей воли, а насильственной смертью), не прожив ту жизнь, на которую, быть может, рассчитывал. Хотя и у меня до конца сомнения, что это было действительно так.

Но уже получается, что в нашем повествовании до этого по сути надо и дойти. Ибо, как бы уже не было, но почему-то хочется не только разделить жизнь Пожарского на несколько достаточно длинных жизненных отрезков, но и в какой-то мере познакомиться с ним в каждом из них. Хотя и я до конца не уверен, что это в полной мере получится. Прежде всего, что и сам Пожарский не так уж старался придерживаться какой-то цикличности. Хотя и, конечно же, нам это стоит попробовать. Ну, хотя бы схематично.

Часть 5

ГЛАВА 1

--Ну что, ты и сейчас считаешь что права?—молодой человек возвышался над сидящей на стуле женщиной, заметно старше его, задумчиво уставившейся в стол от только что услышанных слов. Неожиданно взгляд ее, еще за секунду-другую до этого злой, подобрел. Появилась слеза. Потом другая. Еще мгновение, и женщина разрыдается. Это мгновение опередил Володя, опустившийся и обнявший мать.

--Мама... ну мама, не надо,--попросил он.—Его рот, выдававший только что чеканные фразы, сжался.—Мама, не надо,--попросил он.—Так уж вышло.

--Я знала, знала что когда-нибудь произойдет так,--видимо через силу, но женщина заставила себя успокоиться.

.....

--Ну а почему же так все произошло?—удивился Володин дед (отец его отца), вылезая из погреба, где он хранил вино, которое сам же и делал.

--Не знаю,--пожал плечами Володя.

--Нет, ты явно что-то недоговариваешь,-- хохотнул Михаил, дедов племянник, и, получается, брат его отца.

--Да что вы пристали к ребенку,--вступилась за внука Мила Борисовна.

Мила Борисовна была интеллигентная, пожилая женщина, бывшая учительница истории в школе, ныне на пенсии. Ее муж, Самуил Геннадиевич, когда-то работал бригадиром в сталелитейном цеху, сейчас тоже пенсионер.

--Ну а в чем же все-таки суть недавнего спора?—спросила Люба, полная высокая девушка с лицом стервы.

--И вам так интересно об этом узнать?—с любопытством посмотрел на нее.

--Ну а почему нет?—посмотрела на него Люба, еще видимо не решив какой ей нужно сейчас казаться окружающим: злой и расчетливой, или заботливой и доброй; поэтому и взгляд у нее получился не в пример обычному: нейтральный.

В душе Володи, случайно увидевшего в этот момент свою любимую девушку (он с ней спал и ему казалось что любил) почудилось что-то нехорошее. Что это было -- до конца он, конечно же, не знал. Но вот сейчас как будто явственно почудилось, что Люба не совсем та, за кого себя выдает. Она не была такой уж сильной, как хотелось видеть ее Володе, видимо не была до конца честной (Володя подумал, что фактов ее честности вообще не знает), и что уж точно, она не была красива. Володя понимал, что как раз об этом может вообще не стоило, но он вдруг заметил, что Люба не такая уж красивая как он до этого ее представлял. Ну, или быть может, он вдруг только сейчас внимательно разглядел ее. Ведь раньше, на людях, они и виделись-то мельком. А когда оставались наедине – Володе хотелось сразу же овладеть этой девушкой. А она этому никогда и не препятствовала. Причем отдавалась всегда с жаром и неистовством страсти, в разных позах, а когда у Володи как будто уже и не хватало сил (хотя сил-то у него хватало надолго – но есть ли предел страсти?), обхватывала поникшее оружие мужчины своими губами – и через время у них начиналось все по новой. Причем Вова сейчас как бы и не к месту вспомнил, что

фактически он так никогда и не кончал ей в рот. И все потому, что эта молодая женщина любила, чтобы ее отъебали основательно, во все, как говорится, места, и подольше.

Вспомнив то, что он вытворял со своей возлюбленной в постели, молодой человек почувствовал, как его пенис видимо давно уж налился желанием. А когда случилось так, то он с недавних пор, послушав совета видного сексолога, предпочитал как можно быстрее давать выход своей страсти. Сейчас, правда, было что-то наподобие совмещения праздника и ужина давно не видевшихся членов семьи, но Володя подумал, что было бы совсем неплохо на миг выскользнуть в соседнюю комнату и *облегчить* себя. Еще лучше, если бы помогла ему в этом Люба. Ну, или вернее – ее губы. Хотя можно и не только. Главное, чтобы не растянулось по времени. (Володя знал, что ночью между ними все равно происходит секс. Но ему действительно захотелось сейчас.)

--Я сейчас,--обратился Володя к присутствующим.

--Люба,--посмотрел он на девушку.—Помоги мне.

--Я скоро приду,--снова взгляд на присутствующих, несколько заинтересованно следящих за тем что произойдет.—Я совсем забыл что у меня для всех вас подарок. Но я оставил его в машине.

--Люба, пойдем, поможешь,--еще раз, теперь более властно, молодой человек посмотрел на девушку.

Та неохотно поднялась, скривившись в понимающей улыбке.

Стоило только им выйти за дверь, Володя схватил руку девушки и положил ее на свой член, выпирающий из штанов.

--Что, прямо здесь?—злобно фыркнула Люба.

Володя резко ударил ее по щеке, и схватив за волосы, наклонил, другой рукой застегивая молнию.

--Поняла, поняла,--сквозь слезы покорно произнесла девушка. В таком положении молодые люди зашли за угол, и Володя вставил свой член в рот девушке.

--Попробуй только плохо отсосать,--прошипел он.—Сука,-- добавил через время.

Но девушка видимо или не умела сосать плохо, или намеренно выебывалась. Потому как она сделала все настолько замечательно, что Володя решил про себя, что обязательно купит возлюбленной какой-нибудь подарок. Быть может даже дорогой. В зависимости как та будет вести себя дальше.

.....

С одной стороны можно было сказать, что жизнь Володи Пожарского, молодого, 22-24 летнего парня, целиком состояла из секса.

Но нет. Так говорить - это только если смотреть лишь с одной плоскости. Что, по сути, допустимо только если у вас нет желания несколько подробней разобраться в этом человеке. Человеке достаточно интересном. И в какой-то мере даже удивительном. Хотя, опять же, все удивление возможно лишь, если не знать других людей. А так уж вышло, что к своему повествованию о Владимире Алексеевиче Пожарском я приступил когда некоторые из интереснейших людей мне встречались. А

потому я ограничусь лишь утверждением, что фигура Пожарского как минимум увлекательна для изучения ее. И интерес доставляет, например, способность Пожарского видоизменяться в зависимости от жизненных обстоятельств.

Мне кажется, здесь уместно будет сравнить фигуру Пожарского с неким доисторическим ящуром. Если, например, предположить что это млекопитающее каким-то образом сохранилось до наших дней. И вот если бы я не знал о смерти Пожарского, я бы с огромнейшим удовольствием написал, что, по моему мнению, Пожарский способен будет жить вечно. Ну, мне так казалось. Вы уж извините меня.

Если кто знал Володю Пожарского в его двадцать-двадцать четыре, пять, даже шесть – мне кажется очень удивились бы, встретив этого человека всего лет через семь. Это уже был другой человек. Забавно, но у него изменилась даже внешность. Лицо, фигура, выражение глаз, речь... В какой-то мере походка, и что уж наверняка – отношение к жизни.

Этот человек словно бы прошел школу разведчиков, закончил ее, потом закончил какие-нибудь краткосрочные курсы повышения квалификации, и предстал перед нами уже совсем другим.

По сути, странно, но это было именно так. Странно, но зачем человеку меняться? И при этом я узнал, что все изменения произошли как бы сами собой. Ну, Пожарский в них не то чтобы не участвовал, но и какого-то явного участия действительно не принимал.

ГЛАВА 2

Уже с этих позиций Пожарским можно было заинтересоваться.

Думаю, у него была способность приспосабливаться и располагать к себе людей. Хотя и уже тут же могу заметить, что как-то так выходило, что долгое время люди возле Пожарского не задерживались.

Да, поначалу они что-то угадывали в нем такое, что вынуждало (я думаю, именно вынуждало) откладывать другие заботы и ставить задачу на присутствие рядом с Пожарским. Рядом с Володей, Владимиром, Владимиром Алексеевичем (это уж для кого как) Пожарским. Но оказывалось, что среди этих людей были всего единицы (в процентном отношении), кто действительно сохранил с ним общение на долгие годы. Причем общение близкое. Большинство из когда-то близких знакомых и даже друзей Пожарского сейчас о нем даже не помнили. И что уж точно – не помнил о них он. Так, осталось в его памяти лишь дымка воспоминаний, наверняка не больше.

И при этом прошел десяток-другой лет (я даже думаю десятка полтора), как стало происходить нечто удивительное. Люди, знакомившись с Пожарским, каким-то образом оставались рядом с ним. Достаточно странный факт, если вспомнить что раньше подобного не происходило.

Почему? Почему они оставались? Что отпугивало их раньше?

Можно долго гадать над этими вопросами, но я не очень люблю излишней загадочности в этом мире. Он и без того сложен.

Поэтому, на мой взгляд, все объяснялось достаточно просто: Пожарский и на самом деле изменился. Изменился быть может своим внутренним отношением к жизни, к окружающим, к самому себе. А люди ведь чувствуют это. Притом что мне почему-то кажется, что Владимир Алексеевич вдруг действительно стал любить людей. Ну, разумеется, не всех. И даже может большинство индивидов он именно ненавидел. А потому те, кто ему действительно понравились, выделялись на фоне других и притягивали Пожарского. И при этом я все так же уверен в первоначальном отборе Владимира Алексеевича.

А еще я могу заметить, что Пожарский достаточно серьезно изучал психологию людей. Поведение, эмоции, общение с другими индивидами, ничто не ускользало от взора Владимира Алексеевича. Его мозг постоянно что-то сравнивал, сопоставлял, оценивал. Мысленно предлагал, возможно, какие-то другие, новые, варианты решения. И уже поэтому вокруг Владимира Алексеевича стали появляться люди, ранее типажи которых он, по сути, должен был обходить стороной. А вот теперь изучал. Изучал, общаясь с ними, что-то выпрашивая у них, и со мной можно не согласиться, но помниться, когда я высказал предположение, то его охотно подтвердил один из близких товарищей Пожарского. А именно: помимо друзей и товарищей, вокруг Пожарского находились и его подопытные. Для экспериментов. Главный эксперимент – жизнь.

Можно, конечно, заподозрить в этом что-то не очень хорошее. Ну, нечеловечное, например. Но ведь это было не так. В

том то и дело, что личность Пожарского совсем нельзя вгонять в какие-то общепринятые рамки. В том-то и дело, что это был человек, который не только никогда не подстраивался под окружающих, но и сам уж слишком явно выделался на фоне их. Своей быть может какой-то непонятностью, ну или почти недопонятностью. Но на самом деле это видимо и была какая-то недопонятность. Ибо мало кто мог уверить себя, что до конца понимал Пожарского. Мне кажется, имя Пожарского ассоциировалось у них с образом человека не только беспринципного и решительного, но еще и не совсем понятного.

Владимир Алексеевич и на самом деле часто совершал неординарные поступки. Могу предположить, что эти поступки видимо были продиктованы какой-то изначальной внутренней предрасположенностью Пожарского на совершение чего-то такого, что уже как бы изначально могло быть непонятно другим. И как ни странно или печально, так это и на самом деле было. И при этом Пожарский совсем не был расположен что-либо менять. Ни на тот момент, ни в каком-то будущем. Зачем? Ему это было не нужно. Он вообще готов бы в любой момент послать все к черту, и начать жить какой-нибудь другой жизнью. Жизнь отшельника, например.

ГЛАВА 3

Я уже поздно узнал (и как-то случайно пришло ко мне понимание этого), что Пожарский казался разным еще и потому что все время старался изменяться. Точно замечая ошибки, ну или то, что могло быть в его понимании ошибками, этот человек в следующий раз уже ни в коем случае не стремился допустить нечто подобного. Он учился на былых слабостях. Обращая уже чуть ли не в следующее поведение их во что-нибудь позитивное как для его психики, так и для своей последующей жизни.

И уже можно сказать, что это была достаточно красивая, даже быть может отличнейшее качество Владимира Алексеевича. Ибо словно бы ничего не проходило мимо него, ничего не исчезало в пустую. А наоборот – все не только замечалось им, но и при последующем анализе вносилось соответствующие коррективы. И Владимир Алексеевич вообще уже можно сказать, способен был жить жизнь вечную. Да так верно и было бы, если бы через какое-то время в судьбу Владимира Алексеевича не вмешивались какие-то потусторонние силы. После чего или в душе его начинался хаос, разлад, или же у Пожарского как-то разом менялось настроение, и ему бывало разом опротивляло то, чем недавно он с таким пылом занимался.

Что это было? Почему получалось так?

Я не мог найти подобному объяснения. Мне почему-то казалось, что это быть может и вовсе так-то уж невозможно. Ну, или что вернее – совсем необязательно делать все так. Ибо получалось, что самой правды как будто не существует. Ранее существовала, да, но было это лишь ранее. Тогда как сейчас уже и вовсе все как-то непонятно. Не совсем понятно, необъяснимо.

Быть может и на самом деле все необъяснимо. И уж точно, я не смогу найти этому какого-то реального объяснения.

Почему же и на самом деле это получалось так? Не берусь так-то уж судить, но мне почему-то кажется, что Пожарский как-то слишком рано начал играть с жизнью в игру. Или она сама, или же Пожарский подумал, что жизнь походила на что-то подобное ребусам да кроссвордам. И при этом Владимир Алексеевич понимал, что он-то их, собственно, может и не отгадывать. Он может жить какой-нибудь параллельной жизнью. При этом, конечно, отмечая про себя и ту жизнь, которая была в какой-то мере его реальной жизнью. И при этом, выказывая такое отношение свое, что словно бы он и не так уж цепляется за нее. Что мол, она есть эта жизнь, но и это совсем не значит, что у него проявляется какая-то заинтересованность о ней. Хотя, повторюсь, заинтересованность на самом деле присутствует.

Быть может для самого Пожарского это было странное состояние.

Можно даже допустить, что сам он до конца что-то не понимал. Хотя видимо понимал, но понимал не совсем так, как это было на самом деле в чьем-то понимании.

Кто его знает. Я не знаю. Я пишу о Пожарском и при этом знаю, что так до конца и не разгадал, что из себя представляет этот человек. И тут же понимаю, что это должно быть и есть высшая благодарность Владимира Алексеевича. Ибо всеми своими поступками да высказываниями когда-то и кому-то мыслями этот человек стремился не допустить своего понимания.

Он хотел оставаться неразгаданным. До конца неразгаданным. Допуская, что в чем-то другие разберутся, что он из себя представлял, а вот в целом это будет загадка. Нечто загадочное, что на самом деле никогда и не должно было так-то уж сложиться в какую-то разгадку. И тогда уже должно быть лишь присутствие этой самой разгадки. Лишь желание допустимости этого. И не больше. Больше это было бы уже слишком.

.....

Нет, конечно, все правильно, Пожарский всем своим образом жизни стремился к тому чтобы его жизнь была непонятна. И даже быть может, недопустима к пониманию. Пусть это будет так. Я уже могу это допустить. Могу, но так ли уж это на самом деле необходимо? Так ли уж это будет до конца отражать всю ту искренность, что хранится в душах индивидов. Что наверняка, помимо моей, скрывается и в душе Владимира Алексеевича. Ведь он же и на самом деле был искренний и душевный человек. Пусть порой и совершал поступки, которыми словно бы стремился доказать нечто обратное. Но если допустить что это было действительно так, то уже могу заметить, что по всей видимости здесь-то мы как раз подошли к еще одной удивительной характеристики этого человека. К его жертвенности.

Жертвенность и так называемая душевная ранимость – понятия несколько разные. Мы можем говорить о жертвенности, но при этом допускать, что душа человека черства и груба. А преобладание какой-то жертвенности связано исключительно к необходимости какой-то игры. Что говорит о том, что это все быть может и не по-настоящему. Тогда как душевная ранимость в этом

плане нечто более искреннее. Потому что уже как бы изначально предполагает теоретическое намерение совершения индивидов той же самой жертвенности. Ну, выходит что так.

Но вот о чем я хотел сказать еще, так это о том варианте жертвенности, когда индивид изначально готов испытывать чувство вины, дабы только его душевное равновесие способно было обрести какую-то норму. Норму, опять же, необходимую для обретения жизнедеятельности. Вполне обычной, замечу.

Я могу сказать, что Пожарский мучился чувством вины.

Это страшное, по сути, чувство. Вы как бы уже и не можете, не способны себе принадлежать. Это как бы от вас уже и не зависит. И вы совершаете как будто и совсем немотивированные поступки. Но на самом деле более чем объяснимые. Потому как продиктованы они на самом деле тем, что исходит у вас изнутри. А вы, как бы этому на самом деле и не противились, сделать ничего и не в состоянии. Не способны. Да так уж выходит, что, по сути, и не хотите.

Не способность и не желание – понятия на самом деле разные. Мне кажется, что Пожарский противился совершению неких подобных поступков. Но выходило так, что от него это как бы никак уже и не зависело. А все что было, было странным, да и должно быть нелепым. И что уж точно, происходило действительно не зависимо от какого-то желания Владимира Алексеевича.

ГЛАВА 4

--Мне кажется, ты не совсем прав,--посмотрел на Володю Илья, его сокурсник по вузу.

--И в чем ты считаешь закралась ошибка?—
поинтересовался, закуривая, Владимир.

--Ну как тебе сказать,--смутился Илья.—Если допустить что девушки тебя просто обожают.

--Не все,--перебил его Володя.

--Не все. Всегда среди девушек есть ряд фригидных особ или откровенных стерв.

--Добавь к ним еще и дур...

--Да, дур, разумеется, этих вообще большинство,--так вот, если вычесть всех этих – то среди остальной категории ты мог бы иметь вполне долгожданный успех,--предположил Илья.

--Мог бы, да я не стремлюсь к этому,--ответил, задумавшись о чем-то своем, Володя.

--Да в том то и дело,--спохватился Илья.

--Подожди,--положил руку на плечо приятеля Владимир.—
Я так понимаю, ты хочешь всех этих баб себе.

--Ну, не всех,--смутился Илья.

--Ну разумеется не всех,--усмехнулся Владимир.—Но если хочешь, я могу тебе организовать встречу с некоторыми из них.

--Как?

--Да просто. Например, познакомлюсь сам ради тебя. Ради того чтобы познакомить их с тобой. Выбери кого-нибудь. Покажи мне. Я подойду и обо всем с ней договорюсь. Но не с каждой. Сначала я должен на нее взглянуть. Лица людей уже вполне говорят о том из чего состоит их душа.

--Понимаю,--кивнул Илья.

--Ну так...--Володя развел руками, мол..

--Я все понял,--казалось, Илья готов был прослезиться. По всему было заметно, что он очень благодарен товарищу. И вообще относится к нему уважительно.

Так выходило, что Володя и действительно не испытывал никаких проблем в общении с другими. И независимо кто это был: мужчины, женщины, молоденькие девушки или старики-извращенцы. Со всеми Пожарский (тогда еще совсем юный) мог найти язык. Притом что самое интересное, что ему-то от них на самом деле ничего было не нужно. Ему вообще никто настоящему не был интересен кроме себя. И если кем-то он интересовался, то лишь с целью получше изучить этого человека. Изучить жизнь. Потому что, изучая себя или другого человека, мы изучаем психику индивида. А значит, изучаем жизнь. Хотя и жизнь, конечно, слишком обширна и глубока, чтобы через какое-то время отрапортовать о какой-то своей завершенности, победе.

Нет. Победы в принципе не существует. То есть она есть, но ее нет в каком-нибудь окончательном варианте. Есть какие-то маленькие, мини-победы, которые, конечно, играют какую-то роль, но роль их весьма, если можно так сказать, поверхностна. И что уж наверняка, не способна привести нас к окончательной победе.

--Послушай,--спохватился Илья.—А что если тебе жениться на моей сестре?

Пожарский как-то подозрительно на него посмотрел. Он привык, конечно, что его все больше окружают придурки, недоделки, да неудачники. И даже сам подбирал их, общаясь с ними. И решая посредством этого какие-то свои задачи. Но иногда ему это надоедало. И он очень хотел бы избавиться от всех этих полудурков. Но... Мир в большинстве своем состоит из таких же несовершенных личностей. А потому...

И все же какой-то проблемой Пожарского должно быть было то, что ему приходилось действительно терпеть всех этих никчемных личностей; и прежде всего потому, что Володя с детства (с детства, юности, отрочества) лояльно относился ко всем этим полудуркам. Быть может, они ему были нужны?

Быть может и нужны. И так уж видимо действительно получалось, что в какой-то мере все они и действительно были необходимы Пожарскому. Пусть он и не всегда знал именно зачем, но наверняка ведь знал, что наступит момент, и они ему понадобятся. Это если рассматривать в целом. А уж в частности они ему пригождались и сейчас. Ибо во время многочисленных бесед с ними (притом что больше всего Пожарский всегда выслушивал, чем говорил сам), что так устаканивалось в его мозгах. Схемы соединялись, спаивались, и в итоге одна единая цепочка замыкалась. Что в итоге приближало Владимира Алексеевича к гармонии. К той гармонии, к которой бессознательно стремится каждый из индивидов. Но достигает которой уж точно не каждый.

.....

Пожарский не любил людей. В какие-то мгновения он их даже ненавидел. Уж слишком злобными, тупыми и несовершенными казались ему они. И в то же время еще больше Владимир Алексеевич переживал из-за того что не мог до конца избавиться от всех этих людишек. Да и по сути жил-то он в социуме, а не в лесу. А значит волей-неволей вынужден был контактировать с другими.

Ну и вскоре так получилось, что Пожарский наконец-то придумал для себя модель поведения в обществе. Он просто стал обращать внимание на людей только когда это было очень уж необходимо ему.

Во всех же иных случаях, даже находясь среди людей, Пожарский был увлечен (да и слышал) только себя. И ему совсем было безразлично какое впечатление окажет он на остальных. И это было в какой-то мере верно.

Им была правильно выбрана стратегия. А какое-то время и на самом деле не надо было ничего менять. А может быть и вообще не надо. Притом что остановившись на подобной модели восприятия мира, Пожарский решил что его, в общем-то, вроде как и все устраивает. Зная наперед, что он всегда будет способен внести какие-то коррективы. Если это потребуется.

ГЛАВА 5

Скажу наперед, что Володя много, очень много думал над жизнью.

Он анализировал происходящее в его жизни. Сопоставлял это с тем, что происходит сейчас, и происходило когда-то.

Не было никакой загадки. Ее, конечно же, не было. А если и существовала она, то необходимо было ему ее отгадать. Да и он, собственно, все время тем и занимался, что отгадывал какие-то ребусы да загадки, подкидываемые ему самой жизнью. Все время подкидываемые. Как будто уже она и не могла, да и не хотела что-либо иное являть собой. Кроме как всю ту мусть, что приходилось ему в последующем разыгрывать.

А ведь и действительно отгадывать,--подумал Владимир. Ведь жизнь-то его не иначе, как и состоит из того, чтобы разрешать, находить какие-то тайны, которые запрятаны были или в слои подсознания окружающих его людей, или же просто скрывались в каких-то вещах, или тайнах, ну и ведь действительно уже понятно было, что это были настоящие тайны. И вся жизнь состояла из этих тайн. Да и вообще все. А сам Пожарский был этому даже и очень рад. Потому как для ума его всегда была работа. А, хочу заметить (и я это выяснил весьма основательно), что без какой-либо нагрузки ум Владимира Пожарского совсем не мог существовать. Не способен был. Да ведь только поначалу Владимир Алексеевич как-то переживал по этому поводу, неразборчиво подкидывал в топку уголь--знания, а потом он достаточно быстро сориентировался. И уже в достаточно скором времени значительно обогнал и своих сверстников, а потом уже и не только сверстников. Но и даже осознавая это, он и не способен

был остановиться. И получал все новые и новые знания. А ему все казалось мало и мало. И этот процесс вполне мог казаться неостановим. Да так получалось, что его никто и останавливать не собирался. Да и зачем? Вперед! К свершениям. К обретению невероятного количества знания. Ко всему тому, что в последующем самым удивительным образом трансформировалось где-то в его сознании (или же в подсознании, и уже тогда – смешиваясь с сознанием). И являя конечный продукт в виде невероятного количества самой что ни на есть качественной информации, которая только могла быть, и которой располагал Пожарский.

И что самое интересное, это все и на самом деле было так.

.....

Пожарскому было и действительно грустно наблюдать за другими людьми. Причем не именно поступки их, но и даже мысли их – его раздражали. И что самое печальное, он только усилием воли мог бы найти их забавными. Нет, они его и действительно раздражали. Но он не мог ничего поделать. А так бы должно быть хотелось встать да и дать в ту или иную рожу. Или отвесить пинка сапогом.

Но Владимир Алексеевич Пожарский был достаточно интеллигентным человеком. А потому сдерживался. Всегда сдерживался. А я понимаю как ему хотелось, мне и самому хотелось.

ГЛАВА 6

Так получалось, что я не очень люблю какие-то диалоги. И не люблю и не стремлюсь к ним. Хотя иной раз и понимаю, что рассказывая о Пожарском (да и вообще в повествовании о ком другом), быть может и необходимо ввести диалоги. Но – не хочу. Изредка, конечно, приходится. Но в целом – не могу. Не могу и не хочу. И конечно, очень даже согласен с ярким противником засорения произведений диалогами – Набоковым. Но ведь это и действительно так. Хотя допускаю что и каждый автор может пользоваться необходимыми ему способами, причем часто для описания одного и того же. Ну да ладно.

Вот сейчас уже подумал, что вероятно не разрежение текста диалогами несколько (а то и значительно) утяжеляют его, как бы увеличивая смысловую нагрузку. Но по моему мнению, текст и не должен же быть таким уж простым. Хотя и совсем уж сложным, разумеется, тоже. Вопрос должно быть в предварительной литературной подготовке читателя.

.....

Со временем Пожарский научился избавляться от внутренних треволнений.

Но вначале они доставляли ему немало бед и страданий. И очень даже серьезных несчастий. А вот потом (это «потом» произошло по всей видимости лет через 10) научился с этим как-то справляться. Причем на деле все оказалось настолько просто, что Пожарский видимо и сам удивлялся почему все так? Хотя и нет у меня таких уж оснований утверждать что он действительно радовался этому. К тому времени скорей всего Владимир

Алексеевич уже не обращал на это какого-то серьезного внимания. Ну или не замечал. Старался не замечать. А может ведь и на самом деле не замечал. Так уж выходило.

.....
...

Могу предположить, что когда-то Пожарскому было очень даже тяжело. Тяжело его душе. И страдая, душа никак не могла смириться со всем что происходило по ее вине. Ну, по вине разума, скорее всего.

И видимо как раз тут крылись основные причины всех этих беспокойств. Многочисленные причины. Потому как не было возможности хоть как-то задержать мгновение уходящей реальности. А в том что она уходила, если кто и мог сомневаться, то только не Пожарский. Пожарский вообще более чем кто другой понимал, что у него может и нет иного выхода, как махнуть на все рукой, смирившись. Но ведь и верно что окончательно так он не делал. Нет. Он даже наоборот, постарался со временем что-то придумать такое, что смогло бы если и не удержать мгновение (на то оно и мгновение чтобы удержать его было невозможно), но хотя бы со временем возратить все на круги своя. И когда это бы получилось, то... Хотя тут уже могу сказать, что главное – получилось. Я знаю что получилось. А значит уже и не стоит так-то уж переживать из-за этого. Как говорится, жизнь такова.

ГЛАВА 7

Было бы удивительно понаблюдать за реакцией Пожарского, если предположить что ему попались бы эти записи о нем. Ведь так получается, что они насколько призрачны, настолько и схематичны. И что уж верно – быть может и не совсем отражают то, чем он бы хотел поделиться с наличием в себе. Хотя я могу ручаться, что в правдивости их как раз вы можете и не сомневаться. Другой вопрос, что они не достаточно полны чтобы создать полную картину того что же это был за человек. Хотя и с другой стороны, я ведь еще и не закончил. Просто так выходит, что именно и подобное повествование я считаю по-настоящему, в данном случае, оправданным. Ибо тут так получается, что был Владимир Алексеевич фигурой весьма противоречивой. И что уж точно, показалось бы весьма занимательным, что написал бы о себе сам. Но тогда мне хотелось заметить, что как мог я уподобился как раз его стилю. Повествования. Благо, что записи о нахождении Владимира Алексеевича в заключении сохранились. Ну а дальше уже как говорится дело техники.

Ну а тут то где еще хотелось бы признаться, что волей случая у меня оказались еще одни записи Владимира Алексеевича. Причем я нисколько и не сомневался, что принадлежат они именно ему. Хотя и текст весьма противоречивый. Чуть позже я приведу его. А чтобы совсем уж не оказалось ни у кого сомнений в том что писал именно Пожарский, напомним что никто из вас по большому счету и не знает Пожарского. Эту фамилию я придумал взамен той настоящей фамилии всем известного человека (быть может, и не так уж известного, но уверяю вас, что многие знали о его существовании). И в моем случае было бы совсем уж смелым

решением писать биографию или мемуары его. Потому я и скрыл его настоящую фамилию за вымышленной. Причем, замечу, что совсем случайно чуть не оказался под перекрестным огнем нашедшихся родственников и знакомых этих двух героев, посчитавших что в моей книге (был анонс книги, было выпущено несколько глав в различных журналах) непременно идет речь о ком-то известном им. Нет, уверяю вас, это не так. Вряд ли вам до конца известно кого же я имел в виду. И что уж точно, пока я решил об этом не распространяться. Посчитав так спокойным прежде всего для себя.

Ну да ладно. Наверняка еще будет время внести мне какие-то комментарии. А сейчас видимо я должен предъявить имеющиеся у меня записи. И совсем небольшой вопрос: действительно ли они принадлежат Пожарскому? Хотя для меня этот вопрос и не стоит. Я знаю что это он. Хотя?..

Часть 6

ГЛАВА 1

«Я не знаю, насколько я имею право писать обо всем, что чувствую сейчас.

Но уже с другой стороны, ведь любое письмо – это великое исцеление. Избавление от внутренних противоречий, разрывающих вас. Порой разрывающих на части. Это нечто, что действительно страшное и ужасное. И что на самом деле может быть опаснее для вашего мозга, чем вся та гнусность и мерзость, которая скрывается в вас; которая подчиняет ваши мозги. Которая заставляет вас вести иную игру. Игру по совсем не тем правилам, на которые вы рассчитывали. И уже поэтому... Плохо все это. Не должны вы так поступать. Следует вам быть внимательным ко всему, что происходит. Вот в чем дело. Важно это. Быть может даже очень важно. А иначе и нет смысла начинать.

Меня зовут Владимир Пожарский. Мне 47 лет. Я прошел жизнь.

В душе своей мне нет и 30.

Иногда мне кажется, что на самом деле я еще моложе. Быть может я даже мальчик. Мальчик с цветущим детством, с какими-то радужными представлениями о мире. Мальчик. Хотя видимо я все же глубокий старец. И мне уже даже совсем ничего не нужно, кроме того чтобы дожить жизнь. Нормально дожить.

Я почему-то думаю, что проживу еще от силы лет десять. Понимаю, что с каждым приближением к заданному сроку хочется, чтобы он сдвинулся еще хотя бы на немного.

Если повезет – так и получится. Если нет...

Мне не хочется сейчас думать что будет, если нет. В какой-то мере это видимо и ошибка и трагедия что это так. Не думаю что это так на самом деле. Видимо все же существует какой-то задел. Который позволит мне избежать совсем уж неожиданного падения.

На удивление, я уверен в себе. Я только что вырвался из ада. Пусть и не совсем, но я уже уверен, что это в действительности так. Расконвойка это почти свобода. Хозяин намекнул, что еще год-два и я уйду по УДО. На химию. В моем возрасте глупо, но я радуюсь этому. Радуюсь как мальчишка. Радуюсь еще не свершившемуся, но постоянно прокручиваемому в моих мозгах.

Не думаю что все по-настоящему плохо. Если хотите, я никогда не думал что это так. И что наверняка, все на самом деле иначе. Пусть это быть может сейчас и не объяснимо, но это так. А почему бы и нет. Ведь все равно мой мозг когда-нибудь не выдержит этого сумасшедшего напряжения. Что с того, что я... Кому на самом деле нужна вся эта гениальность кроме меня. Когда-то я был музыкантом. Все закончилось на уровне несерьезности. Был этап, когда это должно быть иначе, но я выбрал другой путь. Потом, много позже, я бы мог спастись,

начав писать. Я и начал писать. Ну, ту единственную свою книгу (научную) я сжег. Сжег рукопись, которая так и не стала книгой. Я просто почувствовал, что писать я не стану. Если бы я стало писателем, я бы подчинил этому все. Я бы подчинил этому себя. Я не стал. Я не испугался, а просто не стал. У меня есть человек, к которому я отношусь очень тепло и уважительно. Сергей Зелинский. Он стал. А я не стал. Я не он. Хотя когда-то он говорил, что мы очень похожи.

Я не стал музыкантом и не стал писателем. Занятия и тем и другим научили меня разбираться и в музыке и в литературе. Хотел заняться живописью. Создал несколько работ в стиле абстракционизма. Потом сжег их, напился, и пил еще несколько дней. На миг вернули к реальности наркотики. Но что это был за мир? Мир иллюзорной реальности! Один из лучших романов которые я когда-то читал «Иллюзия реальности». Его мог бы написать я. Не написал. Я вообще ничего не написал. А потому до сих пор я все ношу в себе.

Это видимо особая форма мазохизма – носить все в себе, не выпуская это наружу, оберегая это, наслаждаясь этим.

Почему так? Видимо какое-то время я задавался вопросом почему это так? Потом вопрос исчез как бы сам собой. Ну или уже так не воспринимал его.

К чему я стремился? Я боялся этого вопроса. Боялся ответить себе сам. Быть может боялся признаться в чем-то лишнем?

Порой мне не хотелось жить. Но это уж и совсем было не так. И если когда я так писал, то значит это было необходимо для чего-то. Потому что как раз так я на самом деле никогда и не считал. Вот ведь что интересно!».

ГЛАВА 2

Ситуация приключившаяся с Пожарским может показаться весьма забавной. К тому моменту, когда он начал новую рукопись (скорее все же это записи в тетради, даже не дневники), он уже по всей видимости успел отбыть лет семь срока (судя по упоминаемому им возрасту), и скорей всего действительно уже понял что осталось ему находиться в заключении совсем недолго. (Примечание издателя.)

ГЛАВА 3

«Мои чувства на тот момент видимо можно (да и следовало) назвать весьма противоречивыми. Ну, скажу, что я видимо расслаивался в них, как рассеивается туман, прореженный круглыми фарами автомобиля.

И по всему совсем нельзя было сказать, что я блуждал в каких-то облаках, потому как лишь только изредка я чувствовал, что проваливаюсь в пустоту, а остальное все время был даже до невероятности собран и сконцентрирован.

Странное это дело жизнь... Видимо и действительно странно. Хотя я и не могу допустить, что это все действительно так. И если кажется мне, что в какой-то ситуации что-то возможно недопонимать, то уже это вероятней всего лишь моя какая-то реакция на это, ибо на самом деле все значительно и не так, и даже может быть более чем спорно, чем так или иначе.

Мне кажется, что в чем-то тут, по всей видимости, и может быть ошибка. Ну что уж точно, все и не совсем так как быть может того бы хотелось мне. Но вот ведь вопрос: насколько в реальности это все может претендовать на истину? Особенно с учетом того что и сама истина весьма и весьма затруднительна. Ну, или конечное понимание ее, истины, нелепо и непонятно. Хотя и что есть она, истина, кроме как не совсем уж прозрачной дымки чего-то несуществующего...».

На этом записи Пожарского прерываются. Или же решил остановиться я.

Далее идут какие-то пространственные размышления о существующей реальности, о том что видимо или происходило или теоретически могло происходить с Пожарским. И примерно в этот же период стало подтверждаться одно из моих предположений, что Владимир Алексеевич сходил с ума.

Да, пусть тогда это еще и не было так выражено. Да и еще удивительнее, что до конца явственно каких-то отклонений не было заметно и до конца его лет. И тогда уже могу предположить, что Dementia praecox¹ проступало эпизодически. Да и форма заболевания Владимира Алексеевича была одной из удивительных форм разновидностей этого заболевания. Ну и уже как бы то ни было, могу обратить внимание, что как раз именно поэтому и был, собственно говоря, как-то по особенному интересен Владимир Алексеевич. Ибо совершал поступки он явно не подпадающие ни под рамки совершения, ни уж тем более восприятия их простым индивидом. И уже видимо потому этот человек был мне интересен. Ну, так уж выходило.

.....

В какое-то время у меня появилось желание как-то объединить Пожарского с тем человеком, которого я считал своим отцом.

И хоть я более чем явственно понимал что речь идет о совсем разных людях, и тем не менее нет-нет да и проскальзывала мысль: не есть ли это все игра со стороны может матери? А Пожарский это на самом деле найденный со временем мой отец, а

¹ Шизофреническое расстройство

не представленный мне 70-летний муж моей матери и мой, получается, отчим. Хотя и сейчас уже понимаю, что вряд ли мать была внутренне способна на такие многоходовые комбинации. И даже не потому, что не могла, а главным образом потому что ей это было не нужно.

Ну, конечно же, с отцом это были мои фантазии. Фантазии с подменой моего настоящего отца Пожарским. И для меня видимо все равно так и останется загадкой и личность моего родителя и фигура Владимира Алексеевича Пожарского.

И даже может так случиться, что на каком-то этапе мне все равно невольно придется объединить этих двух людей. Просто потому, что они невероятным образом смешиваются в моем подсознании. И видимо это все и на самом деле должно быть так. Уже просто потому, что и иного как будто не дано.

А на самом деле я понимал, что к неким подобным ассоциациям ненавязчиво сподвигал меня Владимир Алексеевич. И сейчас, вспоминая последствия той нашей беседы, я нет-нет и начинаю. Понимать нечто большее, чем то, что на самом деле существовало, и что уд точно, чем понимал тогда.

ГЛАВА 4

Правилось ли мне, что отец мой был мореплавателем и путешественником?

Не думаю, что он был им всю сознательную жизнь. Хотя и весьма значительный период жизни видимо отдал морю. А море и путешествия всегда нечто увлекательное и занимательное. Потому как это совсем другая реальность, чем пресное бытие большинства из нас. А потому к морским путешествиям и стремятся люди весьма и весьма неординарные. И это действительно так.

.....

Сколько лет должно было быть сейчас моему отцу, если бы он был жив?

Как ни странно, я боялся ответить на этот вопрос. Притом что я, конечно, ответ знал. Пусть и не сразу, но мне достаточно было сопоставить какие-то известные факты и наверняка не было бы сомнений, что я отвечу верно.

Но беспокоило меня на самом деле не это.

Так уж выходило, что задумываясь о своем пропавшем без вести отце, я нет-нет да и сопоставлял его с Пожарским.

«И не может ли так быть, что желание написать биографию Пожарского – это мое бессознательное стремление предпринять то же самое по отношению к отцу, каким-то образом ассоциируя его с Пожарским?»—все чаще задавал я себе этот вопрос, и где-то в отдалении своего сознания понимал, что недалек от истины.

Но и даже если я ошибался, истина все равно рано или поздно должна была обрисоваться. Я это чувствовал. И чувствовал настолько явственно, что не было никаких сомнений, что в мои

размышления может закрасться какая-либо ошибка. Это конечно же было так. Ошибки быть не должно. Я это более чем явственно понимал.

.....

В один из дней Пожарский встал раньше обычного. Он уже давно наметил претворить в жизнь одну из своих гениальных идей. Но уже так получалось, что раньше что-то подобное откладывалось.

Теперь же он понял, что этот час наступил.

Прежде всего, он снял трубку и набрал телефонный номер.

--Капитан?

На другом конце провода раздалось сначала покашливание, а потом подтверждение вопроса, мол, да, капитан. И что собственно с того?

--Капитан,--уже радостно повторил Пожарский. На миг у него промелькнуло: как ему лучше себя представить. Но тут же он подумал, что будет достаточно просто начать разговор. Капитан его узнает по голосу.—Капитан, я согласен,--сказал Пожарский.

--Согласен?—переспросил тот кого назвали капитаном.—И что мне прикажете делать?

--Подожди,--попросил Пожарский.—Вы что ж, хотите сказать, что время ушло, и теперь все раннее задуманное не только не может состояться, но и вообще находится под угрозой?

--Нет, я так не думаю,--признался капитан.

--Как я понимаю, нам необходимо встретиться,--предположил Пожарский.

--Я тоже так считаю,--согласился капитан.

Встретились они через полчаса. Капитан оказался высоким худым стариком, с космами седых волос, в сером костюме, и с живым проницательным взглядом.

--Я не думаю, что все так плохо,--успокоил Пожарского капитан.—Более того. Пока я шел навстречу, все еще раз обдумал.

--И?—в ожидании посмотрел на него Пожарский.

--И думаю, что действительно можно попробовать. Но все, что сейчас могу обещать – это должность помощника шкипера. Вы ведь говорили, что хорошо знаете...

--Я не это имел в виду,--нервно перебил капитана Пожарский.—Скажу даже более: я не готов сейчас взять на себя ответственность, возглавив какой-то пост.

--Вы так считаете?—с некоторым сомнением посмотрел на него капитан.

--Уверен,--подтвердил Владимир Алексеевич.

--Ну тогда что же вы хотите?—несколько растерялся капитан.

--Мне кажется, я могу выступить в роли простого гостя на корабле,--ответил Пожарский.—Ведь, по большому счету, в управлении судном справитесь вы и без меня. А вот перевезти меня через океан вам особого усилия не составит. Или я ошибаюсь?

--Вы не ошибаетесь,--сухо ответил капитан.—И вроде как вы говорите правильно. Но вот мне ваша правильность совсем ни к чему. Вы понимаете о чем я говорю?

--Нет,--признался Пожарский.

--Плохо,--вздохнул капитан.

Капитан видимо хотел еще что-то объяснить, но неожиданно потерял интерес к продолжению беседы.

--Уже поздно,--выдал он из себя.—И все порядочные мужчины должны...

--Не вам давать мне какие-то наставления,--жестко произнес Пожарский.

Взгляды мужчин встретились. Каждый из них почувствовал душевное состояние другого.

А потом внезапно налетевший ураган подхватил собравшихся (не забыв опрокинуть столы, стулья и разную мелочь, находившуюся в квартире одного из героев) и унес прочь.

Какое-то время после этого слышались лишь завывание ветра, и ничего не происходило. А потом... А потом Пожарский проснулся. Проснулся с болью в голове и каким-то неприятным осадком в душе как будто он что-то не завершил или кого обидел.

Ему стало стыдно. Сначала стало стыдно. Потом накатило чувство вины. А потом вроде как и вовсе все внезапно куда-то исчезло. И Владимир Алексеевич Пожарский окончательно проснулся. Ему надо было продолжать жизнь. Вот только вопрос: хотел ли он этого?

.....

Волей-неволей Владимир Алексеевич вынужден был задуматься о том, что все, что сейчас только периодически происходит с ним, на самом деле предвестник надвигающейся катастрофы. А все дело в том, что он понял, что начинает сходить

с ума. Этак ненавязчиво ему удалось понять, что его сознание стало вступать в противоречие с подсознанием. Ну, или вернее, последнее уж как-то рьяно принялось наслаиваться на сознание. И на самом деле уже чуть ли и совсем не намечалось какого-то другого выхода кроме как... Или остановиться, оставив все как есть и не обращать на это никакого внимания, или же попытаться предпринять какие-то меры по противодействию случившемуся. И даже это последнее быть может еще до конца и не оправдывало все эти начинания, и тем не менее в какой-то момент у Пожарского появилось желание оставить все и начать все сначала.

Скажем сразу, что чего-то подобного Пожарский не предпринял. А даже наоборот – он предпринял целую серию достаточно ненужных поступков, которые могли означать все что угодно, но только не свидетельствовать о том, что Владимир Алексеевич способен действительно делать что-то нужное и правильное. Вот ведь в чем дело. И уже быть может мне следовало бы наставить его на верный путь. Но ведь и все равно ничего толком не получилось бы. Потому как... Наверное прежде всего потому что чего-то подобного не хотел сам Владимир Алексеевич. А если так, то уже как будто и говорить о чем-то не следовало.

.....

Конечно, я не склонен так-то уж возносить фигуру Пожарского. Да, повторюсь, что мне этот человек интересен. Но интересен лишь в чем-то. Потому как по мере ознакомления с его жизнью открыл я для себя много чего такого, что быть может я и не приемлю.

И тут ведь очень хочется, чтобы правильно расставляли ориентиры.

А все дело в том, что даже если я и говорю что-то, это еще совсем не значит, что я по-настоящему так считаю.

В моем случае это быть может и вообще что-то сродни мозговой игры любителя бриллиантов сенатора Аблеухова. Или заложенной почти в каждое произведение игры с читателем Набокова.

И у меня – это тоже игра. И Шекспировское «Весь мир театр...» для меня не только необычайно близко, но и я считаю это вообще лейтмотивом всей нашей жизни. Необходимым правилом поведения - в этой жизни.

Так что уж отсюда можно предположить, что и фигуру Пожарского не стоит уж так принимать однозначно. И еще добавлю, что Владимир Алексеевич Пожарский – быть может и совсем не тот за кого себя выдает. Вот ведь в чем дело...

А потому не стоит так уж просто воспринимать в его образе или поступках то, что кажется простым. Ибо спешу уверить, что это совсем не так. И на самом деле – не все так просто.

Но вот как-то так получается, что и не могу я так просто отбросить от себя образ Пожарского. Ибо почти непременно будет преследовать он меня.

А неотступно следуя за мной – уже меня заводит в какие-то лабиринты памяти. Где я буду находить и вовсе что-то ненужное, а то и опасное мне. А этого ведь не хочется. Совсем не хочется.

И уже потому, с вашего позволения, я продолжу...

ГЛАВА 5

Владимир Алексеевич Пожарский не думал, что все получится так скверно. Ведь выходило, что он еще отбывал наказание, а его мысли уже опережали истинное положение вещей. А по-настоящему как бы выходило, что все и не так еще ясно и понятно.

А даже быть может и совсем даже непонятно. Ибо получалось, что жизнь его на зоне совсем даже не закончилась.

А стоит ему допустить еще ряд ошибок (которые он уже вроде как допустил), и он вообще может не выйти на свободу. Ну, или пока что *на химию*, как сказал ему гражданин начальник.

--Слышь, профессор, что к куму-то вызывали?

После того как в одной из *передач* Пожарскому прислали очки, с чьей-то легкой руки он получил прозвище «профессор».

Пожарский хотел было отмолчаться, да вспомнил, что в подобной среде это будет не так воспринято, потому как вопрос ему был задан все же нехороший.

--Кум предлагал ходатайствовать на *УДО*,--признался Пожарский.

--А что так,--насторожился *зека*, задавший вопрос про *кума*.

--Не знаю,--искренне пожал плечами Пожарский.

--Видимо за *профессора* кто-то *впрягается с воли*,--предположил молодой парень с *фиксами* и шрамом, из *блатных*.

--Не, *профессора кум кантует* на какой-то *косяк*,--ухмыльнулся заключенный по прозвищу Поршень.

Происхождение столь занимательной клички Пожарский не знал.

--Ша, *бакланы*,--распорядился Махно, *авторитет*, которому судя по всему разговоры мешали спать.—Решил *прикорнуть*, а ваш *базар* ни о чем будит и во мне нехорошие вопросы,--подтвердил наше предположение мужчина 45-47 лет, носивши *погоняло* «Махно».

--Или ты, Поршень,--повернулся Махно к *зеку* по прозвищу «Поршень»,--хочешь предъявить *профессору*, что он *скентовался с кумом*?

--Да нет, Махно, я только предположил,--пошел на попятную Поршень.

--А ты, лысый? - Махно зло посмотрел на зека с фиксами и шрамом.—Если имеешь *предъяву* к *профессору*, так давай...

--А что я, Махно?—надулся лысый.—Я ничего.

--Ну тогда хватит *базлать*,--распорядился Махно.—А вместо того чтобы помелом мести, *цифровок* бы *замастырили*,--Махно посмотрел на Поршня.

--Сейчас все сделаем,--ослабился тот.

--А ты, профессор, не переживай,--повернулся Махно к Пожарскому.—*Кум* на то и *кум* чтобы сбивать правильных арестантов с пути истинного.

Пожарский не нашел что сказать, и только смущенно улыбнувшись, развел руками.

.....

Владимир Алексеевич уже и действительно жил освобождением. По статьям в газетах и из новостей по телевизору он понимал, что в стране начали происходить события, которые

при должном раскладе должны были привести к его освобождению.

Просто так получалось, что если пока еще что-то ему было непонятно, то следовало как минимум смириться с этим. Да и ведь, по сути, он и раньше никогда не считал, что будет все просто. А сейчас и вовсе к этому не было никаких оснований.

Хотя и если уж признаться, воздух скорого освобождения уже нет-нет да просачивался до него сквозь *запретку* да *решку*. Да если внимательно присмотреться в то что произойдут какие-то изменения можно было заметить и по общей атмосфере в колонии усиленного режима, где он отбывал свой срок.

И эти изменения не заставили себя ждать.

Прежде всего, из *усиленного* – режим поменяли на *общий* (соответствующим указом *усиленный* режим вообще ликвидировали). Потом пересортировали часть контингента. Тех, у кого уже был не первый срок – отправили на строгий режим.

Почти тут же случилась амнистия. И добрая часть осужденных ушла по *УДО* на свободу, попала на *химию*, или у кого-то подошел срок *расконвойки*.

ГЛАВА 6

За годы осуждения у Пожарского, конечно же, накопились определенные мысли о тюрьме, зоне (он различал эти понятия прежде всего еще и потому, что в зоне ему было значительно легче *сидеть* чем в тюрьме), да и вообще о нахождении в заключении.

Дело так обстояло, что, быть может, один из немногих Пожарский мог бы признаться, что за первой реакцией отторжения новой для него среды обитания, через какое-то время он все же мог бы признаться себе, что в той ситуации, в которой он оказался на своем жизненном этапе – заключение было ему может даже и необходимо.

Ну конечно каким-то высшим силам это следовало делать не так, как произошло с ним, когда из внешне благополучной жизни его бросили в погреб с земляными червями. Большинство из которых имело зубы и острые когти.

Но ведь уже и с другой стороны,--думал Пожарский,--в каком ином случае вряд ли так быстро бы произошла смена его внутреннего мироощущения.

Ведь только рассудить – переход ведь и на самом деле произошел весьма неожиданный. А еще можно было сказать, что если бы не он, то и не было никакой уверенности, что нечто подобное произошло бы на самом деле. И что уж точно – вряд ли бы Пожарский смирился с этим. Да и уже ясно, что нет.

Владимир Алексеевич мог признаться, что в заключении у него, ну как бы это получше выразить – структурировались мозги.

И то, что еще было как-то до конца не сформировавшимся и неопределенным – разом дошло до кондиции. И то, о чем он еще только как бы начинал думать – разом высветилось своим финалом. Причем в каком-то параллельном изображении разом открылись какие-то и положительные и отрицательные стороны будущего действия. И даже что-то уберегало Владимира Алексеевича от совершения чего-то непоправимо опасного. Притом что вышло на первый план и то, без чего он может и обойтись бы не смог. Причем оно стало настолько понятно Владимиру Алексеевичу, что уже казалось очень близким, необходимым, и вообще, быть может, желанным.

И быть может самое главное. Пожарский как-то разом перестал опасаться своего будущего. Притом что оно еще и стало ему настолько близким, что у него совсем исчезла необходимость выстраивать в своем воображении какие-то ненужные комбинации. И это было очень хорошо.

Вместо послесловия.

У меня отчего-то возникло непреодолимое желание как-то закончить свое повествование о Владимире Алексеевича Пожарском.

Притом что я отметил про себя, что мысли о какой-то незавершенности, вынуждавшие меня не подчиняться, как я считал, сиюминутному желанию, на этот раз каким-то удивительным образом отступили.

И я уже подумал, что может быть и правда мне стоит подчиниться возникшему желанию. Да и на самом деле все так

складывалось, чтобы я нисколько не сомневался и поддался. Но... но что-то стало мне говорить о преждевременности подобного шага. Хотя и понятно, что для того чтобы у читателей сложился какой-то портрет Пожарского, подобных записей быть может и достаточно. Хотя и по сути, что я рассказал-то о нем? Ведь основное Владимир Алексеевич рассказал о себе сам. Притом что вполне можно было бы и вообще ограничиться рассказом его о себе.

Вы так не считаете?

Сергей Алексеевич Зелинский

13 января 2007 года.

**© С.А.Зелинский. Этап длиною в
жизнь.**